

Владислав Ходасевич Стихотворения

Сборник «Молодость» (1908)

Посвящается Марине

В моей стране

Посвящается Муни

Мои поля сыпучий пепел кроет.
В моей стране печален страдный день.
Сухую пыль соха со скрипом роет,
И ноги жжет затянутый ремень.

В моей стране — ни зим, ни лет, ни весен,
Ни дней, ни зорь, ни голубых ночей.
Там круглый год владычествует осень,
Там — серый свет бессолнечных лучей.

Там сеятель бессмысленно, упорно,
Скуля как пес, влачась как вьючный скот,
В родную землю втаптывает зерна —
Отцовских нив безжизненный приплод.

А в шалаше — что делать? Выть да охать,
Точить клинок нехитрого ножа
Да тешить женщин яростную похоть,
Царапаясь, кусаясь и визжа.

А женщины, в игре постыдно-блудной,
Открытой всем, все силы истощив,
Беременеют тягостно и нудно
И каждый год родят, не доносив.

В моей стране уродливые дети
Рождаются, на смерть обречены.
От их отцов несу вам песни эти.
Я к вам пришел из мертвенной страны.

**9 июня 1907
Лидино**

* * *

Нет, молодость, ты мне была верна,
Ты не лгала, притворствуя, не льстила,
Ты тайной ночью в склеп меня водила
И ставила у темного окна.

Нас возносила грузная волна,
Качались мы у темного провала,
И я молчал, а ты была бледна,
Ты на полу простертая стонала.
Мой ранний страх вздымался у окна,
Грозил всю жизнь безумием измерить...
Я видел лица, слышал имена —
И убегал, не смея знать и верить.

19 июня 1907
Лидино

* * *

Вокруг меня кольцо сжимается,
Неслышно подползает сон...
О, как печально улыбается,
Скрываясь в занавесях, он!
Как заунывно заливается
В трубе промерзлой — ветра вой!
Вокруг меня кольцо сжимается,
Вокруг чела Тоска сплетается
Моей короной роковой.

18 ноября 1906
Москва

* * *

Один, среди речных излучин,
При кликах поздних журавлей,
Сегодня снова я научен
Безмолвной мудрости полей.

И стали мысли тайней, строже,
И робче шелест тростника.
Опавший лист в песчаном ложе
Хоронит хмурая река.

16 ноября 1906
Лидино

Как силуэт

1

Как силуэт на лунной синеве,
Чернеет ветка кружевном спаленным.
Ты призраком возникла на траве —
Как силуэт на лунной синеве, —
Ты вознесла к невнемлющей листве

Недвижность рук изгибом исступленным...
Как силуэт на лунной синеве,
Чернеет ветка кружевом спаленным.

2

Из-за стволов забвенная река
Колеблет пятна лунной пуантели.
О, как чиста, спокойна и легка
Из-за стволов — забвенная река!
Ты темная пришла издалека
Забыть, застыть у темной колыбели.
Из-за стволов забвенная река
Колеблет пятна лунной пуантели...

19–20 июля 1907
Москва

Осень

Свет золотой в алтаре,
В окнах — цветистые стекла.
Я прихожу в этот храм на заре,
Осенью сердце поблекло...
Вещее сердце — поблѣкло...

Грустно. Осень пирует,
Осень развесила красные ткани,
Ликует...
Ветер — как стон запоздалых рыданий.
Листья шуршат и, взлетая, танцуют.

Светлое утро. Я в церкви. Так рано.
Зыблется золото в медленных звуках органа,
Сердце вздыхает покорней, размерной,
Изъявленное иглами терний,
Иглами терний осенних...
Терний — осенних.

1 сентября 1905
Москва

Sanctus Amor

Нине Петровской

И я пришел к тебе, любовь,
Вслед за людьми приволочился.
Сегодня старый посох мой

Пучком веселых лент покрылся.

И, как юродивый счастлив,
Смотрю на пляски алых змеек,
Тебя целую в чаще слив
Среди изрезанных скамеек.

Тернистый парк, и липы цвет,
И все — как в старых песнях пелось,
И ты, шепча «люблю» в ответ,
Как дева давних лет, зарделась...

Но миг один — и соловей
Не в силах довершить обмана!
Горька, крива среди ветвей
Улыбка мраморного Пана...

И снова ровен стук сердец;
Кивнув, исчез недолгий пламень,
И понял я, что я — мертвец,
А ты лишь мой надгробный камень.

8 октября 1906 — 8 января 1907

Утро

Молчи, склони свое лицо.
Ночному страху нет ответа.
Глубинней серого рассвета
Твое жемчужное лицо.

Томлений темных письмена
Ты иссекла на камне черном.
В моем гробу, как ночь упорном,
И ты была заключена.

Теперь молчи. Склони лицо,
Не плачь у гроба и не сетуй,
Навстречу мертвому рассвету
Яви застывшее лицо!

3 июля 1907
Лидино

* * *

Протянулись дни мои,
Без любви, без сил, без жалобы...
Если б плакать — слез не стало бы...
Протянулись дни мои.

Оглушенный тишиной,
Слышу лет мышей летучих,
Слышу шелест лап паучьих
За моей спиной.

О, какая злая боль
Замолчать меня заставила.
Долго мука сердце плавил,
И какая злая боль!

На распутьях, в кабаках
Утолял я голод волчий,
И застыла горечь жёлчи
На моих губах.

Я тобой смирён, молчу.
Дни мои текут без жалобы.
Если б плакать — сил не стало бы...
Я тобой смирён. Молчу.

14 мая 1907
Лидино

Ряженные

Мы по улицам темным
Разбежимся в молчании.
Мы к заборам укромным
Припадем в ожидании.

...«Эй, прохожий! прохожий!
Видел черта рогатого,
С размалеванной рожей,
Матерого, мохнатого?»

Ветер крепок и гулок.
Снег скрипит, разметаётся...
Забегу в переулок —
Там другие шатаются.

В лунном отсвете синем
Страшно встретиться с ряженым!
Мы друг друга окинем
Взором чуждым, неслаженным.

Самого себя жутко.
Я — не я? Вдруг да станется?
Вдруг полночная шутка
Да навеки протянется?

1 января 1906

Лидино

Гадание

Гадает ветреная младость...

Пушкин

Ужели я, людьми покинутый,
Не посмотрю в лицо твое?
Я ль не проверю жребий вынутый —
Судьбы слепое острие?
И плавлю мертвенное олово.
И с тайным страхом в воду лью...
Что шлет судьба? Шута ль веселого,
Собаку, гроб или змею?
Свеча колеблет пламя красное.
Мой Рок! Лицо приблизь ко мне!
И тень бессмысленно-неясная,
Кривляясь, пляшет на стене.

1 мая 1907

Лидино

* * *

Все тропы проклятью преданы,
Больше некуда идти.
Словно много раз изведаны
Непройдённые пути!

Словно спеты в день единственный
Песни все и все мольбы...
Гимн любви, как гимн воинственный,
Не укрылся от судьбы.

Но я знаю — песня новая
Суждена и мне на миг.
Эх, гуди, доска сосновая!
Здравствуй, пьяный гробовщик!

4 октября 1906

Москва

Портрету в черной рамке

*послание к****

Твои черты передо мной,
Меж двух свечей, в гробу черном.
Ты мне мила лицом склоненным
И лба печальной белизной.

Ты вдалеке, но мне мила
Воспоминаньем тайных пыток...
Моей судьбы унылый свиток
Ты развернула и прочла.

Как помню дни и вечера!
Нешадно нас сжимали звенья, —
Но не свершились дерзновенья,
Моя печальная сестра!

Опять вокруг ночная глушь,
И «неизменно все, как было»,
Вновь отворотил свое кормило
Сребролюбивый возчик душ.

Случайный призрак отошел,
И снова нами время правит,
И ждем, когда судьба заставит,
Вернуть решительный обол...

Твои черты передо мной,
Меж двух свечей, во гробе черном.
Ты мне мила лицом покорным
И лба холодной белизной.

11 мая 1907

Лидино

Ночи

Сергею Кречетову

Чуть воют псы сторожевые.
Сегодня там же, где вчера,
Кочевий скудных дети злые,
Мы руки греем у костра.

И дико смотрит исподлобья
Пустых ночей глухая сонь.
В дыму рубиновые хлопья,
Свистя, гремя, кружит огонь.

Молчит пустыня. Вдаль без звука
Колючий ветер гонит прах, —
И наших песен злая скука
Язвя кривится на губах...

Чуть воют псы сторожевые.

7 мая 1907

Лидино

* * *

Опять во тьме. У наших ног
Простертых тел укромный шорох,
Неясный крик, несмелый вздох
И затаенный страх во взорах.

Опять сошлись. Для ласк и слез,
Для ласк и слез — увы, не скрытых!
Кто чашу скорбную вознес,
Бокал томлений неизбытых?

Кто опрокинул надо мной
Полночных мук беззвездный купол,
И в этот кубок чьей рукой
Подлит отравы малый скурпул?

Ужели бешеная злость
И мне свой уксус терпкий бросит?
И снова согнутая трость
Его к устам, дрожа, подносит?

Увы, друзья, не отойду!
Средь ваших ласк — увы, не скрытых —
Еще покорней припаду
К бокалу более неизбытых...

Пылай, печальное вино!
Приму тебя, как знак заветный,
Когда в туманное окно
Заглянет сумрак предрассветный.

23–25 мая 1907

Лидино

Кузина

Зарница

Когда, безгромно вспыхнув, молния
Как птица глянет с вышины
Я затаенней и безмолвнее
Целую руки Тишины.

Когда серебряными перьями
Блеснет в глаза, пахнет в лицо,
Над ослепленными деревьями
Взметнет зеленое кольцо, —

Я вспоминаю: мне обещаны —

Последний, примиренный день,
И в небе огненные трещины,
И озарённая сирень.

И мнится: сердце выжжет молния,
Развеет боль, сотрет вины, —
И все покорней, все безмолвнее
Целую руки Тишины.

2 февраля 1907
Москва

Звезда
Выходи, вставай, звезда,
Выгибай дугу над прудом!
Вмиг рассечена вода
Неуклонным изумрудом.

Ты, взнесенная свеча,
Тонким жалом небо лижешь,
Вкруг зеленого меча
Водяные кольца движешь.

Ты вольна! Ведь только страсть
Неизменно цепи множит!
Если вздумаешь упасть,
Удержать тебя кто сможет?

Лишь мгновенная струя
Вспыхнет болью расставанья.
В этот миг успею ль я
Прошептать мои желанья?

29 мая 1907
Лидино

Стихи о кухне

Mädchen mit dem roten Mündchen
Heinrich Heine

1
Она
Как неуверенна — невинна
Ее замедленная речь!
И поцелуй у жасмина!
И милая покатошь плеч!

Над взором ласковым и нежным
Легко очерченная бровь, —

И вот опять стихом небрежным
Поэт приветствует любовь!

19 августа 1907
Лидино

2

Старинные друзья

...Заветный хлам витий

Валерий Брюсов

О, милые! Пурпурный мотылек,
Над чашечкой невинной повилики,
Лилейный стан и звонкий ручеек, —
Как ласковы, как тонки ваши лики!

В весенний день — кукушки дальней клики,
Потом — луной овеванный восток,
Цвет яблони и аромат клубники!
Ваш мудрый мир как нежен и глубок!

Благословен ты, рокот соловьиный!
Как хорошо опять, еще, еще
Внимать тебе с таинственной кузиной,

Шептать стихи, волнуясь горячо,
И в темноте, над дремлющей куртиной,
Чуть различать склоненное плечо!

13 июля 1907
Лидино

3

Воспоминание

Сергею Ауслендеру

Все помню: день, и час, и миг,
И хрупкой чаши звон хрустальный,
И темный сад, и лунный лик,
И в нашем доме топот бальный.

Мы подошли из темноты
И в окна светлые следили:
Четыре пестрые черты —
Шеренги ровные кадрили...
У освещенного окна
Темнея тонким силуэтом,
Ты, поцелуем смущена,
Счастливым медлила ответом.

И вдруг — ты помнишь? — блеск и гром,
И крупный ливень, чаще, чаще,

И мы таимся под окном,
А поцелуй — глубже, слаще...

А после — бегство в темноту,
Я за тобой, хранитель зоркий;
Мгновенный ветер на лету
Взметнул кисейные оборки.

Летим домой, быстрее, быстрее,
И двери хлопают со звоном.
В блестящей зале, среди гостей,
Немножко странно и светло нам...

Стоишь с улыбкой на устах,
С приветом ласково-жеманным,
И только капли в волосах
Горят созвездием неожиданным.

30–31 октября 1907
Петербург

4

Кузина плачет

Кузина, полно... Все изменится!
Пройдут года, как нежный миг,
Янтарной тучкой боль пропенится
И окропит цветник.

И вот, в такой же вечер тающий,
Когда на лицах рдяный свет,
К тебе, задумчиво вздыхающей
Вернется твой поэт.

Поверь судьбе. Она не строгая,
Она берет — и дарит вновь.
Благодарю ее за многое,
За милую любовь...

Не плачь. Ужели не отдаст она
Моим устам твои уста?
Смотри, какая тень распластана
От белого куста!

12 сентября 1907
Москва

Романс

«Накинув плащ, с гитарой под полою...»
Цвети звездой, ночная синева!

Ах, я лица влюбленного не скрою,
Когда пою наивные слова.

Она скромна, проста ее одежда,
В глазах — любовь и ласковый испуг.
Не обмани, последняя надежда,
Не обмани, пожатые робких рук!

Она тиха, влюбленная голубка.
Поможет ночь любовной ворожке.
В который раз на дно хмельного кубка
Бросаю скорбь и память — о тебе!

Не уловить доверчивому взгляду
В моем лице восторженную ложь.
«Иль, может быть, услышав серенаду,
Ты из нее хоть что-нибудь поймешь?»

Я прожил годы в боли неизменной,
Шутя пою наивные слова,
«Но песнь моя есть фимиам священный!...»
Благослови, ночная синева!

27–30 августа 1907
Москва

Поэт

Элегия

Не радостен апрель. Вода у берегов
Неровным льдом безвременно одета.
В холодном небе — стаи облаков
Слезливо-пепельного цвета...

Ах, и весна, воспетая не мной
(В румянах тусклых дряхлая кокетка!),
Чуть приоткрыла полог заревой, —
И вновь дождя нависла сетка.

Печален день, тоскливо плачет ночь,
Как плеск стихов унылого поэта:
Ему весну велели превозмочь
Для утомительного лета...

«Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?»
О, много раз встречались вы со мной,
Но тайных слез не замечали.

22 апреля 1907

Лидино

* * *

Вечер холодно-весенний
Застыл в безнадежном покое
Вспыхнули тоньше, мгновенней
Колючки рассыпанной хвои.

Насыпи, рельсы и шпалы,
Извивы железной дороги...
Я, просветленный, усталый,
Не думаю больше о Боге.

На мост всхожу, улыбаясь,
Мечтаю о милом, о старом...
Поезд, гремя и качаясь,
Обдаст меня ветром и паром.

21–22 мая 1907

Лидино

Вечером синим

Вечерних окон свет жемчужный
Застыл, недвижимый, на полу,
Отбросил к лицам блеск ненужный
И в сердце заострил иглу.

Мы ограждались тяжким рядом,
Людей и стен — и вновь, и вновь
Каким неотвратимым взглядом,
Язвящим жалом, тонким ядом
Впилась усталая любовь!

Слова, и клятвы, и обьятья
Какой замкнули тесный круг,
И ненавидящем пожатье
Как больно, больно — пальцем рук!

Но нет, молчанья не нарушим,
Чтоб клясть судьбу твою, мою,
Лишь молча, зубы стиснув, душим
Опять подкравшуюся к душам
Любовь — вечернюю змею.

Начало 1907

* * *

За окном гудит метелица,

Снег взметает на крыльцо.
Я играю — от бездельица —
В обручальное кольцо.

Старый кот, по стульям лазая,
Выгнул спину и молчит.
За стеной метель безглазая
Льдяным посохом стучит.

Ночи зимние! Кликуши вы,
В очи вам боюсь взглянуть...
Медвежонок, сын мой плюшевый,
Свесил голову на грудь.

9 февраля 1907 Москва

Кольца

1

Я тебя провожаю с поклоном,
Возвращаю в молчанье кольцо.
Только вечер настойчивым стоном
Вызывает тебя на крыльцо.

Ты уходишь в ночную дорогу,
Не боясь, не дрожа, не смотря.
Ты доверилась темному богу?
Не возьмешь моего фонаря?

Провожу тебя только поклоном.
Ожесточено сердце твое!..
Ах, в часовне предутренним звоном
Отмечается горе мое.

**24 ноября 1907
Москва**

2

Велишь — молчу. Глухие дни настали!
В последний раз ко мне приходишь ты.
Но различу за складками вуали
Без милой маски — милые черты.

Иди, пляши в бесстыдствах карнавала,
Твоя рука без прежнего кольца, —
И Смерть вольна раскинуть покрывало
Над ужасом померкшего лица.

17–22 ноября 1907

Петербург — Москва

Passvium¹

Листвой засыпаны ступени...
Луг потускневший гладко скошен...
Бескрайним ветром в бездну вброшен,
День отлетел, как лист осенний.

Итак, лишь нитью, тонким стеблем,
Он к жизни был легко прицеплен!
В моей душе огонь затеплен,
Неугасим и неколеблем.

27 мая 1907
Лидино

* * *

Мои слова печально кротки.
Перебирает Тишина.
Все те же медленные четки,
И облик давний, нежно-кроткий,
Опять недвижим у окна.

Я снова тих и тайно — весел...
За дверью нашей — Тишина.
Я прожил дни, но годы взвесил,
И вот как прежде — тих и весел,
Ты — неподвижна у окна.

И если я тебя окликну,
Ответом будет Тишина,
Но я к руке твоей приникну,
И если вновь тебя окликну —
Ты улыбнешься у окна!

22–23 августа 1907
Лидино

За снегами

Елка выросла в лесу.
Елkich с шишкой на носу.
Ф. Сологуб

Наша елка зажжена.
Здравствуй, вечер благовонный!

¹ Страдательный залог (лат.).

Ты опять бела, бледна,
Ты бледней царевны сонной.

Снова сердцу суждена
Радость мертвенная боли.
Наша елка зажжена:
Светлый знак о смертной доле.

Ты стройна, светла, бледна,
Ты убьешь рукой невинной...
Наша елка зажжена.
Здравствуй, вечер, тихий, длинный...

Хорошо в моей тиши!
Сладки снежные могилы!
Елкич, милый, попляши!
Елкич, милый, милый, милый.

16 ноября 1907
Петербург

* * *

Время легкий бисер нижет:
Час за часом, день ко дню...

Не с тобой ли сын мой прижит?
Не тебя ли хороню?

Время жалоб не услышит!
Руки вскину к синеве, —

А уже рисунок вышит
На исколотой канве.

12 декабря 1907
Москва

Цветку Ивановой ночи

Я до тебя не добреду,
Цветок нетленный, цвет мой милый,
Я развожу костер в саду,
Огонь прощальный и унылый.

Цвети во тьме, лелея клад!
Тебя лишь ветер вольно склонит
Да волк, блуждая наугад,
Хвостом ленивым тихо тронет.

В лесу, пред ликом темноты,

Не станешь ты ничьей добычей.
Оберегут тебя цветы,
Да шум сосны, да окрик птичий....

А я у дымного костра
Сжигаю все, что было мило,
Огня бессонная игра
Лицо мне болью оттенила.

Но та же ночь, что сердце жмет
В неумолимых тяжких лапах,
Мне как святыню донесет
Твой несказанный, дальний запах.

Я жду. Рассветный ветерок
Золу рассыплет, дым разгонит,
Я брошу в озеро венка,
И как он медленно потонет!

23 июня 1907
Лидино

Пролог неоконченной пьесы

Андрею Белому

Самая хмельная боль — Бездна, —
Самая строгая повесть — Любовь.
В сердце Поэта за горькую нежность
С каждым стихом проливалась кровь.

Жребий поэтов — бичи и распятья.
Каждый венчался терновым венцом.
Тот, кто слагал вам стихи про объятья,
Их разомкнул и упал — мертвецом!

Будьте покойны! — все тихо свершится.
Не уходите! — не будет стрельбы.
Должен, быть может, слегка уклониться
Слишком уверенный шаг Судьбы.

В сердце Поэта за горькую нежность
Темным вином изливается кровь...
Самая хмельная боль — Бездна, —
Самая строгая повесть — Любовь.

12 декабря 1907
Москва

Сборник «Счастливый домик» (1914)

Жене моей Анне

Пленные шумы

Элегия

Взгляни, как наша ночь пуста и молчалива:
Осенних звезд задумчивая сеть
Зовет спокойно жить и мудро умереть, —
Легко сойти с последнего обрыва
В долину кроткую.
Быть может, там ручей,
Еще кипя, бежит от водопада,
Поет свирель, вдали пестреет стадо,
И внятно щелканье пастушеских бичей.
Иль, может быть, на берегу пустынном
Задумчивый и ветхий рыболов,
Едва оборотясь на звук моих шагов,
Движением внимательным и чинным
Забросит вновь прилежную уду...
Страна безмолвия! Безмолвно отойду
Туда, откуда дождь, прохладный и привольный,
Бежит, шумя, к долине безглагольной...
Но может быть — не кроткою весной,
Не мирным отдыхом, не сельской тишиной,
Но памятью мятежной и живой
Дохнет сей мир — и снова предо мной...
И снова ты! а! страшно мысли той!

Блистательная ночь пуста и молчалива.
Осенних звезд мерцающая сеть
Зовет спокойно жить и умереть.
Ты по росе ступаешь боязливо.

15 августа 1908

Гиреево

Ущерб

Какое тонкое терзанье —
Прозрачный воздух и весна,
Ее цветочная волна,
Ее тлетворное дыханье!

Как замирает голос дальний,
Как узок этот лунный серп,
Как внятно говорит ущерб,
Что нет поры многострадальней!

И даже не блеснет гроза
Над этим напряженным раем, —
И, обессилев, мы смежаем
Вдруг потускневшие глаза.

И всё бледнее губы наши,
И смерть переполняет мир,
Как расплеснувшийся эфир
Из голубой небесной чаши.

**3 (или 10) апреля 1911
Москва**

* * *

Когда почти благоговейно
Ты указала мне вчера
На девушку в фате кисейной
С студентом под руку, — сестра,

Какую горестную муку
Я пережил, глядя на них!
Как он блаженно жал ей руку
В аллеях темных и пустых!

Нет, не пленяйся взором лани
И вздохов томных не лови.
Что нам с тобой до их мечтаний,
До их неопытной любви?

Смешны мне бедные волненья
Любви невинной и простой.
Господь нам не дал примиренья
С своей цветущею землей.

Мы дышим легче и свободней
Не там, где есть сосновый лес,
Но древним мраком преисподней
Иль горним воздухом небес.

Декабрь 1913

Зима

Как перья страуса на черном катафалке,
Кольшутся фабричные дымы.
Из черных бездн, из предрассветной тьмы
В иную тьму несутся с криком галки.
Скрипит обоз, дыша морозным паром,
И с лесенкой на согнутой спине
Фонарщик, юркий бес, бежит по тротуарам...

О, скука, тощий пес, взывающий к луне!
Ты — ветер времени, свистящий в уши мне!

Декабрь 1913

* * *

В тихом сердце — едкий пепел,
В темной чаше — тихий сон.
Кто из темной чаши не пил,
Если в сердце — едкий пепел,
Если в чаше тихий сон?

Все ж вина, что в темной чаше,
Сладким зельем не зови.
Жаждет смерти сердце наше, —
Но, склонясь над общей чашей,
Уст улыбкой не криви!

Пей, да помни: в сердце — пепел,
В чаше — долгий, долгий сон!
Кто из темной чаши не пил,
Если в сердце — тайный пепел,
Если в чаше — тихий сон?

3 августа 1908

Гиреево

Матери

Мама! Хоть ты мне откликнись и выслушай: больно
Жить в этом мире! Зачем ты меня родила?
Мама! Быть может, всё сам погубил я навеки, —
Да, но за что же вся жизнь — как вино, как огонь, как стрела?

Стыдно мне, стыдно с тобой говорить о любви,
Стыдно сказать, что я плачу о женщине, мама!
Больно тревожить твою безутешную старость
Мукой души ослепленной, мятежной и лживой!
Страшно признаться, что нет никакого мне дела
Ни до жизни, которой ты меня учила,
Ни до молитв, ни до книг, ни до песен.
Мама, я всё забыл! Всё куда-то исчезло,
Всё растерялось, пока, палимый вином,
Бродил я по улицам, пел, кричал и шатался.
Хочешь одна узнать обо мне всю правду?
Хочешь — признаюсь? Мне нужно совсем не много:
Только бы снова изведать ее поцелуи
(Тонкие губы с полосками рыжих румян!),
Только бы снова воскликнуть: «Царевна! Царевна!» —
И услышать в ответ: «Навсегда».

Добрая мама! Надень-ка ты старый салопчик,
Да помолись Ченстоховской
О бедном сыне своем
И о женщине с черным бантом!

<осень 1910>

Закат

В час, когда пустая площадь
Желтой пылью повита,
В час, когда бледнеют скорбно
Истомленные уста, —
Это ты вдали проходишь
В круге красного зонта.

Это ты идешь, не помня
Ни о чем и ни о ком,
И уже тобой томятся
Кто знаком и не знаком, —
В час, когда зажегся купол
Тихим, теплым огоньком.

Это ты в невинный вечер
Слишком пышно завита,
На твоих щеках ложатся
Лиловатые цвета, —
Это ты качаешь нимбом
Нежно-красного зонта!

Знаю: ты вольна не помнить
Ни о чем и ни о ком,
Ты падешь на сердце легким,
Незаметным огоньком, —
Ты как смерть вдали проходишь
Алым, летним вечерком!

Ты одета слишком нежно,
Слишком пышно завита,
Ты вдали к земле склоняешь
Круг атласного зонта, —
Ты меня огнем целуешь
В истомленные уста!

21 мая 1908
Москва

* * *

Увы, дитя! Душе неуголенной

Не снишься ль ты невыразимым сном?
Не тенью ли проходишь омраченной,
С букетом роз, кинжалом и вином?

Я каждый шаг твой зорко стерегу.
Ты падаешь, ты шепчешь — я рыдаю,
Но горьких слов расслышать не могу
И языка теней не понимаю.

Конец 1909

Душа

О, жизнь моя! За ночью — ночь! И ты, душа, не внемлешь
миру.

Усталая! К чему влачить усталую свою порфиру?
Что жизнь? Театр, игра страстей, бряцанье шпаг на
перекрестках,
Миганье ламп, игра теней, игра огней на тусклых блестках.

К чему рукоплескать шутам? Живи на берегу угрюмом.
Там, раковины приложив к ушам, внемли плененным
шумам —

Проникни в отдаленный мир: глухой старик ворчит сердито,
Ладья скрипит, шуршит весло, да вопли — с берегов Коцита.

Ноябрь 1908

Гиреево

Возвращение Орфея

О, пожалейте бедного Орфея!
Как скучно петь на плоском берегу!
Отец, взгляни сюда, взгляни, как сын, слабей,
Еще сжимает лирную дугу!

Еще ручьи лепечут непрерывно,
Еще шумят нагорные леса,
А сердце замерло и внемлет безотзывно
Послушных струн глухие голоса.

И вот пою, пою с последней силой
О том, что жизнь пережита вполне,
Что Эвридики нет, что нет подруги милой,
А глупый тигр ласкается ко мне.

Отец, отец! Ужель опять, как прежде,
Пленить зверей да камни чаровать?
Иль песню новою, без мысли о надежде,

Детей и дев к печали приучать?

Пустой души пустых очарований
Не победит ни зверь, ни человек.
Несчастен, кто несет Коцитов дар стенаний
На берега земных веселых рек!

О, пожалейте бедного Орфея!
Как больно петь на вашем берегу!
Отец, взгляни сюда, взгляни, как сын, слабея,
Еще сжимает лирную дугу!

20 февраля 1910

Голос Дженни

*А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.*
Пушкин

Мой любимый, где ж ты коротаешь
Сиротливый век свой на земле?
Новое ли поле засеваешь?
В море ли уплыл на корабле?

Но вдали от нашего селенья,
Друг мой бедный, где бы ни был ты,
Знаю тайные твои томленья,
Знаю сокровенные мечты.

Полно! Для желанного свиданья,
Чтобы Дженни вновь была жива,
Горестные нужны заклинанья,
Слишком безутешные слова.

Чтоб явился призрак, еле зримый,
Как звезды упавшей беглый след,
Может быть, и в сердце, мой любимый,
У тебя такого слова нет!

О, не кличь бессильной, скорбной тени,
Без того мне вечность тяжела!
Что такое вечность? Это Дженни
Видит сон родимого села.

Помнишь ли, как просто мы любили,
Как мы были счастливы вдвоем?
Ах, Эдмонд, мне снятся и в могиле
Наша нива, речка, роща, дом!

Помнишь — вечер у скамьи садовой

Наших деток легкие следы?
Нет меня — дели с подругой новой
День и ночь, веселье и труды!

Средь живых ищи живого счастья,
Сей и жни в наследственных полях.
Я тебя земной любила страстью,
Я тебе земных желаю благ.

Февраль 1912

* * *

Века, прошедшие над миром,
Протяжным голосом теней
Еще вызывают к нашим лирам
Из-за стигийских камышей.

И мы, заслышав стон и скрежет,
Ступаем на Орфеев путь,
И наш напев, как солнце, нежит
Их остывающую грудь.

Былых волнений воскреситель,
Несет тням любой из нас
В их безутешную обитель
Свой упоительный рассказ.

В беззвездном сумраке Эреба,
Вокруг певца сплетясь тесней,
Родное вспоминает небо
Хор воздыхающих теней.

Но горе! мы порой дерзаем
Все то в напевы лир влагать,
Чем собственный наш век терзаем,
На чем легла его печать.

И тени слушают недвижно,
Подняв углы высоких плеч,
И мертвым предкам непостижна,
Потомков суетная речь.

Конец 1912

* * *

Жеманницы былых годов,
Читательницы Ричардсона!
Я посетил ваш ветхий кров,
Взглянул с высокого балкона

На дальние луга, на лес,
И сладко было мне сознание,
Что мир ваш навсегда исчез
И с ним его очарование.

Что больше нет в саду цветов,
В гостиной — нот на клавесине,
И вечных вздохов стариков
О матушке-Екатерине.

Рукой не прикоснулся я
К томам библиотеки пыльной,
Но радостен был для меня
Их запах, затхлый и могильный.

Я думал: в грустном сём краю
Уже полвека всё пустует.
О, пусть отныне жизнь мою
Одно грядущее волнует!

Блажен, кто средь разбитых урн,
На невозделанной куртине,
Прославит твой полет, Сатурн,
Сквозь многозвездные пустыни!

Конец 1912

Лары

Когда впервые смутным очертаньем
Возникли вдалеке верхи родимых гор,
Когда ручей знакомым лепетаньем
Мне ранил сердце — руки я простер,
Закрыв глаза и слушал, потрясенный,
Далекий топот стад и вольный клект орла,
И мнилось — вняты мне, там, в синеве бездонной,
Удары мощные упругого крыла.
Как яростно палило солнце плечи!
Как сладостно звучали из лугов
Вы, жизни прежней милые предтечи,
Свирели стройные соседних пастухов!
И так до вечера, в волненье одиноком,
Склонив лицо, я слушал шум земной,
Когда ж открыл глаза — торжественным потоком
Созвездия катились надо мной.

Май 1911

К музе

Я вновь перечитал забытые листы,
Я воскресил угасшее волнение,
И предо мной опять предстала ты,
Младенчества прекрасное виденье.
В былые дни, как нежная подруга,
Являлась ты под кров счастливый мой
Делить часы священного досуга.
В атласных туфельках, с девической косой,
С улыбкой розовой, и легкой, и невинной,
Ты мне казалась близкой и родной,
И я шутя называл тебя кузиной.
О муза милая! Припомни тихий сад,
Тумана сизого вечерние куренья,
И тополей прохладный аромат,
И первые уроки вдохновенья!
Припомни всё: жасминные кусты,
Вечерние, мечтательные тени,
И лунный серп, и белые цветы
Над озером склонявшейся сирени...
Увы, дитя! Я жаждал наслаждений,
Я предал всё: на шумный круг друзей
Я променял священный шум дубравы,
Венок твой лавровый, залог любви и славы,
Я, безрассудный, снял с главы своей —
И вот стою один среди теней.
Разуверение — советчик мой лукавый,
И вечность — как кинжал над совестью моей!

Весна 1910

Стансы

Святыня меркнувшего дня,
Уединенное презренье,
Ты стало посещать меня,
Как посещало вдохновенье.

Живу один, зову игрой
Слова романсов, письма, встречи,
Но горько вспоминать порой
Свои лирические речи!

Но жаль невозвратимых дней,
Сожженных дерзко и упрямо, —
Душистых зерен фимиама
На пламени души моей.

О, радости любви простой,
Утехи нежных обольщений!
Вы величавей, вы священной
Величия души пустой...

И хочется упасть во прах,
И хочется молиться снова,
И новый мир создать в слезах,
Во всем — подобие бывшего.

Январь 1909

В альбом

Вчера под вечер веткой туи
Вы постучали мне в окно.
Но я не верю в поцелуи
И страсти не люблю давно.

В холодном сердце создаю
Простой и нерушимый храм...
Взгляните: пар над чашкой чаю!
Какой прекрасный фимиам!

Но, внемля утро, щебет птичий,
За озером далекий гром,
Кто б не почтил призыв девичий
Улыбкой, розой и стихом?

Лето 1909

Гиреево

Поэту

*Со колчаном вьется мальчик,
С позлащенным легким луком*
Державин

Ты губы сжал и горько брови сдвинул,
А мне смешна печаль твоих красивых глаз.
Счастлив поэт, которого не минул
Банальный миг, воспетый столько раз!

Ты кличешь смерть — а мне смешно и нежно:
Как мил изменницей покинутый поэт!
Предчувствую написанный прилежно,
Мятежных слов исполненный сонет.

Пройдут года. Как сон, тебе приснится
Минувших горестей невозвратимый хмель.
Придет пора вздохнуть и умилиться:
Над чем рыдала детская свирель!

Люби стрелу блистательного лука.

Жестоккой шалости, поэт, не прекословь!
Нам все дается первая разлука,
Как первый лавр, как первая любовь.

Весна 1908
Гиреево

Дождь

Я рад всему: что город вымок,
Что крыши, пыльные вчера,
Сегодня, ясным шелком лоснясь,
Свергают струи серебра.

Я рад, что страсть моя иссякла.
Смотрю с улыбкой из окна,
Как быстро ты проходишь мимо
По скользкой улице, одна.

Я рад, что дождь пошел сильнее
И что, в чужой подъезд зайдя,
Ты опрокинешь зонтик мокрый
И отряхнешься от дождя.

Я рад, что ты меня забыла,
Что, выйдя из того крыльца,
Ты на окно мое не взглянешь,
Не вскинешь на меня лица.

Я рад, что ты проходишь мимо,
Что ты мне все-таки видна,
Что так прекрасно и невинно
Проходит страстная весна.

7 апреля 1908
Москва

Милому другу

Ну, поскрипи, сверчок! Ну, спой, дружок запечный!
Дружок сердечный, спой! Послушаю тебя —
И, может быть, с улыбкою беспечной
Припомню все: и то, как жил любя,

И то, как жил потом, счастливые волненья
В душе измученной похоронив навек, —
А там, глядишь, усну под это пенье.
Ну, поскрипи! Сверчок да человек —

Друзья заветные: у печки, где потепле,

Живем себе, живем, скрипим себе, скрипим,
И стынет сердце (уголь в сизом пепле),
И все бывшее — призрак, отзвук, дым!

Для жизни медленной, безропотной, запечной
Судьба заботливо соединила нас.
Так пой, скрипи, шурши, дружок сердечный,
Пока огонь последний не погас!

8 августа 1911
Звенигород

Мыши

1

Ворожба

Догорел закат за речкой.
Загорелись три свечи.
Стань, подруженька, за печкой,
Трижды ножкой постучи.

Пусть опять на зов твой мыши
Придут вечер коротать.
Только нужно жить потише,
Не шуметь и не роптать.

Есть предел земным томленьям,
Не горюй и слез не лей.
С чистым сердцем, с умилением
Дорогих встречай гостей.

В сонный вечер, в доме старом,
В круге зыбкого огня
Помолись-ка нашим ларам
За себя и за меня.

Свечи гаснут, розы вянут,
Даже песне есть конец, —
Только мыши не обманут
Истомившихся сердец.

Январь 1913

2

Сырнику

Милый, верный Сырник, друг незаменимый,
Гость, всегда желанный в домике моем!
Томно веют весны, долго длятся зимы, —
Вечно я тоскую по тебе одному.

Знаю: каждый вечер робко скрипнет дверца,
Прошуршат обои — и приходишь ты
Ласковой беседой веселить мне сердце
В час отдохновенья, мира и мечты.

Ты не разделяешь слишком пылких бредней,
Любишь только сыр, швейцарский и простой
Редко ходишь дальше кладовой соседней,
Учишь жизни ясной, бедной и святой.

Заведу ли речь я о Любви, о Мире —
Ты свернешь искусно на любимый путь:
О делах подпольных, о насущном сыре, —
А в окно струится голубая ртуть —

Друг и покровитель, честный собеседник,
Стереги мой домик до рассвета дня...
Дорогой учитель, мудрый проповедник,
Обожатель сыра, — не оставь меня!

Осень 1913

3

Молитва

Все былые страсти, все тревоги
Навсегда забудь и затаи...
Вам молюсь я, маленькие боги,
Добрые хранители мои.

Скромные примите приношенья:
Ломтик сыра, крошки со стола...
Больше нет ни страха, ни волненья:
Счастье входит в сердце, как игла.

(Осень 1913)

Звезда над пальмой

За окном — ночные разговоры,
Сторожей певучие скребки.
Плотные спусти, Темира, шторы,
Почитай мне про моря, про горы,
Про таверны, где в порыве ссоры
Нож с ножом скрещают моряки.

Пусть опять селенья жгут апахи,
Угоняя тучные стада,
Пусть блестят в стремительном размахе
Томагавки, копья и навахи, —

Пусть опять прихлынут к сердцу страхи,
Как в былые, детские года!

Я устал быть нежным и счастливым!
Эти песни, ласки, розы — плен!
Ах, из роз люблю я сердцем лживым
Только ту, что жжет огнем ревнивым,
Что зубами с голубым отливом
Прикусила хитрая Кармен!

1 января 1916

Портрет

Царевна ходит в красном кумаче,
Румянит губы ярко и задорно,
И от виска на поднятом плече
Ложится бант из ленты черной.

Царевна душится изнеженно и пряно
И любит смех, и шумный балаган, —
Но что же делать, если сердце пьяно
От поцелуев и румян?

Начало 1911

Прогулка

Хорошо, что в этом мире
Есть магические ночи,
Мерный скрип высоких сосен,
Запах тмина и ромашки
И луна.

Хорошо, что в этом мире
Есть еще причуды сердца,
Что царевна, хоть не любит,
Позволяет прямо в губы
Целовать.

Хорошо, что, словно крылья
На серебряной дорожке,
Распластался тонкой тенью,
И колышется, и никнет
Черный бант.

Хорошо с улыбкой думать,
Что царевна (хоть не любит!)
Не забудет ночи лунной,
Ни меня, ни поцелуев —

Никогда!

Весна 1910

Досада

Что сердце? Лань. А ты стрелок, царевна.
Но мне не пасть от полудетских рук,
И, промахнувшись, горестно и гневно
Ты опускаешь неискусный лук.

И целый день обиженная бродишь
Над озером, где ветер и камыш,
И резвых игр, как прежде, не заводишь,
И песнями подруг не веселишь.

А день бежит, и доцветают розы
В вечерний, лунный, в безысходный час, —
И, может быть, рассерженные слезы
Готовы хлынуть из огромных глаз.

Начало 1911

Успокоение

Сладко жить в твоей, царевна, власти,
В круге пальм, и вишен, и причуд.
Ты как пена над бокалом Асти,
Ты — небес прозрачный изумруд.

День пройдет, сокроет в дымке знойной
Смуглые, ленивые черты, —
Тихий вечер мирно и спокойно
Сыплет в море синие цветы.

Там, внизу, звезда дробится в пене,
Там, вверху, темнеет сонный куст.
От морских прозрачных испарений
Солоны края румяных уст...

И душе не страшно расставанье —
Мудрый дар играющих богов.
Мир тебе, священное сиянье
Лигурийских звездных вечеров.

Июнь 1911

Генуя

Завет

Благодари богов, царевна,
За ясность неба, зелень вод,
За то, что солнце ежедневно
Свой совершает оборот;

За то, что тонким изумрудом
Звезда скатилась в камыши,
За то, что нет конца причудам
Твоей изменчивой души;

За то, что ты, царевна, в мире
Как роза дикая цветешь
И лишь в моей, быть может, лире
Свой краткий срок переживешь.

Осень 1912

Февраль

Этот вечерний, еще не весенний,
Но какой-то уже и не зимний...
Что ж ты медлишь, весна? Вдохновенней,
Ты, влюбленных сердец Полигимния!

Не воскреснуть минувшим волнениям
Голубых предвечерних свиданий, —
Но над каждым сожженным мгновеньем
Возникает, как Феникс, — предание.

Февраль 1913

Бегство

Да, я бежал, как трус, к порогу Хлои стройной,
Внимая брань друзей и персов дикий вой,
И все-таки горжусь: я, воин недостойный,
Всех превзошел завидной быстротой.

Счастливцев! я сложил у двери потаенной
Доспехи тяжкие: копье, и щит, и меч.
У ложа сонного, разнеженный, влюбленный,
Хламиду грубую бросаю с узких плеч.

Вот счастье: пить вино с подругой темноокой
И ночью, пробудясь, увидеть над собой
Глаза звериные с туманной поволокой,
Ревнивый слышать зов: ты мой? ужели мой?

И целый день потом с улыбкой простодушной

За Хлоей маленькой бродить по площадям,
Внимая шепоту: ты милый, ты послушный,
Приди еще — я все тебе отдам!

Осень 1911

Ситцевое царство

1

По вечерам мечтаю я
(Мечтают все, кому не спится).
Мне грезится любовь твоя,
Страна твоя, где все — из ситца.

Высокие твои дворцы,
Задрапированные залы,
Твои пажи, твои льстецы,
Твой шут, унылый и усталый.

И он, как я, издалека
День целый по тебе томится.
Под вечер белая рука
На пестрый горб легко ложится.

Тогда из уст его, как дым,
Струятся ситцевые шутки, —
И падают к ногам твоим
Горошинки да незабудки.

В окне — далекие края:
Холмы, леса, поля — из ситца...
О, скромная страна твоя!
О, милая моя царица!

О, вечер синий! Звездный свет
Дрожит в твоём прекрасном взоре,
И кажется, что я — поэт,
Воспевший ситцевые зори...

Так сладостно мечтаю я
По вечерам, когда не спится...
О, где ты, милая моя?
Где нежная моя царица?

16 апреля 1909
Гиреево

2

К большому подойдя окну,

Ты плачешь, бедная царица.
Окутали твою страну
Полотнища ночного ситца.

Выходишь на пустой балкон,
Повитый пеленой тумана.
Безгласен неба синий склон.
Жасмин благоухает пряно.

Ты комкаешь платок в руке,
Сверкает, точно нож, зарница —
И заунывно вдалеке
Курлыкает ночная птица.

И плачешь, уронив венец.
Твой шут, шадя покой любимой,
Рукой зажавши бубенец,
На цыпочках проходит мимо.

Раздвинул пестрым колпаком
Росой пропитанные ситцы
И спрятался. Как знать, о чем
Предутренняя грусть царицы?

Начало 1913

Вечер

Красный Марс восходит над агавой,
Но прекрасней светят нам они —
Генуи, в былые дни лукавой,
Мирные, торговые огни.

Меркнут гор прибрежные отроги,
Пахнет пылью, морем и вином.
Запоздалый ослик на дороге
Торопливо плещет бубенцом...

Не в такой ли час, когда ночные
Небеса синели надо всем,
На таком же ослике Мария
Покидала тесный Вифлеем?

Топотали частые копыта,
Отставал Иосиф, весь в пыли...
Что еврейке бедной до Египта,
До чужих овец, чужой земли?

Плачет мать. Дитя под черной тальмой
Сонными губами ищет грудь.
А вдали, вдали звезда над пальмой

Беглецам указывает путь.

Весна 1913

Рай

Вот, открыл я магазин игрушек:
Ленты, куклы, маски, мишура...
Я заморских плюшевых зверушек
Завожу в витрине с раннего утра.

И с утра толпятся у окошка
Старички, старушки, детвора —
Весело — и грустно мне немножко:
День за днем, сегодня — как вчера.

Заяц лапкой бьет по барабану,
Бойко пляшут мыши впятером.
Этот мир любить не перестану,
Хорошо мне в сумраке земном!

Хлопья снега вьются за витриной
В жгучем свете желтых фонарей...
Зимний вечер, длинный, длинный, длинный!
Милый отблеск вечности моей!

Ночь настанет — магазин закрою,
Сосчитаю деньги (я ведь не спешу!)
И, накрыв игрушки легкой кисеею,
Все огни спокойно погашу.

Долгий день припомнив, спать улягусь мирно,
В колпаке заветном, — а в последнем сне
Сквозь узорный полог, в высоте сапфирной
Ангел златокрылый пусть приснится мне.

Декабрь 1913

<Дополнение>

Новый год

«С Новым годом!» Как ясна улыбка!
«С Новым счастьем!» — «Милый, мы вдвоем!»
У окна в аквариуме рыбка
Тихо блещет золотым пером.

Светлым утром, у окна в гостиной,
Милый образ, милый голос твой...

Поцелуй душистый и невинный...
Новый год! Счастливый! Золотой!

Кто меня счастливее сегодня?
Кто скромнее шутит о судьбе?
Что прекрасней сказки новогодней,
Одинокой сказки — о тебе?

14 декабря 1909 Москва

Сборник «Путем зерна» (1920)

Путем зерна

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год,—

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

23 декабря 1917

Слезы Рахили

Мир земле вечерней и грешной!
Блещут лужи, перила, стекла.
Под дождем я иду неспешно,
Мокры плечи, и шляпа промокла.
Нынче все мы стали бездомны,
Словно вечно бродяги мы были,
И поет нам дождь неумный
Про древние слезы Рахили.

Пусть потомки с гордой любовью
Про дедов легенды сложат —
В нашем сердце грехом и кровью
Каждый день отмечен и прожит.

Горе нам, что по воле Божьей
В страшный час сей мир посетили!
На щеках у старухи прохожей —
Горючие слезы Рахили.

Не приму ни чести, ни славы,
Если вот, на прошлой неделе,
Ей прислали клочок кровавый
Заскорузлой солдатской шинели.
Ах, под нашей тяжелой ношей
Сколько б песен мы не сложили —
Лишь один есть припев хороший:
Неутешные слезы Рахили!

5–30 октября 1916

Ручей

Взгляни, как солнце обольщает
Пересыхающий ручей
Полднейной прелестью своей, —
А он рокошет и вздыхает
И на бегу оскудевает
Средь обнажившихся камней.

Под вечер путник молодой
Приходит, песню напевая;
Свой посох на песок слагая,
Он воду черпает рукой
И пьет — в струе, уже ночной,
Своей судьбы не узнавая.

**Лето 1908 Гиреево
30 января 1916**

* * *

Сладко после дождя теплая пахнет ночь.
Быстро месяц бежит в прорезях белых туч.
Где-то в сырой траве часто кричит дергач.

Вот к лукавым губам губы впервые льнут.
Вот, коснувшись тебя, руки мои дрожат...
Минуло с той поры только шестнадцать лет.

8 января 1918

Брента

*Адриатические волны!
О, Брента!..
«Евгений Онегин»*

Брента, рыжая речонка!
Сколько раз тебя воспели,
Сколько раз к тебе летели
Вдохновенные мечты —
Лишь за то, что имя звонко,
Брента, рыжая речонка,
Лживый образ красоты!

Я и сам спешил когда-то
Заглянуть в твои отливы,
Окрыленный и счастливый
Вдохновением любви.
Но горька была расплата.
Брента, я взглянул когда-то
В струи мутные твои.

С той поры люблю я, Брента,
Одинокие скитанья,
Частого дождя кропанье
Да на согнутых плечах
Плащ из мокрого брезента.
С той поры люблю я, Брента,
Прозу в жизни и в стихах.

Весна 1920, Москва
1921, Петербург
17 мая 1923, Saarow

Мельница

Мельница забытая
В стороне глухой.
К ней обоз не тянется,
И дорога к мельнице
Заросла травой.

Не плеснется рыбица
В голубой реке.
По скрипучей лесенке
Сходит мельник старенький
В красном колпаке.

Постоит, послушает —
И грозит перстом
Вдаль, где дым из-за лесу
Завился веревочкой
Над людским жильем.

Постоит, послушает —

И пойдет назад:
По скрипучей лесенке,
Поглядеть, как праздные
Жернова лежат.

Потрудились камушки
Для хлебов да каш.
Сколько было ссыпано,
Сколько было смолото,
А теперь шабаш!

А теперь у мельника
Лес да тишина,
Да под вечер трубочка,
Да хмельная чарочка,
Да в окне луна.

**Весна 1920, Москва
13 марта 1923, Saarow**

Акробат

Надпись к силуэту

От крыши до крыши протянут канат.
Легко и спокойно идет акробат.

В руках его — палка, он весь — как весы,
А зрители снизу задрали носы.

Толкаются, шепчут: «Сейчас упадет!» —
И каждый чего-то взволнованно ждет.

Направо — старушка глядит из окна,
Налево — гуляка с бокалом вина.

Но небо прозрачно, и прочен канат.
Легко и спокойно идет акробат.

А если, сорвавшись, фигляр упадет
И, охнув, закрестится лживый народ, —

Поэт, проходи с безучастным лицом:
Ты сам не таким ли живешь ремеслом?

1913,1921

* * *

Обо всем в одних стихах не скажешь.
Жизнь идет волшебным, тайным чередом,

Точно длинный шарф кому-то вяжешь,
Точно ждешь кого-то, не грустя о нем.

Нижутся задумчивые петли,
На крючок посмотришь — все желтеет кость,
И не знаешь, он придет ли, нет ли,
И какой он будет, долгожданный гость.

Утром ли он постучит в окошко
Иль стопой неслышной подойдет из тьмы
И с улыбкой, страшною немножко,
Все распустит разом, что связали мы.

14 декабря 1915

* * *

Со слабых век сгоняя смутный сон,
Живу весь день, тревожим и волнуем,
И каждый вечер падаю, сражен
Усталости последним поцелуем.

Но и во сне душе покоя нет:
Ей снится явь, тревожная, земная,
И собственный сквозь сон я слышу бред,
Дневную жизнь с трудом припоминая.

30 августа 1914

* * *

В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня.

И часто, спеша к трамваю
Иль над книгой лицо склоня,
Вдруг слышу ропот огня —
И глаза закрываю.

14 декабря 1916 — 7 января 1917

Про себя

1

Нет, есть во мне прекрасное, но стыдно
Его назвать перед самим собой,
Перед людьми ж — подавно: с их обидной
Душа не примирится похвалой.

И вот — живу, чудесный образ мой
Скрыв под личиной низкой и ехидной...
Взгляни, мой друг: по травке золотой
Ползет паук с отметкой крестовидной,

Пред ним ребенок спрячется за мать,
И ты сама спешишь его согнать
Рукой безгливой с шейки розовой.

И он бежит от гнева твоего,
Стыдясь себя, не ведая того,
Что значит знак его спины мохнатой.

30 ноября 1918

2

Нет, ты не прав, я не собой пленен.
Что доброго в наемнике усталом?
Своим чудесным, божеским началом,
Смотря в себя, я сладко потрясен.

Когда в стихах, в отображенье малом
Мне подлинный мой образ обнажен, —
Все кажется, что я стою, склонен,
В вечерний час над водяным зеркалом.

И, чтоб мою к себе приблизить высь,
Гляжу я в глубь, где звезды занялись.
Упав туда, спокойно угасает

Нечистый взор моих земных очей,
Но пламенно оттуда проступает
Венок из звезд над головой моей.

17 января 1919

Сны

Так! наконец-то мы в своих владеньях!
Одежду — на пол, тело — на кровать.
Ступай, душа, в безбрежных сновиденьях
Томиться и страдать!

Дорогой снов, мучительных и смутных,
Бреди, бреди, несовершенный дух.
О, как еще ты в проблесках минутных
И слеп, и глух!

Еще томясь в моем бессильном теле,

Сквозь грубый слой земного бытия
Учись дышать и жить в ином пределе,
Где ты — не я;

Где, отрешен от помысла земного,
Свободен ты... Когда ж в тоске проснусь,
Соединимся мы с тобою снова
В нерадостный союз.

День изо дня, в миг пробужденья трудный,
Припоминаю я твой вещий сон,
Смотрю в окно и вижу серый, скудный
Мой небосклон,

Все тот же двор, и мглистый, и суровый,
И голубей, танцующих на нем...
Лишь явно мне, что некий отсвет новый
Лежит на всем.

17 декабря 1917

* * *

О, если б в этот час желанного покоя
Закрыть глаза, вздохнуть и умереть!
Ты плакала бы, маленькая Хлоя,
И на меня боялась бы смотреть.

А я три долгих дня лежал бы на столе,
Таинственный, спокойный, сокровенный,
Как золотой ковчег запечатленный,
Вмещающий всю мудрость о земле.

Сойдись, мои друзья (невелико число их!)
О тайнах тайн вели бы разговор.
Не внемля им, на розах, на левкоях
Растерянный ты нежила бы взор.

Так. Резвая — ты мудрости не ценишь.
И пусть! Зато сквозь смерть услышу, друг живой,
Как на груди моей ты робко переменишь
Мешок со льдом заботливой рукой.

12 марта — 18 декабря 1915

* * *

Милые девушки, верьте или не верьте:
Сердце мое поет только вас и весну.
Но вот уж давно меня клонит к смерти,
Как вас под вечер клонит ко сну.

Положивши голову на розовый локоть,
Дремлете вы, — а там — соловей
До зари не устанет щелкать и цокать
О безвыходном трепете жизни своей.

Я бессонно брожу по земле меж вами,
Я незримо горю на сладком огне,
Я сладчайшими вам расскажу словами
Про всё, что уж начало сниться мне.

1912, 5 августа 1916

Швея

Ночью и днем надо мною упорно,
Гулко стрекочет швея на машинке.
К двери привешена в рамочке черной
Надпись короткая: «Шью по картинке».

Слушая стук над моим изголовьем,
Друг мой, как часто гадал я без цели:
Клонишь ты лик свой над трауром вдовьим
Иль над матроской из белой фланели?

Вот, я слабею, я меркну, сгораю,
Но застучишь ты — и в то же мгновенье,
Мнится, я к милой земле приникаю,
Слушаю жизни родное биенье —
Друг неизвестный! Когда пронесутся
Мимо души все бывшие обиды,
Мертвого слуха не так ли коснутся
Взмахи кадила, слова панихиды?

3 марта — 30 декабря 1917

На ходу

Метель, метель... В перчатке — как чужая
Застывшая рука.
Не странно ль жить, почти что осязая,
Как ты близка?

И все-таки бреду домой с покупкой,
И все-таки живу.
Как прочно всё! Нет, он совсем не хрупкий,
Сон наяву!

Еще томят земные расстоянья,
Еще болит рука,
Но всё ясней, уверенней сознание,

Что ты близка.

7 февраля 1916

Утро

Нет, больше не могу смотреть я
Туда, в окно!
О, это горькое предсмертье, —
К чему оно?

Во всем одно звучит: «Разлуке
Ты обречен!»
Как нежно в нашем переулке
Желтеет клен!

Ни голоса вокруг, ни стука,
Все та же даль...
А все-таки порою жутко,
Порою жаль.

16 ноября 1916

В Петровском парке

Висел он, не качаясь,
На узком ремешке.
Свалившаяся шляпа
Лежала на песке.
В ладонь впивались ногти
На стиснутой руке.
А солнце восходило,
Стремя к полудню бег,
И, перед этим солнцем
Не опуская век,
Был высоко приподнят
На воздух человек.

И зорко, зорко, зорко
Смотрел он на восток.
Внизу столпились люди
В притихнувший кружок.
И был почти невидим
Тот узкий ремешок.

27 ноября 1916

Смоленский рынок

Смоленский рынок
Перехожу.
Полет снежинок
Слежу, слежу.
При свете дня
Желтеют свечи;
Всё те же встречи
Гнетут меня.
Всё к той же чаше
Припал — и пью...
Соседки наши
Несут кутью.
У церкви — синий
Раскрытый гроб,
Ложится иней
На мертвый лоб...
О, лёт снежинок,
Остановись!
Преобразись,
Смоленский рынок!

12–13 декабря 1916

По бульварам

В темноте, задыхаясь под шубой, иду,
Как больная рыба по дну морскому.
Трамвай зашипел и бросил звезду
В черное зеркало оттепели.

Раскрываю запекшийся рот,
Жадно ловлю отсыревший воздух, —
А за мной от самых Никитских ворот
Увязался маленький призрак девочки.

25 марта — 17 апреля 1918

У моря

А мне и волн морских прибой,
Влача камня,
Поет летейскою струей,
Без утешенья.

Безветрие, покой и лень.
Но в ясном свете
Откуда же ложится тень
На руки эти?

Не ты ль еще томишь, не ты ль,

Глухое тело?
Вон — белая вскрутилась пыль
И пролетела.

Взбирается на холм крутой
Овечье стадо...
А мне айдесская сквозь зной
Сквозит прохлада.

Июль 1917, Коктебель — 8 декабря 1917, Москва

Эпизод

...Это было
В одно из утр, унылых, зимних, вьюжных,—
В одно из утр пятнадцатого года.
Изнемогая в той истоме тусклой,
Которая тогда меня томила,
Я в комнате своей сидел один. Во мне,
От плеч и головы, к рукам, к ногам,
Какое-то неясное струенье
Бежало трепетно и непрерывно —
И, выбежав из пальцев, длилось дальше,
Уж *вне* меня. Я сознавал, что нужно
Остановить его, сдержать в себе, — но воля
Меня покинула... Бессмысленно смотрел я
На полку книг, на желтые обои,
На маску Пушкина, закрывшую глаза.
Все цепенело в рыжем свете утра.
За окнами кричали дети. Громыхали
Салазки по горе, но эти звуки
Неслись во мне как будто бы сквозь толщу
Глубоких вод...
В пучину погружаясь, водолаз
Так слышит беготню на палубе и крики
Матросов.
И вдруг — как бы толчок, — но мягкий, осторожный,—
И все опять мне прояснилось, только
В перемещенном виде. Так бывает,
Когда веслом мы сталкиваем лодку
С песка прибрежного; еще нога
Под крепким днищем ясно слышит землю.
И близким кажется зеленый берег
И кучи дров на нем; но вот качнуло нас—
И берег отступает; стала меньше
Та рощица, где мы сейчас бродили;
За рощей встал дымок; а вот — поверх деревьев
Уже видна поляна, и на ней
Краснеет баня.
Самого себя
Увидел я в тот миг, как этот берег;

Увидел вдруг со стороны, как если б
Смотреть немного сверху, слева. Я сидел,
Закинув ногу на ногу, глубоко
Уйдя в диван, с потухшей папиросой
Меж пальцами, совсем худой и бледный.
Глаза открыты были, но какое
В них было выражение — я не видел.
Того меня, который предо мною
Сидел, — не ощущал я вовсе. Но другому,
Смотревшему как бы бесплотным взором,
Так было хорошо, легко, спокойно.
И человек, сидящий на диване,
Казался мне простым, давнишним другом,
Измученным годами путешествий.
Как будто бы ко мне зашел он в гости,
И, замолчав среди беседы мирной,
Вдруг откачнулся, и вздохнул, и умер.
Лицо разгладилось, и горькая улыбка
С него сошла.
Так видел я себя недолго: вероятно,
И четверти положенного круга
Секундная не обежала стрелка.
И как пред тем не по своей я воле
Покинул эту оболочку — так же
В нее и возвратился вновь. Но только
Свершилось это тягостно, с усилием,
Которое мне вспомнить неприятно.
Мне было трудно, тесно, как змее,
Которую заставили бы снова
Вместиться в сброшенную кожу...

Снова

Увидел я перед собою книги,
Услышал голоса. Мне было трудно
Вновь ощущать все тело, руки, ноги...
Так, весла бросив и сойдя на берег,
Мы чувствуем себя вдруг тяжелее.
Струилось вновь во мне изнеможенье,
Как бы от долгой гребли, — а в ушах
Гудел неясный шум, как пленный отзвук
Озерного или морского ветра.

25–28 января 1918

Вариация

Вновь эти плечи, эти руки
Погреть я вышел на балкон.
Сижу, — но все земные звуки —
Как бы во сне или сквозь сон.

И вдруг, изнеможенья полный,

Плыву: куда — не знаю сам,
Но мир мой ширится, как волны,
По разбежавшимся кругам.

Продлись, ласкательное чудо!
Я во второй вступаю круг
И слушаю, уже оттуда,
Моей качалки мерный стук.

Август 1919 Москва

Золото

*Иди, вот уже золото кладем в уста твои,
Уже мак и мед кладем тебе в руки. Salve aeternum.*
Красинский

В рот — золото, а в руки — мак и мед;
Последние дары твоих земных забот.

Но пусть не буду я, как римлянин, сожжен:
Хочу в земле вкусить утробный сон,

Хочу весенним злаком прорасти,
Кружась по древнему по звездному пути.

В могильном сумраке истлеют мак и мед,
Провалится монета в темный рот...

Но через много, много темных лет
Пришлец неведомый отроет мой скелет,

И в черном черепе, что заступом разбит,
Тяжелая монета загремит —

И золото сверкнет среди костей,
Как солнце малое, как след души моей.

7 января 1917

Ищи меня

Ищи меня в сквозном весеннем свете.
Я весь — как взмах неосягаемых крыл,
Я звук, я вздох, я зайчик на паркете,
Я легче зайчика: он — вот, он есть, я был.

Но, вечный друг, меж нами нет разлук!
Услышь, я здесь. Касаются меня
Твои живые, трепетные руки,

Простертые в текущий пламень дня.

Помедли так. Закрой, как бы случайно,
Глаза. Еще одно усилие для меня —
И на концах дрожащих пальцев, тайно,
Быть может, вспыхну кисточкой огня.

20 декабря 1917 — 3 января 1918

2-го ноября

Семь дней и семь ночей Москва металась
В огне, в бреду. Но грубый лекарь щедро
Пускал ей кровь — и, обессилев, к утру
Восьмого дня она очнулась. Люди
Повыползли из каменных подвалов
На улицы. Так, переждав ненастье,
На задний двор, к широкой луже, крысы
Опасливой выходят вереницей
И прочь бегут, когда вблизи на камень
Последняя спадает с крыши капля...
К полудню стали собираться кучки.
Глазели на пробоины в домах,
На сбитые верхушки башен; молча
Толпились у дымящихся развалин
И на стенах следы скользнувших пуль
Считали. Длинные хвосты тянулись
У лавок. Проволок обрывки висли
Над улицами. Битое стекло
Хрустело под ногами. Желтым оком
Ноябрьское негреющее солнце
Смотрело вниз, на постаревших женщин
И на мужчин небритых. И не кровью,
Но горькой желчью пахло это утро.
А между тем уж из конца в конец,
От Пресненской заставы до Рогожской
И с Балчуга в Лефортово, брели,
Теснясь на тротуарах, люди. Шли проведать
Родных, знакомых, близких: живы ль, нет ли?
Иные узелки несли под мышкой
С убогой снедью: так в былые годы
На кладбище москвич благочестивый
Ходил на Пасхе — красное яичко
Съесть на могиле брата или кума...

К моим друзьям в тот день пошел и я.
Узнал, что живы, целы, дети дома,—
Чего ж еще хотеть? Побрел домой.
По переулкам ветер, гость залетный,
Гонял сухую пыль, окурки, стружки.
Домов за пять от дома моего,

Сквозь мутное окошко, по привычке
Я заглянул в подвал, где мой знакомый
Живет столяр. Необычайным делом
Он занят был. На верстаке, вверх дном,
Лежал продолговатый, узкий ящик
С покатыми боками. Толстой кистью
Водил столяр по ящику, и доски
Под кистью багровели. Мой приятель
Заканчивал работу: красный гроб.
Я постучал в окно. Он обернулся.
И, шляпу сняв, я поклонился низко
Петру Иванычу, его работе, гробу,
И всей земле, и небу, что в стекле
Лазурью отражалось. И столяр
Мне тоже покивал, пожал плечами
И указал на гроб. И я ушел.

А на дворе у нас, вокруг корзины
С плетеной дверцей, суетились дети,
Крича, толкаясь и тесня друг друга.
Сквозь редкие, поломанные прутья
Виднелись перья белые. Но вот —
Протяжно заскрипев, открылась дверца,
И пара голубей, плеща крылами,
Взвилась и закружилась: выше, выше,
Над тихою Плющихой, над рекой...
То падая, то подымаясь, птицы
Нырjali, точно белые ладьи
В дали морской. Вослед им дети
Свистали, хлопали в ладоши... Лишь один,
Лет четырех бутуз, в ушастой шапке,
Присел на камень, растопырил руки,
И вверх смотрел, и тихо улыбался.
Но, заглянув ему в глаза, я понял,
Что улыбается он самому себе,
Той непостижной мысли, что родится
Под выпуклым, еще безбровым лбом,
И слушает в себе биенье сердца,
Движенье соков, рост... Среди Москвы,
Страдающей, растерзанной и падшей,—
Как идол маленький, сидел он, равнодушный,
С бессмысленной, священной улыбкой.
И мальчику я поклонился тоже.

Дома

Я выпил чаю, разобрал бумаги,
Что на столе скопились за неделю,
И сел работать. Но, впервые в жизни,
Ни «Моцарт и Сальери», ни «Цыганы»
В тот день моей не утолили жажды.

20 мая — 1 июня 1918

Полдень

Как на бульваре тихо, ясно, сонно!
Подхвачен ветром, побежал песок
И на траву плеснул сыпучим гребнем...
Теперь мне любо приходить сюда
И долго так сидеть, полузабывшись.
Мне нравится, почти не глядя, слушать
То смех, то плач детей, то по дорожке
За обручем их бег отчетливый. Прекрасно!
Вот шум, такой же вечный и правдивый,
Как шум дождя, прибоя или ветра.

Никто меня не знает. Здесь я просто
Прохожий, обыватель, «господин»
В коричневом пальто и круглой шляпе,
Ничем не замечательный. Вот рядом
Присела барышня с раскрытой книгой. Мальчик
С ведерком и совочком примостился
У самых ног моих. Насупив брови,
Он возится в песке, и я таким огромным
Кажусь себе от этого соседства,
Что вспоминаю,
Как сам я сиживал у львиного столпа
В Венеции. Над этой жизнью малой,
Над головой в картузике зеленом,
Я возвышаюсь, как тяжелый камень,
Многовековый, переживший много,
Людей и царств, предательств и геройств.
А мальчик деловито наполняет
Ведерышко песком и, опрокинув, сыплет
Мне на ноги, на башмаки... Прекрасно!

И с легким сердцем я припоминаю,
Как жарок был венецианский полдень,
Как надо мною реял недвижимо
Крылатый лев с раскрытой книгой в лапах,
А надо львом, крутятся и розовея,
Бежало облачко. А выше, выше —
Темногустая синь, и в ней катились
Незримые, но пламенные звезды.
Сейчас они пылают над бульваром,
Над мальчиком и надо мной. Безумно
Лучи их борются с лучами солнца...

Ветер

Все шелестит песчаными волнами
Листает книгу барышни. И всё, что слышу,
Преображенное каким-то чудом,
Так полновесно западает в сердце,
Что уж ни слов, ни мыслей мне не надо,
И я смотрю как бы обратным взором

В себя.
И так пленительна души живая влага,
Что, как Нарцисс, я с берега земного
Срываюсь и лечу туда, где я один,
В моем родном, первоначальном мире,
Лицом к лицу с собой, потерянным когда-то —
И обретенным вновь... И еле внятно
Мне слышен голос барышни: «Простите,
Который час?»

19 апреля — 1 мая 1918

Встреча

В час утренний у Santa Margherita
Я повстречал ее. Она стояла
На мостике, спиной к перилам. Пальцы
На сером камне, точно лепестки,
Легко лежали. Сжатые колени
Под белым платьем проступали слабо...
Она ждала. Кого? В шестнадцать лет
Кто грезится прекрасной англичанке
В Венеции? Не знаю — и не должно
Мне знать того. Не для пустых догадок
Ту девушку припомнил я сегодня.
Она стояла, залитая солнцем,
Но мягкие поля панамской шляпы
Касались плеч приподнятых — и тенью
Прохладною лицо покрыли. Синий
И чистый взор лился оттуда, словно
Те воды свежие, что пробегают
По каменному ложу горной речки,
Певучие и быстрые... Тогда-то
Увидел я тот взор невыразимый,
Который нам, поэтам, суждено
Увидеть раз и после помнить вечно.
На миг один является пред нами
Он на земле, божественно вселяясь
В случайные лазурные глаза.
Но плещут в нем те пламенные бури,
Но выются в нем те голубые вихри,
Которые потом звучали мне
В сиянье солнца, в плеске черных гондол,
В тени летучей голубя и в красной
Струе вина.
И поздним вечером, когда я шел
К себе домой, о том же мне шептали
Певучие шаги венецианок,
И собственный мой шаг казался звонче,
Стремительней и легче. Ах, куда,
Куда в тот миг мое вспорхнуло сердце,

Когда тяжелый ключ с пружинным звоном
Я повернул в замке? И отчего,
Переступив порог сеней холодных,
Я в темноте у каменной цистерны
Стоял так долго? Ощупью взбираясь
По лестнице, влюбленностью назвал я
Свое волнение. Но теперь я знаю,
Что крепкого вина в тот день вкусил —
И чувствовал еще в своих устах
Его минутный вкус. А вечный хмель
Пришел потом.

13 мая 1918

Обезьяна

Была жара. Леса горели. Нудно
Тянулось время. На соседней даче
Кричал петух. Я вышел за калитку.
Там, прислонясь к забору, на скамейке
Дремал бродячий серб, худой и черный.
Серебряный тяжелый крест висел
На груди полуголой. Капли пота
По ней катились. Выше, на заборе,
Сидела обезьяна в красной юбке
И пыльные листья сирени
Жевала жадно. Кожанный ошейник,
Оттянутый назад тяжелой цепью,
Давил ей горло. Серб, меня слышав,
Очнулся, вытер пот и попросил, чтоб дал я
Воды ему. Но, чуть пригубив,—
Не холодна ли, — блюдце на скамейку
Поставил он, и тотчас обезьяна,
Макая пальцы в воду, ухватила
Двумя руками блюдце.
Она пила, на четвереньках стоя,
Локтями опираясь на скамью.
Досок почти касался подбородок,
Над теменем лысеющим спина
Высоко выгибалась. Так, должно быть,
Стоял когда-то Дарий, припадая
К дорожной луже, в день, когда бежал он
Пред мощною фалангой Александра.
Всю воду выпив, обезьяна блюдце
Долой смахнула со скамьи, привстала
И — этот миг забуду ли когда? —
Мне черную, мозолистую руку,
Еще прохладную от влаги, протянула...
Я руки жал красавицам, поэтам,
Вождам народа — ни одна рука
Такого благородства очертаний

Не заключала! Ни одна рука
Моей руки так братски не коснулась!
И, видит бог, никто в мои глаза
Не заглянул так мудро и глубоко,
Воистину — до дна души моей.
Глубокой древности сладчайшие преданья
Тот нищий зверь мне в сердце оживил,
И в этот миг мне жизнь явилась полной,
И мнилось — хор светил и волн морских,
Ветров и сфер мне музыкой органной
Ворвался в уши, загремел, как прежде,
В иные, незапамятные дни.

И серб ушел, постукивая в бубен.
Присев ему на левое плечо,
Покачивалась мерно обезьяна,
Как на слоне индийский магараджа.
Огромное малиновое солнце,
Лишенное лучей,
В опаловом дыму висело. Изливался
Безгромный зной на чахлую пшеницу.
В тот день была объявлена война.

7 июня 1918,
20 февраля 1919

Дом

Здесь домик был. Недавно разобрали
Верх на дрова. Лишь каменного низа
Остался грубый остов. Отдыхать
Сюда по вечерам хожу я часто. Небо
И дворика зеленые деревья
Так молодо встают из-за развалин,
И ясно так рисуются пролеты
Широких окон. Рухнувшая балка
Похожа на колонну. Затхлый холод
Идет от груды мусора и щебня,
Засыпавшего комнаты, где прежде
Гнездились люди...
Где ссорились, мирились, где в чулке
Замызганные деньги припасались
Про черный день; где в духоте и мраке
Супруги обнимались; где потели
В жару больные; где рождались люди
И умирали скрытно, — всё теперь
Прохожему открыто. О, блажен,
Чья вольная нога ступает бодро
На этот прах, чей посох равнодушный
В покинутые стены ударяет!
Чертоги ли великого Рамсеса,

Поденщика ль безвестного лачуга —
Для странника равны они: всё той же
Он песенкою времени утешен;
Ряды ль колонн торжественных иль дыры
Дверей вчерашних — путника всё так же
Из пустоты одной ведут в другую
Такую же...

Вот лестница с узором
Поломанных перил уходит в небо,
И, обрываясь, верхняя площадка
Мне кажется трибуною высокой.
Но нет на ней оратора. А в небе
Уже горит вечерняя звезда,
Водительница гордого раздумья.

Да, хорошо ты, время. Хорошо
Вдохнуть от твоего ужасного простора.
К чему таиться? Сердце человечье
Играет, как проснувшийся младенец,
Когда война, иль мор, или мятеж
Вдруг налетят и землю сотрясают;
Тут разверзаются, как небо, времена —
И человек душой неуголимой
Бросается в желанную пучину.

Как птица в воздухе, как рыба в океане,
Как скользкий червь в сырых пластах земли,
Как саламандра в пламени — так человек
Во времени. Кочевник полудикий,
По смене лун, по очеркам созвездий
Уже он силится измерить эту бездну
И в письменах неопытных заносит
События, как острова на карте...
Но сын отца сменяет. Грады, царства,
Законы, истины — преходят. Человеку
Ломать и строить — равная услада:
Он изобрел историю — он счастлив!
И с ужасом и с тайным сладострастьем
Следит безумец, как между минувшим
И будущим, подобно ясной влаге,
Сквозь пальцы уходящей, — непрерывно
Жизнь утекает. И трепещет сердце,
Как легкий флаг на мачте корабельной,
Между воспоминаньем и надеждой —
Сей памятью о будущем...

Но вот —
Шуршат шаги. Горбатая старуха
С большим кулем. Морщинистой рукой
Она со стен сдирает паклю, дранки
Выдергивает. Молча подхожу
И помогаю ей, и мы в согласье добром

Работаем для времени. Темнеет,
Из-за стены встает зеленый месяц,
И слабый свет его, как струйка, льется
По кафелям обрушившейся печи.

2 июля 1919, 1920

Стансы

Уж волосы седые на висках
Я прядью черной прикрываю,
И замирает сердце, как в тисках,
От лишнего стакана чаю.

Уж тяжелы мне долгие труды,
И не таят очарованья
Ни знаний слишком пряные плоды,
Ни женщин душные лобзанья.

С холодностью взираю я теперь
На скуку славы предстоящей...
Зато слова: цветок, ребенок, зверь —
Приходят на уста всё чаще.

Рассеянн я слушаю порой
Поэтов праздные бряцанья,
Но душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое прорастанье.

24–25 октября 1918

Анюте

На спичечной коробке —
Смотри-ка — славный вид:
Кораблик трехмачтовый
Не двигаясь бежит.

Не разглядишь, а верно —
Команда есть на нем,
И в тесном трюме, в бочках,
Изюм, корица, ром.

И есть на нем, конечно,
Отважный капитан,
Который видел много
Непостижимых стран.

И верно — есть матросик,
Что мастер песни петь

И любит ночью звездной
На небеса глядеть.

И я, в руке Господней,
Здесь, на Его земле, —
Точь-в-точь как тот матросик
На этом корабле.

Вот и сейчас, быть может,
В каюте кормовой
В окошечко глядит он
И видит — нас с тобой.

25 января 1918

* * *

И весело, и тяжело
Нести дряхлеющее тело.
Что буйствовало и цвело,
Теперь набухло и созрело.

И кровь по жилам не спешит,
И руки повисают сами.
Так яблонь осенью стоит,
Отягощенная плодами,

И не постигнуть юным вам
Всей нежности неодолимой,
С какою хочется ветвям
Коснуться вновь земли родимой.

**23 ноября 1922,
27 марта 1923
Saagow**

Без слов

Ты показала мне без слов,
Как вышел хорошо и чисто
Тобою проведенный шов
По краю белого батиста.
А я подумал: жизнь моя,
Как нить, за Божьими перстами
По легкой ткани бытия
Бежит такими же стежками.
То виден, то сокрыт стежок,
То в жизнь, то в смерть перебегая...
И, улыбаясь, твой платок
Перевернул я, дорогая.

5–7 апреля 1918

Хлебы

Слепящий свет сегодня в кухне нашей.
В переднике, осыпана мукой,
Всех Сандрильон и всех Миньон ты краше
Бесхитростной красой.

Вокруг тебя, заботливы и зримы,
С вязанкой дров, с кувшином молока,
Роняя перья крыл, хлопочут херувимы...
Сквозь облака

Прорвался свет, и по кастрюлям медным
Пучками стрел бьют желтые лучи.
При свете дня подобен розам бледным
Огонь в печи.

И, эти струи будущего хлеба
Сливая в звонкий глиняный сосуд,
Клянется ангел нам, что истинны, как небо,
Земля, любовь и труд.

26 февраля — 11 апреля 1918

Авиатору

Над полями, лесами, болотами,
Над извивами северных рек
Ты проносишься плавными взлетами,
Небожитель — герой — человек.

Напрягаются крылья, как парусы,
На руле костенеет рука,
А кругом — взгроможденные ярусы:
Облака — облака — облака.

И, смотря на тебя недоверчиво,
Я качаю слегка головой:
Выше, выше спирали очерчивай,
Но припомни — подумай — постой.

Что тебе до надоблачной ясности?
На земной, материнской груди
Отдохни от высот и опасностей,—
Упади — упади — упади!

Ах, сорвись, и большими зигзагами
Упади, раздробивши хребет,—

Где трибуны расцвечены флагами,
Где народ — и оркестр — и буфет...

30 марта 1914

Газетчик

«Вечерние известия!..»
Ори, ласкай мне слух,
Пронырливая бестия,
Вечерних улиц дух.

Весенняя распутица
Ведет меня во тьму,
А он юлит и крутится,
И все равно ему —

Геройство иль бесчестие,
Позор иль торжество:
Вечерние известия —
И больше ничего.

Шагает демон маленький,
Как некий исполин,
Расхлябанною валенной
Над безднами судьбин.

Но в самом безразличии,
В бездушье торгаша —
Какой соблазн величия
Пьет жадная душа!

16 января — 7 февраля 1919

Уединение

Заветные часы уединенья!
Ваш каждый миг лелею, как зерно;
Во тьме души да прорастет оно
Таинственным побегом вдохновенья.
В былые дни страданье и вино
Воспламеняли сердце. Ты одно
Живишь меня теперь — уединенье.

С мечтою — жизнь, с молчаньем — песнопенье
Связало ты, как прочное звено.
Незыблемо с тобой сопряжено
Судьбы моей грядущее решение.
И если мне погибнуть суждено —
Про моряка, упавшего на дно,

Ты песенку мне спой — уединенье!

6–7 июня 1915

* * *

Как выскажу моим косноязычем
Всю боль, весь яд?
Язык мой стал звериным или птичьим,
Уста молчат.

И ничего не нужно мне на свете,
И стыдно мне,
Что суждены мне вечно пытки эти
В его огне;

Что даже смертью, гордой, своевольной,
Не вырвусь я;
Что и она — такой же, хоть окольный,
Путь бытия.

**31 марта 1921
Петербург**

Рыбак

ПЕСНЯ

Я наживляю мой крючок
Трепещущей звездой.
Луна — мой белый поплавок
Над черною водой.

Сижу, старик, у вечных вод
И тихо так пою,
И солнце каждый день клюет
На удочку мою.

А я веду его, веду
Весь день по небу, но —
Под вечер, заглотав звезду,
Срывается оно.

И скоро звезд моих запас
Истрачу я, рыбак.
Эй, берегитесь! В этот час
Охватит землю мрак.

17 января 1919

Воспоминание

Здесь, у этого колодца,
Поднесла ты мне две розы.
Я боялся страсти томной —
Алых роз твоих не принял.

Я сказал: «Прости, Алина,
Мне к лицу венок из лавров
Да серебряные розы
Размышлений и мечтаний».

Больше нет Алины милой,
Пересох давно колодец,
Я ж лелею одиноко
Голубую розу — старость.

Скоро в домик мой сойдутся
Все соседи и соседки
Посмотреть, как я забылся
С белой, томной розой смерти.

19 ноября 1914

Сердце

Забвенье — сознание — забвенье...
А сердце, кровавый скупец,
Всё копит и копит мгновенья
В огромный свинцовый ларец.

В ночи ли проснусь я, усталый,
На жарком одре бредовом —
Оно, надрываясь, в подвалы
Ссыпает мешок за мешком.

А если глухое биенье
Замедлит порою слегка —
Отчетливей слышно паденье
Червонца на дно сундука.

И много тяжелых цехинов,
И много поддельных гиней
Толпа теневых исполинов
Разграбит в час смерти моей.

1916

Старуха

Запоздалая старуха,
Задыхаясь, тащит санки.
Ветер, снег.
А бывало-то! В Таганке!
Эх!
Расстегаи — легче пуха,
Что ни праздник — пироги,
С рисом, с яйцами, с визигой...
Ну, тянись, плохая, двигай!
А кругом ни зги.
«Эх, сыночек, помоги!»
Но спешит вперед прохожий,
Весь блестя скрипучей кожей.
И вослед ему старуха
Что-то шепчет, шепчет глухо,
И слаба-то, и пьяна
Без вина.

Это вечер. Завтра глянет
Мутный день, метель устанет,
Чуть закружится снежок...
Выйдем мы — а у ворот
Протянулась из сугроба
Пара ног.
Легкий труп, окоченелый,
Простыней покрывши белой,
В тех же саночках, без гроба,
Милицейский увезет,
Растолкав плечом народ.
Неречист и хладнокровен
Будет он, а пару бревен,
Что везла она в свой дом,
Мы в печи своей сожжем.

7 декабря 1919

Сборник «Тяжелая лира» (1922)

Музыка

Всю ночь мела метель, но утро ясно.
Еще воскресная по телу бродит лень,
У Благовещенья на Бережках обедня
Еще не отошла. Я выхожу во двор.
Как мало все: и домик, и дымок,
Завившийся над крышей! Сребро-розов
Морозный пар. Столпы его восходят
Из-за домов под самый купол неба,
Как будто крылья ангелов гигантских.
И маленьким таким вдруг оказался

Дородный мой сосед, Сергей Иванович.
Он в полушубке, в валенках. Дрова
Вокруг него раскиданы по снегу.
Обеими руками, напрягаясь,
Тяжелый свой колун над головою
Заносит он, но — тук! тук! тук! — не громко
Звучат удары: небо, снег и холод
Звук поглощают... «С праздником, сосед».
— «А, здравствуйте!» Я тоже расставляю
Свои дрова. Он — тук! Я — тук! Но вскоре
Надоедает мне колоть, я выпрямляюсь
И говорю: «Постойте-ка минутку,
Как будто музыка?» Сергей Иванович
Перестает работать, голову слегка
Приподымает, ничего не слышит,
Но слушает старательно... «Должно быть,
Вам показалось», — говорит он. «Что вы,
Да вы прислушайтесь. Так ясно слышно!»
Он слушает опять: «Ну, может быть —
Военного хоронят? Только что-то
Мне не слышать». Но я не унимаюсь:
«Помилуйте, теперь совсем уж ясно.
И музыка идет как будто сверху.
Виолончель... и арфы, может быть...
Вот хорошо играют! Не стучите».
И бедный мой Сергей Иванович снова
Перестает колоть. Он ничего не слышит,
Но мне мешать не хочет и досады
Старается не выказать. Забавно:
Стоит он посреди двора, боясь нарушить
Неслышную симфонию. И жалко
Мне, наконец, становится его.
Я объявляю: «Кончилось!» Мы снова
За топоры беремся. Тук! Тук! Тук!.. А небо
Такое же высокое, и так же
В нем ангелы пернатые сияют.

15 июня 1920

* * *

Леди долго руки мыла,
Леди крепко руки терла.
Эта леди не забыла
Окровавленного горла.

Леди, леди! Вы как птица
Бьетесь на бессонном ложе.
Триста лет уж вам не спится —
Мне лет шесть не спится тоже.

9 января 1922

* * *

Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.

Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке, обитом жестью белой,
То пряник вяземский, то мятного коня,

Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно все:
И материнство горькое свое,
И просто все, что дорого ей было.

Лишь раз, когда упал я из окна,
Но встал живой (как помню этот день я!)
Грошовую свечу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.

И вот, Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.

В том честном подвиге, в том счастье песнопений,
Которому служу я в каждый миг,
Учитель мой — твой чудотворный гений,
И поприще — волшебный твой язык.

И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивей берегу...

Года бегут. Грядущего не надо,
Минувшее в душе пережжено,
Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мне прибежище одно:

Там, где на сердце, съеденном червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

**12 февраля 1917,
2 марта 1922**

* * *

Так бывает почему-то:
Ночью, вдруг забрезжат сны —
Сердце словно вдруг откуда-то
Упадает с вышины.

Ах! — и я в постели. Только
Сердце бьется невпопад.
В полутьме с ночного столика
Смутно смотрит циферблат.

Только ощущеньем кручи
Ты еще трепещешь вся —
Легкая моя, падучая,
Милая душа моя!

25 сентября 1920

К Психее

Душа! Любовь моя Ты дышишь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкие колышешь
В такой лазури, что порой,

Вдруг, не стерпя счастливой муки,
Лелея наш святой союз,
Я сам себе целую руки,
Сам на себя не нагляжусь.

И как мне не любить себя,
Сосуд непрочный, некрасивый,
Но драгоценный и счастливый
Тем, что вмещает он — тебя?

13 мая — 18 июня 1920

Душа

Душа моя — как полная луна:
Холодная и ясная она.

На высоте горит себе, горит —
И слез моих она не осушит;

И от беды моей не больно ей,
И ей невнятен стон моих страстей;

А сколько здесь мне довелось страдать —
Душе сияющей не стоит знать.

4 января 1921

* * *

Психея! Бедная моя!
Дыханье робко затая,
Внимать не смеет и не хочет:
Заслушаться так жутко ей
Тем, что безмолвие пророчит
В часы мучительных ночей.

Увы! за что, когда всё спит,
Ей вдохновение твердит
Свои пифийские глаголы?
Простой душе невыносим
Дар тайнослышанья тяжелый.
Психея падает под ним.

4 апреля 1921

Искушение

Довольно! Красоты не надо.
Не стоит песен подлый мир.
Померкни, Тассова лампада,
Забудься, друг веков, Омир!

И Революции не надо!
Ее рассеянная рать
Одной венчается наградой,
Одной свободой — торговать.

Вотще на площади пророчит
Гармонии голодный сын:
Благих вестей его не хочет
Благополучный гражданин.

Самодовольный и счастливый,
Под грудой выпцветших знамен,
Коросту хамства и наживы
Себе начесывает он:

«Прочь, не мешай мне, я торгую.
Но не буржуй, но не кулак,
Я прячу выручку дневную
Свободы в огненный колпак».

«Душа! Тебе до боли тесно
Здесь, в опозоренной груди.
Ищи отрады поднебесной,

А вниз, на землю, не гляди».

Так искушает сердце злое
Психеи чистые мечты.
Психея же в ответ: «Земное,
Что о небесном знаешь ты?»

4 июня — 9 июля 1921

* * *

Пускай минувшего не жаль,
Пускай грядущего не надо —
Смотрю с язвительной отрадой
Времен в приближенную даль.
Всем равный жребий, вровень хлеба
Отмерит справедливый век.
А все-таки порой на небо
Посмотрит смирный человек, —
И одиночество взыграет,
И душу гордость окрылит:
Он неравенство оценит
И дерзновенья пожелает...
Так нынче травка прорастает
Сквозь трещины гранитных плит.

Лето 1920, 22 апреля 1921

Буря

Буря! Ты армады гонишь
По разгнанным водам,
Тучи вьешь и мачты клонишь
Прах подъемлешь к небесам.

Реки вспять ты обращаешь,
На скалы бросаешь понт,
У старушки вырываешь
Ветхий, вывернутый зонт.

Вековые рощи косишь,
Градом бьешь посев полей,—
Только мудрым не приносишь
Ни веселий, ни скорбей.

Мудрый подойдет к окошку,
Поглядит, как бьет гроза,—
И смыкает понемножку
Пресыщенные глаза.

13 июня 1921

* * *

Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять.

Довольный малым, созерцаю
То, что дает нещедрый рок:
Вяз, прислонившийся к сараю,
Покрытый лесом бугорок...

Ни грубой славы, ни гонений
От современников не жду,
Но сам стригу кусты сирени
Вокруг террасы и в саду.

15–16 июня 1921

Гостю

Входя ко мне, неси мечту,
Иль дьявольскую красоту,
Иль Бога, если сам ты Божий.
А маленькую доброту,
Как шляпу, оставляй в прихожей.

Здесь, на горошине земли,
Будь или ангел, или демон.
А человек — иль не затем он,
Чтобы забыть его могли?

7 июля 1921

* * *

Когда б я долго жил на свете,
Должно быть, на исходе дней
Упали бы соблазнов сети
С несчастной совести моей.

Какая может быть досада,
И счастья разве хочешь сам,
Когда нездешняя прохлада
Уже бежит по волосам?

Глаз отдыхает, слух не слышит,
Жизнь потаенно хороша,
И небом невозбранно дышит
Почти свободная душа.

8–29 июня 1921

Жизель

Да, да! В слепой и нежной страсти
Переболей, перебори,
Рви сердце, как письмо, на части,
Сойди с ума, потом умри.

И что ж? Могильный камень двигать
Опять придется над собой,
Опять любить и ножкой дрыгать
На сцене лунно-голубой.

1 мая 1922

День

Горячий ветер, злой и лживый.
Дыханье пыльной духоты.
К чему, душа, твои порывы?
Куда еще стремишься ты?

Здесь хорошо. Вкушает лира
Свой усыпительный покой
Во влажном сладострастье мира,
В ленивой прелести земной.

Здесь хорошо. Грозы раскаты
Над ясной улицей ворчат,
Идут под музыку солдаты,
И бесы юркие кишат:

Там разноцветные афиши
Спешат расклеить по стенам,
Там скатываются по крыше
И падают к людским ногам.

Тот ловит мух, другой танцует,
А этот, с мордочкой тупой,
Бесстыжим всадником гарцует
На бедрах ведьмы молодой...

И верно, долго не прервется
Блистательная кутерьма,
И с грохотом не распадется
Темно-лазурная тюрьма,

И солнце не устанет парить,

И поп, деньку такому рад,
Не догадается ударить
Над этим городом в набат.

Весна 1920, Москва
14–28 мая 1921, Петроград

Из окна

1

Нынче день такой забавный:
От возниц, что было сил,
Конь умчался своенравный;
Мальчик змей свой упустил;
Вор цыпленка утащил
У безносой Николавны.

Но — настигнут вор нахальный,
Змей упал в соседний сад,
Мальчик ладит хвост мочальный,
И коня ведут назад:
Восстает мой тихий ад
В стройности первоначальной.

23 июля 1921

2

Всё жду: кого-нибудь задавит
Взбесившийся автомобиль,
Зевака бедный окровавит
Торцовую сухую пыль.

И с этого пойдет, начнется:
Раскачка, выворот, беда,
Звезда на землю оборвется,
И станет горькою вода.

Прервутся сны, что душу душат,
Начнется всё, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром — лишнюю свечу.

11 августа
Бельское Устье

В заседании

Грубой жизнью оглушенный,

Нестерпимо уязвленный,
Опускаю веки я —
И дремлю, чтоб легче минул,
Чтобы как отлив отхлынул
Шум земного бытия.

Лучше спать, чем слушать речи
Злобной жизни человеческой,
Малых правд пустую прю.
Все я знаю, все я вижу —
Лучше сном к себе приближу
Неизвестную зарю.

А уж если сны приснятся,
То пускай в них повторяется
Детства давние года:
Снег на дворике московском
Иль — в Петровском-Разумовском
Пар над зеркалом пруда.

12 октября 1921 Москва

* * *

Ни розового сада,
Ни песенного лада —
Воистину не надо —
Я падаю в себя.

На все, что людям ясно,
На все, что им прекрасно,
Вдруг стала несогласна
Взыгравшая душа.

Мне все невыносимо!
Скорей же, легче дыма,
Летите мимо, мимо,
Дурные сны земли!

19 октября 1921

Стансы

Бывало, думал: ради мига
И год, и два, и жизнь отдам...
Цены не знает прощельяга
Своим приبلудным пятакам.

Теперь иные дни настали.
Лежат морщины возле губ,
Мои минуты вздоржали,

Я стал умен, суров и скуп.

Я много вижу, много знаю,
Моя седеет голова,
И звездный ход я примечаю,
И слышу, как растет трава.

И каждый ваш неслышный шепот,
И каждый вам незримый свет
Обогащают смутный опыт
Психеи, падающей в бред.

Теперь себя я не обижу:
Старею, горблюсь, — но коплю
Все, что так нежно ненавижу
И так язвительно люблю.

17–18 августа 1922
Misdroy

Пробочка

Пробочка над крепким йодом!
Как ты скоро перетлела!
Так вот и душа незримо
Жжет и разъедает тело.

17 сентября 1921
Бельское Устье

Из дневника

Мне каждый звук терзает слух,
И каждый луч глазам несносен.
Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен.

Прорежется — и сбросит прочь
Изношенную оболочку.
Тысячеокий — канет в ночь,
Не в эту серенькую ночку.

А я останусь тут лежать —
Банкир, заколотый апашем, —
Руками рану зажимать,
Кричать и биться в мире вашем.

18 июня 1921

Ласточки

Имей глаза — сквозь день увидишь ночь,
Не озаренную тем воспаленным диском.
Две ласточки напрасно рвутся прочь,
Перед окном шныряя с тонким писком.

Вон ту прозрачную, но прочную плеву
Не прободать крылом остроугольным,
Не выпорхнуть туда, за синеву,
Ни птичьим крылышком, ни сердцем подневольным.

Пока вся кровь не выступит из пор,
Пока не выплачешь земные очи —
Не станешь духом. Жди, смотря в упор,
Как брызжет свет, не застилая ночи.

18–24 июня 1921

* * *

Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...

Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.

Весна 1921, 11 января 1922

* * *

Смотрю в окно — и презираю.
Смотрю в себя — презрен я сам.
На землю громы призываю,
Не доверяя небесам.

Дневным сиянием объятый,
Один беззвездный вижу мрак...
Так вьется на гряде червяк,
Рассечен тяжкою лопатой.

21–25 мая 1921

Сумерки

Снег навалил. Все затихает, глохнет.
Пустынный тянется вдоль переулка дом.
Вот человек идет. Пырнуть его ножом —

К забору прислонится и не охнет.
Потом опустится и ляжет вниз лицом.
И ветерка дыхание снеговое,
И вечера чуть уловимый дым —
Предвестники прекрасного покоя —
Свободно так закружатся над ним.
А люди черными сбегутся муравьями
Из улиц, со дворов и станут между нами.
И будут спрашивать, за что и как убил,—
И не поймет никто, как я его любил.

5 ноября 1921

Вакх

Как волшебник, прихожу я
Сквозь весеннюю грозу.
Благосклонно приношу я
Вам азийскую лозу.

Ветку чудную привейте,
А когда настанет срок,
В чаши чистые налейте
Мой животворящий сок.

Лейте женам, пейте сами,
Лейте девам молодым.
Сам я буду между вами
С золотым жезлом моим.

Подскажу я песни хору,
В светлом буйстве закружу,
Отуманенному взору
Дивно всё преображу.

И дана вам будет сила
Знать, что скрыто от очей,
И ни старость, ни могила
Не смутят моих детей.

Ни змея вас не ужалит,
Ни печаль — покуда хмель
Всех счастливцев не повалит
На зеленую постель.

Я же — прочь, походкой резвой,
В розовеющий туман,
Сколько бы ни выпил — трезвый,
Лишь самым собою пьян.

8 ноября 1921

Лида

Высоких слов она не знает,
Но грудь бела и высока
И сладострастно воздыхает
Из-под кисейного платка.
Ее стопы порою босы,
Ее глаза слегка раскосы,
Но сердце тем верней летит
На их двусмысленный магнит.
Когда поют ее подруги
У полунощного костра,
Она молчит, скрестивши руки,
Но хочет песен до утра.
Гитарный голос ей понятен
Отзывом роковых страстей,
И, говорят, немало пятен —
Разгулу отданных ночей —
На женской совести у ней.
Лишь я ее не вызываю
Условным стуком на крыльцо,
Ее ночей не покупаю
Ни за любовь, ни за кольцо.
Но мило мне ее явление,
Когда на спящее селенье
Ложится утренняя мгла:
Она проходит в отдаленье,
Едва слышна, почти светла,
Как будто Ангелу Паденья
Свободно руку отдала.

30 октября 1921
Петербург

Бельское устье

Здесь даль видна в просторной раме:
За речкой луг, за лугом лес.
Здесь ливни черными столпами
Проходят по краям небес.

Здесь радуга высоким сводом
Церковный покрывает крест
И каждый праздник по приходам
Справляют ярмарки невест.

Здесь аисты, болота, змеи,
Крутой песчаный косогор,
Простые сельские затеи,

Об урожае разговор.

А я росистые поляны
Топчу тяжелым башмаком,
Я петербургские туманы
Таю любовно под плащом

И к девушкам, румяным розам,
Склоняясь томною главой,
Дышу на них туберкулезом,
И вдохновеньем, и Невой.

И мыслю: что ж, таков от века,
От самых роковых времен,
Для ангела и человека
Непререкаемый закон.

И тот, прекрасный неудачник
С печатью знания на челе,
Был тоже — просто первый дачник
На расцветающей земле.

Сойдя с возвышенного Града
В долину мирных райских роз,
И он дыхание распада
На крыльях дымчатых принес.

**31 декабря 1921
Петербург**

* * *

Горит звезда, дрожит эфир,
Таится ночь в пролеты арок.
Как не любить весь этот мир,
Невероятный Твой подарок?

Ты дал мне пять неверных чувств,
Ты дал мне время и пространство,
Играет в мареве искусств
Моей души непостоянство.

И я творю из ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу солнца Твоего,
Так ослепляющего взоры.

И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

4 декабря 1921

* * *

Играю в карты, пью вино,
С людьми живу — и лба не хмурю.
Ведь знаю: сердце все равно
Летит в излюбленную бурю.

Лети, кораблик мой, лети,
Кренясь и не ища спасенья.
Его и нет на том пути,
Куда уносит вдохновенье.

Уж не вернуться нам назад,
Хотя в ненастье нашей ночи,
Быть может, с берега глядят
Одни нам ведомые очи.

А нет — беды не много в том!
Забыты мы — и то не плохо.
Ведь мы и гибнем и поем
Не для девического вздоха.

4–6 февраля 1922 Москва

Автомобиль

Бредем в молчании суровом.
Сырая ночь, пустая мгла.
И вдруг — с каким певучим зовом —
Автомобиль из-за угла.

Он черным лаком отливает,
Сияя гранями стекла,
Он в сумрак ночи простирает
Два белых ангельских крыла.

И стали здания похожи
На праздничные стены зал,
И близко возле нас прохожий
Сквозь эти крылья пробежал.

А свет мелькнул и замаячил,
Колебя дождевую пыль...
Но слушай: мне являться начал
Другой, другой автомобиль...

Он пробегает в ясном свете,
Он пробегает белым днем,
И два крыла на нем, как эти,

Но крылья черные на нем.

И все, что только попадает
Под черный сноп его лучей,
Невозвратно исчезает
Из утлой памяти моей.

Я забываю, я теряю
Психею светлую мою,
Слепые руки простираю
И ничего не узнаю:

Здесь мир стоял, простой и целый,
Но с той поры, как ездит *тот* ,
В душе и в мире есть пробелы,
Как бы от пролитых кислот.

2–5 декабря 1921

Вечер

Под ногами скользь и хруст.
Ветер дунул, снег пошел.
Боже мой, какая грусть!
Господи, какая боль!

Тяжек Твой подлунный мир,
Да и Ты немилосерд.
И к чему такая ширь,
Если есть на свете смерть?

И никто не объяснит,
Отчего на склоне лет
Хочется еще бродить,
Верить, коченеть и петь.

23 марта 1922

* * *

Странник прошел, опираясь на посох,—
Мне почему-то припомнилась ты.
Едет пролетка на красных колесах —
Мне почему-то припомнилась ты.
Вечером лампу зажгут в коридоре —
Мне непременно припомнишься ты.
Что б ни случилось, на суше, на море
Или на небе, — мне вспомнишься ты.

11 (или 13) апреля 1922
Петроград

Порок и смерть

Порок и смерть! Какой соблазн горит
И сколько нег вздыхает в слове малом!
Пророк и смерть язвят единым жалом,
И только тот их язвы убежит,
Кто тайное хранит на сердце слово —
Утешный ключ от бытия иного.

2 ноября 1921

Элегия

Деревья Кронверкского сада
Под ветром буйно шелестят.
Душа взыграла. Ей не надо
Ни утешений, ни услад.

Глядит бесстрашными очами
В тысячелетия свои,
Летит широкими крылами
В огнекрылатые рои.

Там всё огромно и певуче,
И арфа в каждой есть руке,
И с духом дух, как туча с тучей,
Гремят на чудном языке.

Моя изгнанница вступает
В родное, древнее жильё
И страшным братьям заявляет
Равенство гордое свое.

И навсегда уж ей не надо
Того, кто под косым дождем
В аллеях Кронверкского сада
Бредет в ничтожестве своем.

И не понять мне бедным слухом
И косным не постичь умом,
Каким она там будет духом,
В каком раю, в аду каком.

20–22 ноября 1921

* * *

На тускнеющие шпили,
На верхи автомобилей,

На железо старых стрех
Налипает первый снег.

Много раз я это видел,
А потом возненавидел,
Но сегодня тот же вид
Новым чем-то веселит.

Это сам я в год минувший,
В Божьи бездны соскользнувший,
Пересоздал навсегда
Мир, державшийся года.

И вот в этом мире новом,
Напряженном и суровом,
Нынче выпал первый снег...
Не такой он, как у всех.

24 октября 1921

Март

Размякло, и раскисло, и размокло.
От сырости так тяжело вздохнуть.
Мы в тротуары смотримся, как в стекла,
Мы смотрим в небо — в небе дождь и муть...

Не чудно ли? В затоптанном и низком
Свой горный лик мы нынче обрели,
А там, на небе, близком, слишком близком,
Все только то, что есть и у земли.

30 марта 1922

* * *

Старым снам затерян сонник.
Все равно — сбылись иль нет.
Ночью сядь на подоконник —
Посмотри на тусклый свет.

Ничего, что так туманны
Небеса и времена:
Угадай-ка постоянный
Вид из нашего окна.

Вспомни все, что так недавно
Веселило сердце нам;
Невский вдаль уходит плавно,
Небо клонится к домам;

Смотрит серый, вековечный
Купол храма в купол звезд,
И на нем — шестиконечный,
Нам сейчас незримый крест.

11 апреля 1922

* * *

Не верю в красоту земную
И здешней правды не хочу.
И ту, которую целую,
Простому счастью не учу.

По нежной плоти человеческой
Мой нож проводит алый жгут:
Пусть мной целованные плечи
Опять крылами прорастут.

27 марта 1922

* * *

Друзья, друзья! Быть может, скоро —
И не во сне, а наяву —
Я нить пустого разговора
Для всех неожиданно оборву

И, повинуюсь только звуку
Души, запевшей, как смычок,
Вдруг подниму на воздух руку,
И затрепещет в ней цветок,

И я увижу и открою
Цветочный мир, цветочный путь,—
О, если бы и вы со мною
Могли туда перешагнуть!

25 декабря 1921

Улика

Была туманной и безвестной,
Мерцала в лунной вышине,
Но воплощенной и телесной
Теперь являться стала мне.

И вот — среди беседы чинной
Я вдруг с растерянным лицом
Снимаю волос, тонкий, длинный,
Забытый на плече моем.

Тут гость из-за стакана чаю
Хитро косится на меня.
А я смотрю и понимаю,
Тихонько ложечкой звеня:

Блажен, кто завлечен мечтою
В безвыходный, дремучий сон
И там внезапно сам собою
В нездешнем счастье уличен.

7–10 марта 1922

* * *

Покрова Майи потаенной
Не приподнять моей руке,
Но чуден мир, отображенный
В твоём расширенном зрачке.

Там в непостижном сочетанье
Любовь и улица даны:
Огня эфирного пыланье
И просто — таянье весны.

Там светлый космос возникает
Под зыбким пологом ресниц.
Он кружится и расцветает
Звездой велосипедных спиц.

23–24 апреля 1922

* * *

Большие флаги над эстрадой,
Сидят пожарные, трубя.
Закрой глаза и падай, падай,
Как навзничь — в самого себя.

День, раздраженный трубным ревом,
Небес раздвинутую синь
Заворожи единым словом,
Одним движеньем отодвинь.

И, закатив глаза под веки,
Движенье крови затая,
Вдохни минувший сумрак некий,
Утробный сумрак бытия.

Как всадник на горбах верблюда,
Назад в истоме откачнись,
Замри — или умри отсюда,

В давно забытое родись.

И с обновленною отрадой,
Как бы мираж в пустыне сей,
Увидишь флаги над эстрадой,
Услышишь трубы трубачей.

26 июня — 17 июля 1922

Рига — Берлин

* * *

Гляжу на грубые ремесла,
Но знаю твердо: мы в раю...
Простой рыбак бросает весла
И ржавый якорь на скамью.

Потом с товарищем толкает
Ладью тяжелую с песков
И против солнца уплывает
Далеко на вечерний лов.

И там, куда смотреть нам больно,
Где плещут волны в небосклон,
Высокий парус трехугольный
Легко разворачивает он.

Тогда встает в дали далекой
Розовоперое крыло.
Ты скажешь: ангел там высокий
Ступил на воды тяжело.

И неспешными стопами
Другие подошли к нему,
Шатая плавными крылами
Морскую дымчатую тьму.

Клубятся облака густые,
Дозором ангелы встают,—
И кто поверит, что простые
Там сети и ладьи плывут?

19–20 августа 1922

Misdroy

* * *

Ни жить, ни петь почти не стоит:
В непрочной грубости живем.
Портной тачает, плотник строит:
Швы расползутся, рухнет дом.

И лишь порой сквозь это тленье
Вдруг умиленно слышу я
В нем заключенное биенье
Совсем иного бытия.

Так, провождая жизни скуку,
Любовно женщина кладет
Свою взволнованную руку
На грузно пухнувший живот.

21–23 июля 1922
Берлин

Баллада

Сижу, освещаемый сверху,
Я в комнате круглой моей.
Смотрю в штукатурное небо
На солнце в шестнадцать свечей.

Кругом — освещенные тоже,
И стулья, и стол, и кровать.
Сижу — и в смущенье не знаю,
Куда бы мне руки девать.

Морозные белые пальмы,
На стеклах беззвучно цветут.
Часы с металлическим шумом
В жилетном кармане идут.

О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мне поведать, как жалко
Себя и всех этих вещей?

И я начинаю качаться,
Колени обнявши свои,
И вдруг начинаю стихами
С собой говорить в забытии.

Бессвязные, страстные речи!
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвие.

Я сам над собой вырастаю,

Над мертвым встаю бытием,
Стопами в подземное пламя,
В текущие звезды челом.

И вижу большими глазами —
Глазами, быть может, змеи,—
Как пеню дикому внемлют
Несчастные вещи мои.

И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.

И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает — Орфей.

9–22 декабря 1921

<Дополнения>

* * *

Слепая мудрость сердца! Что ты значишь?
На что ты можешь дать ответ?
Сама томишься, пленница и плачешь:
Тебе самой исхода нет.

Рожденная от опыта земного,
Бессильная пред злобой дня,
Сама себя ты уязвить готова,
Как скорпион в кольце огня.

**21 мая 1921
Петроград**

* * *

Слышать я вас не могу.
Не подступайте ко мне.
Волком бы лечь на снегу!
Дыбом бы шерсть на спине!

Белый оскаленный клык
В небо ощерить и взвыть —
Так, чтобы этот язык
Зубом насквозь прокусить...

Впрочем, объявят тогда,
Что исписался уж я,
Эти вот все господа:
Критики, дамы, друзья.

7 ноября 1921
Петроград

Невеста

Напрасно проросла трава
На темени земного ада:
Природа косная мертва
Для проницательного взгляда.

Не знаю выси я творца,
Но знаю я свое мученье
И дерзкой волею певца
Приемлю дерзкое решение.

Смотри, Молчальник, и суди:
Мертва лежит отроковица,
Но я коснусь ее груди —
И, вставши, в зеркало глядится.

Мной воскрешенную красу
Беру, как ношу дорогую, —
К престолу Твоему несу
Мою невесту молодую.

Разгладь насупленную бровь,
Возри на чистое созданье,
Даруй нам вечную любовь
И непорочное слиянье!

А если с высоты Твоей
На чудо нет благословенья —
Да будет карою моей
Сплошная смерть без воскресенья.

13–16 апреля 1922
Петроград

Сборник «Европейская ночь» (1927)

Петербург

Напастям жалким и однообразным
Там предавались до потери сил.

Один лишь я полуживым соблазном
Средь озабоченных ходил.

Смотрели на меня — и забывали
Клокочущие чайники свои;
На печках валенки сгорали;
Все слушали стихи мои.

А мне тогда в тьме гробовой, российской,
Являлась вестница в цветах,
И лад открылся музыкальный
Мне в сногшибательных ветрах.

И я безумел от видений,
Когда чрез ледяной канал,
Скользя с обломанных ступеней,
Треску зловонную таскал,

И, каждый стих гоня сквозь прозу,
Вывихивая каждую строку,
Привил-таки классическую розу
К советскому дичку.

12 декабря 1925
Chaville

* * *

Жив Бог! Умен, а не заумен,
Хожу среди своих стихов,
Как непоблажливый игумен
Среди смиренных чернецов.
Пасу послушливое стадо
Я процветающим жезлом.
Ключи таинственного сада
Звенят на поясе моем.
Я — чающий и говорящий.
Заумно, может быть, поет
Лишь ангел. Богу предстоящий,—
Да Бога не узревший скот
Мычит заумно и ревет.
А я — не ангел осиянный,
Не, лютый змий, не глупый бык.
Люблю из рода в род мне данный
Мой человеческий язык:
Его суровую свободу,
Его извилистый закон...
О, если б мой предсмертный стон
Облечь в отчетливую оду!

4 февраля — 13 мая 1923
Saagow

* * *

Весенний лепет не разнежит
Сурово стиснутых стихов.
Я полюбил железный скрежет
Какофонических миров.

В зиянии разверстых гласных
Дышу легко и вольно я.
Мне чудится в толпе согласных —
Льдин взгроможденных толчея.

Мне мил — из оловянной тучи
Удар изломанной стрелы,
Люблю певучий и визгучий
Лязг электрической пилы.

И в этой жизни мне дороже
Всех гармонических красот —
Дрожь, побежавшая по коже,
Иль ужаса холодный пот,

Иль сон, где, некогда единый,—
Взрываясь, разлетаюсь я,
Как грязь, разбрызганная шиной
По чуждым сферам бытия.

24–27 марта 1923
Saarow

Слепой

Палкой щупая дорогу,
Бродит наугад слепой,
Осторожно ставит ногу
И бормочет сам с собой.
А на бельмах у слепого
Целый мир отображен:
Дом, лужок, забор, корова,
Клочья неба голубого —
Всё, чего не видит он.

8 октября 1922 Берлин
10 апреля 1923 Saarow

* * *

Вдруг из-за туч озолотило
И столик, и холодный чай.
Помедли, зимнее светило,

За черный лес не упадай!

Дай посиять в румянном блеске,
Прилежным поскрипеть пером.
Живет в его проворном треске
Весь вздох о бытии моем.

Трепещущим, колючим током
С раздвоенного острия
Бежит — и на листе широком
Отображаюсь... нет, не я:

Лишь угловатая кривая,
Минутный профиль тех высот,
Где, восходя и ниспадая,
Мой дух страдает и живет.

19–28 января 1923
Saagow

У моря

1

Лежу, ленивая амеба,
Гляжу, прищуря левый глаз,
В эмалированное небо,
Как в опрокинувшийся таз.

Все тот же мир обыкновенный,
И утварь бедная все та ж.
Прибой размыленную пеной
Взбегает на покатый пляж.

Белеют плоские купальни,
Смуглеет женское плечо.
Какой огромный умывальник!
Как солнце парит горячо!

Над раскаленными песками,
И не жива, и не мертва,
Торчит колючими пучками
Белесоватая трава.

А по пескам, жарой измаян,
Средь здравеющих людей
Неузнанный проходит Каин
С экземой между бровей.

15 августа 1922
Misdroy

2

Сидит в табачных магазинах,
Погряз в простом житье-бытье
И отражается в витринах
Широкополым канотье.

Как муха на бумаге липкой,
Он в нашем времени дрожит
И даже вежливой улыбкой
Лицо нездешнее косит.

Он очень беден, но опрятен,
И перед выходом на пляж
Для выведения разных пятен
Употребляет карандаш.

Он все забыл. Как мул с поклажей,
Слоняется по нашим дням,
Порой просматривает даже
Столбцы газетных телеграмм,

За кружкой пива созерцает,
Как пляшут барышни фокстрот,—
И разом вдруг ослабевает,
Как сердце в нем захолонет.

О чем? Забыл. Непостижимо,
Как можно жить в тоске такой!
Он вскакивает. Мимо, мимо,
Под ветер, на берег морской!

Колышется его просторный
Пиджак — и, подавляя стон,
Под европейской ночью черной
Заламывает руки он.

2 сентября 1922
Берлин

3

Пустился в море с рыбаками.
Весь день на палубе лежал,
Молчал — и желтыми зубами
Мундштук прокуренный кусал.

Качало. Было все немило:
И ветер, и небес простор,
Где мачта шаткая чертила
Петлистый, правильный узор.

Под вечер буря налетела.
О, как скучал под бурей он,
Когда гремело, и свистело,
И застилало небосклон!

Увы, он слушал не впервые,
Как у изломанных снастей
Молились рыбаки Марии,
Заступнице, Звезде Морей!

И не впервые, не впервые
Он людям говорил из тьмы:
«Мария тут иль не Мария —
Не бойтесь, не потонем мы».

Под утро, дымкою повитый,
По усмирившимся волнам
Поплыл баркас полуразбитый
К родным песчаным берегам.

Встречали женщины толпою
Отцов, мужей и сыновей.
Он миновал их стороною,
Угрюмой поступью своей

Шел в гору, подставляя спину
Струям холодного дождя,
И на счастливую картину
Не обернулся уходя.

9 декабря 1922 — 20 марта 1923
Saarow

4

Изломала, одолевает
Нестерпимая скука с утра.
Чью-то лодку море качает,
И кричит на песке детвора.

Примостился в кофейне где-то
И глядит на двух толстяков,
Обсуждающих за газетой
Расписание поездов.

Раскаленными брызгами брызжа,
Солнце крутится колесом.
Он хрипит сквозь зубы: «Уймись же!» —
И стучит сухим кулаком.

Опрокинул столик железный,

Опрокинул пиво свое.
Бесполезное — бесполезно:
Продолжается бытие.

Он пристал к бездомной собаке
И за ней слонялся весь день,
А под вечер в приморском мраке
Затерялся и пес, как тень.

Вот тогда-то и подхватило,
Одурманило, понесло,
Затуманило, закрутило,
Перекинуло, подняло:

Из-под ног земля убегает,
Глазам не видать ни зги —
Через горы и реки шагают
Семиверстные сапоги.

10 декабря 1922 — 19 марта 1923
Saagow

Берлинское

Что ж? От озноба и простуды —
Горячий грог или коньяк.
Здесь музыка, и звон посуды,
И лиловатый полумрак.

А там, за толстым и огромным
Отполированным стеклом,
Как бы в аквариуме темном,
В аквариуме голубом —

Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,
Как электрические стаи
Свящихся ленивых рыб.

И там, скользя в ночную гнилость,
На толще чуждого стекла
В вагонных окнах отразилась
Поверхность моего стола,—

И, проникая в жизнь чужую,
Вдруг с отвращеньем узнаю
Отрубленную, неживую,
Ночную голову мою.

14–24 сентября 1922
Берлин

* * *

С берлинской улицы
Вверху луна видна.
В берлинских улицах
Людская тень длинна.
Дома — как демоны,
Между домами — мрак;
Шеренги демонов,
И между них — сквозняк.

Дневные помыслы,
Дневные души — прочь:
Дневные помыслы
Перешагнули в ночь.
Опустошенные,
На перекрестки тьмы,
Как ведьмы, по трое
Тогда выходим мы.

Нечеловечий дух,
Нечеловечья речь —
И песьи головы
Поверх сутулых плеч.
Зеленой точкою
Глядит луна из глаз,
Сухим неистовством
Обуревая нас.

В асфальтном зеркале
Сухой и мутный блеск —
И электрический
Над волосами треск.

Октябрь 1922, Берлин
24 февраля 1913, Saarow

An Mariechen²

Зачем ты за пивною стойкой?
Пристала ли тебе она?
Здесь нужно быть девицей бойкой, —
Ты нездорова и бледна.

С какой-то розою огромной
У нецелованных грудей, —
А смертный венчик, самый скромный,

² К Марихен (нем.).

Украсил бы тебя милей.

Ведь так прекрасно, так нетленно
Скончаться рано, до греха.
Родители же непременно
Тебе отыщут жениха.

Так называемый хороший
И вправду — честный человек
Перегрузит тяжелой ношей
Твой слабый, твой короткий век.

Уж лучше бы — я еле смею
Подумать про себя о том —
Попастся бы тебе злодею
В пустынной роще, вечером.

Уж лучше в несколько мгновений
И стыд узнать, и смерть принять,
И двух истлений, двух растлений
Не разделять, не разлучать.

Лежать бы в платице измятом
Одной, в березняке густом,
И нож под левым, лиловатым,
Еще девическим соском.

20–21 июля 1923

Берлин

* * *

Было на улице полутемно.
Стукнуло где-то под крышей окно.

Свет промелькнул, занавеска взвилась,
Быстрая тень со стены сорвалась —

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг — а иной.

23 декабря 1922

Saagow

* * *

Нет, не найду сегодня пищи я
Для утешительной мечты:
Одни шарманчики, да нищие,
Да дождь — всё с той же высоты.

Тускнеет в лужах электричество,

Нисходит предвечерний мрак
На идиотское количество
Серошетиновых собак.

Та — ткнется мордою нечистою
И, повернувшись, отбежит,
Другая лапою когтистою
Скребет обшмыганный гранит.

Те — жилища, присев на корточки,
Повесив на бок языки, —
А их из самой верхней форточки
Зовут хозяйские свистки.

Всё высвистано, прособачено.
Вот так и шлепай по грязи,
Пока не вздрогнет сердце, схвачено
Внезапным треском жалюзи.

23 марта — 10 июня 1923
Saagow

Дачное

Уродики, уродища, уроды
Весь день озерные мутили воды.

Теперь над озером ненастье, мрак,
В траве — лягушечий зеленый квак

Огни на дачах гаснут понемногу,
Клубки червей полезли на дорогу,

А вдалеке, где все затерла мгла,
Тупая грамофонная игла

Шатается по рытвинам царапин
И из трубы еще рычит Шаляпин.

На мокрый мир нисходит угомон...
Лишь кое-где, топча сырой газон,

Блудливые невесты с женихами
Слипаются, накрытые зонтами,

А к ним под юбки лазит с фонарем
Полуслепой, ширококоротый гном.

10 июня 1923, Saagow
31 августа 1924, Causway

Под землей

Где пахнет черною карболкой
И провонявшею землей,
Стоит, склоняя профиль колкий
Пред изразцовой стеной.

Не отойдет, не обернется,
Лишь весь качается слегка,
Да как-то судорожно бьется
Потертый локоть сюртука.

Заходит школьники, солдаты,
Рабочий в блузе голубой, —
Он всё стоит, к стене прижатый
Своею дикою мечтой.

Здесь создает и разрушает
Он сладострастные миры,
И из соседней конуры
За ним старуха наблюдает.

Потом в открывшуюся дверь
Видны подушки, стулья, склянки.
Вошла — и слышатся теперь
Обрывки злобной перебранки.
Потом вонючая метла
Безумца гонит из угла.

И вот, из полутьмы глубокой
Старик сутулый, но высокий,
В таком почтенном сюртуке,
В каком-то модном котелке,
Идет по лестнице широкой,
Как тень Аида — в белый свет,
В берлинский день, в блестящий бред.
А солнце ясно, небо сине,
А сверху синяя пустыня...
И злость, и скорбь моя кипит,
И трость моя в чужой гранит
Неумолкаемо стучит.

21 сентября 1923
Берлин

* * *

Всё каменное. В каменный пролет
Уходит ночь. В подъездах, у ворот —

Как изваянья — слипшиеся пары.

И тяжкий вздох. И тяжкий дух сигары.

Бренчит о камень ключ, гремит засов.
Ходи по камню до пяти часов,

Жди: резкий ветер дует в окарино
По скважинам громоздкого Берлина —

И грубый день взойдет из-за домов
Над мачехой российских городов.

23 сентября 1923
Берлин

* * *

Встаю расслабленный с постели.
Не с Богом бился я в ночи,—
Но тайно сквозь меня летели
Колючих радио лучи.

И мнится: где-то в теле живы,
Бегут по жилам до сих пор
Москвы бунтарские призывы
И бирж всесветный разговор.

Незаглушимо и сумбурно
Пересеклись в моей тиши
Ночные голоса Мельбуерна
С ночными знаньями души.

И чьи-то имена, и цифры
Вонзаются в разъятый мозг,
Врываются в глухие шифры
Разряды океанских гроз.

Хожу — и в ужасе внимаю
Шум, не внимаемый никем.
Руками уши зажимаю—
Все тот же звук! А между тем...

О, если бы вы знали сами,
Европы темные сыны,
Какими вы *еще* лучами
Неошутимо пронзены!

5–10 февраля 1923
Saagow

Хранилище

По залам прохожу лениво.
Претит от истин и красот.
Еще невиданные дива,
Признаться, знаю наперед.

И как-то тяжело, больно даже
Душою жить — который раз? —
В кому-то снившемся пейзаже,
В когда-то промелькнувший час.

Все бьется человеческий гений:
То вверх, то вниз. И то сказать:
От восхождений и падений
Уж позволительно устать.

Нет! полно! Тяжелеют веки
Пред вереницею Мадонн,—
И так отрадно, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

23 июля 1924
Париж

* * *

Интриги бирж, потуги наций.
Лавина движется вперед.
А всё под сводом Прокураций
Дух беззаботности живет.

И беззаботно так уснула,
Поставив туфельки рядком,
Неомрачимая Урсула
У Алинари за стеклом.

И не без горечи сокрытой
Хожу и мыслю иногда,
Что Некто, мудрый и сердитый,
Однажды поглядит сюда.

Нечаянно развеселится,
Весь мир улыбкой озаря,
На шаль красоты заглядится,
Забудется, как нынче я, —

И всё исчезнет невозвратно
Не в очистительном огне,
А просто — в легкой и приятной
Венецианской болтовне.

19–20 марта 1924
Венеция

Соррентинские фотографии

Воспоминанье прихотливо
И непослушливо. Оно —
Как узловатая олива:
Никак, ничем не стеснено.
Свои причудливые ветви
Узлами диких соответствий
Нерасторжимо заплетет —
И так живет, и так растет.

Порой фотограф-ротозей
Забудет снимкам счет и пленкам
И снимет парочку друзей,
На Капри, с беленьким козленком, —
И тут же, пленки не сменив,
Запечатлеет он залив
За пароходною кормою
И закопченную трубу
С космою дымною на лбу.
Так сделал нынешней зимою
Один приятель мой. Пред ним
Смешались воды, люди, дым
На негативе помутнелом.
Его знакомый легким телом
Полупрозрачно заслонял
Черты скалистых исполинов,
А козлик, ноги в небо вскинув,
Везувий рожками бодал...
Хоть я и не люблю козляток
(Ни итальянских пикников) —
Двух совместившихся миров
Мне полюбился отпечаток:
В себе виденья затая,
Так протекает жизнь моя.

Я вижу скалы и агавы,
А в них, сквозь них и между них —
Домишко низкий и плюгавый,
Обитель прачек и портных.
И как ни отвожу я взора,
Он все маячит предо мной,
Как бы сползая с косогора
Над мутною Москвой-рекой.
И на зеленый, величавый
Амальфитанский перевал
Он жалкой тенью набежал,
Стопою нищенскою стал
На пласт окаменелой лавы.

Раскрыта дверь в полуподвал,
И в сокрушении глубоком
Четыре прачки, полубоком,
Выносят из сеней во двор
На полотенцах гроб дощатый,
В гробу — Савельев, полотер.
На нем — потертый, полосатый
Пиджак. Икона на груди
Под бородою рыжеватой.
«Ну, Ольга, полно. Выходи».
И Ольга, прачка, за перила
Хватаясь крепкою рукой,
Выходит. И заголосила.
И тронулись под женский вой
Неспешно со двора долой.
И сквозь колючие агавы
Они выходят из ворот,
И полотера лоб курчавый
В лазурном воздухе плывет.
И, от мечты не отрываясь,
Я сам, в оливковом саду,
За смутным шествием иду,
О чуждый камень спотыкаясь.

Мотоциклетка стрекотнула
И сорвалась. Затрепетал
Прожектор по уступам скал,
И отзвук рокота и гула
За нами следом побежал.
Сорренто спит в сырых громадах.
Мы шумно ворвались туда
И стали. Слышно, как вода
В далеких плещет водопадах.
В страстную пятницу всегда
На глаз приметно мир пустеет,
Айдесский, древний ветер веет,
И ущербляется луна.
Сегодня в облаках она.
Тускнеют улицы сырые.
Одна ночная остерия
Огнями желтыми горит.

Ее взлохмаченный хозяин
Облокотившись полуспит.
А между тем уже с окраин
Глухое пение летит;
И озаряется свечами
Кривая улица вдали;
Как черный парус, меж домами
Большое знамя пронесли
С тяжеловесными кистями;
И, чтобы видеть мы могли

Воочию всю ту седмицу,
Пронесут плетъ и багряницу,
Терновый скорченный венок,
Гвоздей заржавленных пучок,
И лестницу, и молоток.

Но пенъе ближе и слышнее.
Толпа колышется, чернея,
А над толпою лишь Она,
Кольцом огней озарена,
В шелках и розах утопая,
С недвижной благостью в лице,
В недостижимом венце,
Плывет, высокая, прямая,
Ладонь к ладони прижимая,
И держит ручкой восковой
Для слез платочек кружевной.
Но жалкою людскою дрожью
Не дрогнут ясные черты.
Не оттого ль к Ее подножью
Летят молитвы и мечты,
Любви кощунственные розы
И от великой полноты —
Сладчайшие людские слезы?
К порогу вышел своему
Седой хозяин остерии.
Он улыбается Марии. Мария!
Улыбнись ему!

Но мимо: уж Она в соборе
В снопах огней, в гремящем хоре.
Над поредевшою толпой
Порхает отсвет голубой.
Яснее проступают лица,
Как бы напудрены зарей.
Над островерхою горой
Переливается Денница...

Мотоциклетка под скалой
Летит извилистым полетом,
И с каждым новым поворотом
Залив просторней предо мной.
Горя зарей и ветром воя,
Он все волшебней, все живее.
Когда несемся мы правее,
Бегут налево берега,
Мы повернем — и величаво
Их позлащенная дуга
Начнет разворачиваться вправо.
В тумане Прочида лежит,
Везувий к северу дымит.
Запятнан площадною славой,

Он все торжествен и велик
В своей хламиде темно-ржавой,
Сто раз прожженной и дырявой.
Но вот — румяный луч проник
Сквозь отдаленные туманы.
Встает Неаполь из паров,
И заиграл огонь стеклянный
Береговых его домов.

Я вижу светлые просторы,
Плывут сады, поляны, горы,
А в них, сквозь них и между них —
Опять, как на неверном снимке,
Весь в очертаниях сквозных,
Как был тогда, в студеной дымке,
В ноябрьской утренней заре,
На восьмигранном острие
Золотокрылый ангел розов
И неподвижен — а над ним
Вороньи стаи, дым морозов,
Давно рассеявшийся дым.
И, отражен кастелламарской
Зеленоватою волной,
Огромный страж России царской
Вниз опрокинут головой.
Так отражался он Невой,
Зловещий, огненный и мрачный,
Таким явился предо мной —
Ошибка пленки неудачной.

Воспоминанье прихотливо.
Как сновидение — оно
Как будто вещей правдой живо,
Но так же дико и темно
И так же, вероятно, лживо...
Среди каких утрат, забот,
И после скольких эпитафий,
Теперь, воздушная, всплывет
И что закроет в свой черед
Тень соррентинских фотографий?

5 марта 1925, Sorrento
26 февраля 1926, Chaville

Из дневника

Должно быть, жизнь и хороша,
Да что поймешь ты в ней, спеша
Между купелию и моргом,
Когда мытарится душа
То отвращеньем, то восторгом?

Непостижимостей свинец
Всё толще над мечтой понурой, —
Вот и дуреешь наконец,
Как любознательный кузнец
Над просветительной брошюрой.

Пора не быть, а пребывать,
Пора не бодрствовать, а спать,
Как спит зародыш крутолобий,
И мягкой вечностью опять
Обволокнуться, как утробой.

1–2 сентября 1925

Meudon

Перед зеркалом

*Nel mezzo del cammin di nostra vita.*³

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, —
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть, —
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем, так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины — к причине,
А глядишь — заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, —
Только есть одиночество — в раме

³ На середине пути нашей жизни (*итал.*).

Говорящего правду стекла.

18–23 июля 1924

Париж

Окна во двор

Несчастный дурак в колодце двора
Причитает сегодня с утра,
И лишнего нет у меня башмака,
Чтобы бросить его в дурака.

.....
Кастрюли, тарелки, пьянино гремят,
Баюкают няньки крикливых ребят.
С улыбкой сидит у окошка глухой,
Зачарован своей тишиной.

.....
Курносый актер перед пыльным трюмо
Целует портреты и пишет письмо,—
И, честно гонясь за правдивой игрой,
В шестнадцатый раз умирает герой.

.....
Отец уж надел котелок и пальто,
Но вернулся, бледный как труп:
«Сейчас же отшлепать мальчишку за то,
Что не любит луковый суп!»

.....
Небритый старик, отодвинув кровать,
Забивает старательно гвоздь,
Но сегодня успеет ему помешать
Идущий по лестнице гость.

.....
Рабочий лежит на постели в цветах.
Очки на столе, медяки на глазах.
Подвязана челюсть, к ладони ладонь.
Сегодня в лед, а завтра в огонь.

.....
Что верно, то верно! Нельзя же силком
Девчонку тащить на кровать!
Ей нужно сначала стихи почитать,
Потом угостить вином...

.....
Вода запищала в стене глубоко:
Должно быть, по трубам бежать нелегко,
Всегда в тесноте и всегда в темноте,
В такой темноте и в такой тесноте!

16–21 мая 1924

Париж

Бедные рифмы

Всю неделю над мелкой поживой
Задышаться, тощать и дрожать,
По субботам с женой некрасивой
Над бокалом, обнявшись, дремать,

В воскресенье на чахлую траву
Ехать в поезде, плед разложить,
И опять задремать, и забаву
Каждый раз в этом всем находить,

И обратно тащить на квартиру
Этот плед, и жену, и пиджак,
И ни разу по пледу и миру
Кулаком не ударить вот так,—

О, в таком непреложном законе,
В заповедном смиренье таком
Пузырьки только могут в сифоне —
Вверх и вверх, пузырек с пузырьком.

2 октября 1926

Париж

* * *

Сквозь ненастный зимний денек —
У него сундук, у нее мешок —

По паркету парижских луж
Ковыляют жена и муж.

Я за ними долго шагал,
И пришли они на вокзал.
Жена молчала, и муж молчал.

И о чем говорить, мой друг?
У нее мешок, у него сундук...
С каблуком топотал каблук.

Январь 1927

Париж

Баллада

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема.

Мне лиру ангел подает,
Мне мир прозрачен, как стекло, —
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло.

За что свой незаметный век
Влачит в неравенстве таком
Беззлобный, смирный человек
С опустошенным рукавом?

Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Безрукий прочь из синема
Идет по улице домой.

Ремянный бич я достаю
С протяжным окриком тогда
И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода

Взлетают в городскую высь.
Так с венецианских площадей
Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей.

Тогда, прилично шляпу сняв,
К безрукому я подхожу,
Тихонько трогаю рукав
И речь такую завожу:

«Pardon, monsieur,⁴ когда в аду
За жизнь надменную мою
Я казнь достойную найду,
А вы с супругою в раю

Спокойно будете витать,
Юдоль земную созерцать,
Напевы дивные внимать,
Крылами белыми сиять, —

Тогда с прохладнейших высот
Мне сбросьте перышко одно:
Пускай снежинкой упадет
На грудь спаленную оно».

Стоит безрукий предо мной
И улыбается слегка,
И удаляется с женой,
Не приподнявши котелка.

⁴ Простите, сударь (фр.).

Июнь — 17 августа 1925
Meudon

Джон Боттом

1

Джон Боттом славный был портной,
Его весь Рэстон знал.
Кроил он складно, прочно шил
И дорого не брал.

2

В опрятном домике он жил
С любимой женой
И то иглой, то утюгом
Работал день деньской.

3

Заказы Боттому несли
Порой издавека.
Была привинчена к дверям
Чугунная рука.

4

Тук-тук — заказчик постучит,
Откроет Мэри дверь, —
Бери-ка, Боттом, карандаш,
Записывай да мерь.

5

Но раз... Иль это только так
Почудилось слегка? —
Как будто стукнула сильней
Чугунная рука.

6

Проклятье вечное тебе,
Четырнадцатый год!..
Потом и Боттому пришел,
Как всем другим, черед.

7

И с верной Мэри целый день

Прощался верный Джон
И целый день на домик свой
Глядел со всех сторон.

8

И Мэри так ему мила,
И домик так хорош,
Да что тут делать? Все равно:
С собой не заберешь.

9

Взял Боттом карточку жены
Да прядь ее волос,
И через день на континент
Его корабль увез.

10

Сражался храбро Джон, как все,
Как долг и честь велят,
А в ночь на третье февраля
Попал в него снаряд.

11

Осколок грудь ему пробил,
Он умер в ту же ночь,
И руку правую его
Снесло снарядам прочь.

12

Германцы, выбив наших вон,
Нахлынули в окоп,
И Джона утром унесли
И положили в гроб.

13

И руку мертвую нашли
Оттуда за версту
И положили на груди...
Одна беда — не ту.

14

Рука-то плотничья была,
В мозолях. Бедный Джон!
В такой руке держать иглу
Никак не смог бы он.

15

И возмутилася тогда
Его душа в раю:
«К чему мне плотничья рука?
Отдайте мне мою!

16

Я ею двадцать лет кроил
И на любой фасон!
На ней колечко с бирюзой,
Я без нее не Джон!

17

Пускай я грешник и злодей,
А плотник был святой, —
Но невозможно мне никак
Лежать с его рукой!»

18

Так на блаженных высотах
Все сокрушался Джон,
Но хором ангельской хвалы
Был голос заглушен.

19

А между тем его жене
Полковник написал,
Что Джон сражался как герой
И без вести пропал.

20

Два года плакала вдова:
«О Джон, мой милый Джон!
Мне и могилы не найти,
Где прах твой погребен!..»

21

Ослабли немцы наконец.
Их били мы, как моль.
И вот — Версальский, строгий мир
Им прописал король.

22

А к той могиле, где лежал
Неведомый герой,
Однажды маршалы пришли
Нарядною толпой.

23

И вырыт был достойный Джон,
И в Лондон отвезен,
И под салют, под шум знамен
В аббатстве погребен.

24

И сам король за гробом шел,
И плакал весь народ.
И подивился Джон с небес
На весь такой почет.

25

И даже участью своей
Гордиться стал слегка.
Одно печалило его,
Одна беда — рука!

26

Рука-то плотничья была,
В мозолях... Бедный Джон!
В такой руке держать иглу
Никак не смог бы он.

27

И много скорбных матерей,
И много верных жен
К его могиле каждый день
Ходили на поклон.

28

И только Мэри нет как нет.
Проходит круглый год —
В далеком Рэстоне она
Все так же слезы льет:

29

«Покинул Мэри ты свою,
О Джон, жестокий Джон!
Ах, и могилы не найти,

Где прах твой погребен!»

30

Ее соседи в Лондон шлют,
В аббатство, где один
Лежит безвестный, общий всем
Отец, и муж, и сын.

31

Но плачет Мэри: «Не хочу!
Я Джону лишь верна!
К чему мне общий и ничей?
Я Джонова жена!»

32

Все это видел Джон с небес
И возроптал опять.
И пред апостолом Петром
Решился он предстать.

33

И так сказал: «Апостол Петр,
Слышал я стороной,
Что сходят мертвые к живым
Полночною порой.

34

Так приоткрой свои врата,
Дай мне хоть как-нибудь
Явиться призраком жене
И только ей шепнуть,

35

Что это я, что это я,
Не кто-нибудь, а Джон
Под безымянною плитой
В аббатстве погребен.

36

Что это я, что это я
Лежу в гробу глухом —
Со мной постылая рука,
Земля во рту моем».

37

Ключи встряхнул апостол Петр
И строго молвил так:
«То — души грешные. Тебе ж —
Никак нельзя, никак».

38

И молча, с дикою тоской
Пошел Джон Боттом прочь,
И все томится он с тех пор,
И рай ему не в мочь.

39

В селеньи света дух его
Суров и омрачен,
И на торжественный свой гроб
Смотреть не хочет он.

1926

Звезды

Вверху — грошовый дом свиданий.
Внизу — в грошовом «Казино»
Расселись зрители. Темно.
Пора щипков и ожиданий.
Тот захихикал, тот зевнул...
Но неудачник облыселей
Высоко палочкой взмахнул.
Открылись темные пределы,
И вот — сквозь дым табачных туч —
Прожектора зеленый луч.
На авансцене, в полумраке,
Раскрыв золотозубый рот,
Румяный хахаль в шапокле
О звездах песенку поет.
И под двуспальные напевы
На полинялый небосвод
Ведут сомнительные девы
Свой непотребный хоровод.
Сквозь облака, по сферам райским
(Улыбочки туда-сюда)
С каким-то веером китайским
Плывет Полярная Звезда.
За ней вприпрыжку поспешая,
Та пожирней, та похудей,
Семь звезд — Медведица Большая —
Трясут четырнадцать грудей.
И, до последнего раздета,

Горя брильянтовой косой,
Вдруг жидколягая комета
Выносится перед толпой.
Глядят солдаты и портные
На рассусаленный сумбур,
Играют сгустки жировые
На бедрах Etoile d'amour,
Несутся звезды в пляске, в тряске,
Звучит оркестр, поет дурак,
Летят алмазные подвязки
Из мрака в свет, из света в мрак.
И заходя в дыру все ту же,
И восходя на небосклон,—
Так вот в какой постыдной луже
Твой День Четвертый отражен!..
Не легкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звездной славой
И первозданною красой.

23 сентября 1925, Париж
19 октября 1925, Chaville

<Дополнения>

Ночь

Измученные ангелы мои!
Спутники в большом и малом!
Сквозь дождь и мрак, по дьявольским кварталам
Я загонял вас. Вот они,

Мои вертепы и трущобы!
О, я не знаю устали, когда
Схожу, никем не знаемый, сюда,
В теснины мерзости и злобы.

Когда в душе все чистое мертво,
Здесь, где разит скотством и тленьем,
Живит меня заклтым вдохновеньем
Дыханье века моего.

Я здесь учусь ужасному веселью:
Постылый звук тех песен обретать,
Которых никогда и никакая мать
Не пропоет над колыбелью.

11 октября 1927
Париж

Граммфон

Ребенок спал, покуда граммфон
Все надрывался «Травиатой».
Под вопль и скрип какой дурманный сон
Вонзался в мозг его разъятый?

Внезапно мать мембрану подняла —
Сон сорвался, дитя проснулось,
Оно кричит. Из темного угла
Вся тишина в него метнулась...

О, наших душ не потрясай
Твоею тишиною грозной!
Мы молимся — Ты сна не прерывай
Для вечной ночи, слишком звездной.

6 декабря 1927
Париж

Скала

Нет у меня для вас ни слова,
Ни звука в сердце нет,
Виденья бедные былого,
Друзья погибших лет!

Быть может, умер я, быть может —
Заброшен в новый век,
А тот, который с вами прожит,
Был только волн разбег,

И я, ударившись о камни,
Окровавлен, но жив,—
И видится издалека мне,
Как вас несет отлив.

14 декабря 1927
Париж

Похороны

Сонет

Лоб —
Мел.
Бел
Гроб.

Спел
Поп.
Сноп
Стрел —

День
Свят!
Склеп
Слеп.

Тень —
В ад!

**9 марта 1928
Париж**

Веселье

Полузабытая отрада,
Ночной попойки благодать:
Хлебнешь — и ничего не надо,
Хлебнешь — и хочется опять.

И жизнь перед нетрезвым взглядом
Глубоко так обнажена,
Как эта гибкая спина
У женщины, сидящей рядом.

Я вижу тонкого хребта
Перебегающие звенья,
К ним припадаю на мгновенье —
И пудра мне пылит уста.

Смеется легкое создание,
А мне отраднo сочетать
Неутешительное знанье
С блаженством ничего не знать.

**25 марта — 28 октября 1928
Париж**

Я

Когда меня пред божий суд
На черных дорогах повезут,

Смутятся нищие сердца
При виде моего лица.

Оно их тайно восхитит

И страх завистливый родит.

Отстав от шествия, тайком,
Воображаясь мертвецом,

Тогда пред стеклами витрин
Из вас, быть может, не один

Украдкой так же сложит рот,
И нос тихонько задерет,

И глаз полуприщурит свой,
Чтоб видеть, как закрыт другой.

Но свет (иль сумрак?) тайный тот
На чудака не снизойдет.

Не отразит румяный лик,
Чем я ужасен и велик:

Ни почивающих теней
На вещей бледности моей,

Ни беспощадного огня,
Который уж лизнул меня.

Последнюю мою приметку
Чужому не отдам лицу...

Не подражайте ж мертвецу,
Как подражаете поэту.

**10–11 мая 1928
Париж**

К Лиле

С латинского

Скорее челюстью своей
Поднимет солнце муравей;
Скорей вода с огнем смесится;
Кентаврова скорее кровь
В бальзам целебный обратится, —
Чем наша кончится любовь.

Быть может, самый Рим прейдет;
Быть может, Тартар нам вернет
Невозвратимо Марона;
Быть может, там, средь облаков,
Над крепкой высью Пелиона,

И нет и не было богов.

Всё допустимо, и во всём
Злым и властительным умом
Пора, быть может, усомниться,
Чтоб омертвелою душой
В беззвучный ужас погрузиться
И лиру растоптать пятой.

Но ты, о Лиля, и тогда,
В те беспросветные года,
Своим единым появлением
Мне мир откроешь прежний, наш, —
И сим отвергнутым виденьем
Опять zalюбоваться дашь.

12 марта — 30 апреля 1929
Париж

Стихотворения, не собранные в сборники и неопубликованные при жизни

* * *

Я угасну... Я угасну...
Всё равно... Умру, уйду.
Я скитаюсь здесь напрасно.
Путь далек мне. Я пойду.

Небо низко. Ветер злобен.
Травы вялы. Пал туман.
Призрак счастья тускл и дробен.
Жизнь — томительный обман.

Вы — останьтесь. Вам за мною
Не идти. Туман — глубок.
Я уйду, закроюсь мглою...
Путь неведом и далек...

30 октября 1904

* * *

Что-то нужно. Что-то нужно...
Я не знаю — что.
В темноте прижаться дружно?
Нет, не то, не то.

Знаю, там, за тесным кругом,
Что-то ждет меня.
Дух мой, дух мой, будь мне другом,

Дай огня, огня!

Где мы? Где мы? Мрак горячий
Мне спалил лицо...
Я ль, бессильный, я ль, незрячий,
Разомкну кольцо.

Я стою, во мраке скован.
Разорвите мглу!..
Я упал к своим оковам
На сыром полу.

4 ноября 1904

В сумерках

Сумерки снежные. Дали туманные.
Крыши гребнями бегут.
Краски закатные, розово-странные,
Над куполами плывут.

Тихо, так тихо, и грустно, и сладостно.
Смотрят из окон огни...
Звон колокольный вливается благостно...
Плачу, что люди одни...

Вечно одни, с надоевшими муками,
Так же, как я, так и тот,
Кто утешается грустными звуками,
Там, за стеною, — поет.

5 ноября 1904

* * *

Схватил я дымный факел мой,
Бежал по городу бездумно,
И искры огненной струёй
За мною сыпались бесшумно.

Мелькал по темным площадям,
Стучал по звонким серым плитам,
Бежал к далеким фонарям,
Струистым отсветом повитым.

И я дробил глухую тишь,
И в уши мне врывался ветер.
Ты, город черный, мертво спишь,
А я живу — последний вечер.

Бегу туда, за твой предел,

К пустым полям и к чахлым травам,
Где мглистый воздух онемел
Под лунным отблеском кровавым.

Я всколыхну речной покой,
С разбега прыгну в глубь немую,
Сомкнутся волны надо мной,
И факел мой потушат струи.

И тихо факел поплывет,
Холодный, черный, обгорелый...
Его волна к земле прибьет,
Его омоет пеной белой...

7 ноября 1904

Бал

Г. Яrho

Я шел по скользкому паркету,
Вдыхал искусственность духов,
Искал «ее». Вон ту? Вот эту?
Не знаю. Думал, что цветов!

Искал — ее. Хотел — желанья.
Ненужной ласки. Новизны.
Быть может — муки ожидания?
Не знаю сам. То были сны.

Я так устал, все были близки
И так доступны. Я устал.
Мои желанья были низки?
Не знаю. Пусть. Ведь это — бал.

9 ноября 1904

Проклятый

Проклятый кем-то, взрос я в зыбях
Мечты не знающей души.
В моих глазах, свинцово-рыбьих,
Залег туман речной глуши.

Смотрю без радости и гнева,
Не вижу я добра и зла,
Не слышу стройного напева,
Не ведаю — где свет, где мгла.

Когда смотрю в чужие очи, —

Боюсь огня сверкнувших дум...
И я бегу к покрову ночи...
Испуганный, дрожит мой ум.

16 ноября 1904

Последний гимн

Живу последние мгновенья.
Безмирны<й> сон, последний сон.
Пою предсмертные моленья,
В душе растет победный звон.

Дрожа и плача, торжествуя,
Дошел до дальнего конца...
И умер я, и вновь живу я...
Прошел пустыни. Жду венца.

Развею стяг, мне данный Богом
Еще тогда, в неясный час,
Когда по облачным дорогам
Я шел и слышал вещий глас.

Я белый стяг окрасил кровью
И вот — принес его на Суд.
Крещенный злобой и любовью,
Я ввысь иду. Утес мой крут.

Взойду на кручи. Подо мною —
Клубится пена облаков.
Я над безвольностью земною
Восстану, просветлен и нов.

Тогда свершится Суд. Последний...
На стяг прольются вновь лучи...
Вспою мой гимн еще победней,
Заблещут ангелов мечи.

И Он сойдет, и скажет слово,
И приобщит к Себе меня.
И всепрощения благого
Прольется песнь, светло звеня.

Мои скитанья и томленья
Потонут в низинах земли.
Свершится чудо Воскресенья...
Мой светлый дух! Живи! Внемли!

28 ноября 1904

Осенние сумерки

На город упали туманы
Холодною белой фатой...
Возникли немые обманы
Далекой, чужой чередой...

Как улиц ущелья глубоки!
Как сдвинулись стены тесней!
Во мгле — потускневшие строки
Бегущих за дымкой огней.

Огни наливаются кровью,
Мигают, как чьи-то глаза!..
...Я замкнут здесь... С злобой, с любовью.
Ушли навсегда небеса.

2 декабря 1904

Часовня

В высокой башне — темных окон ряд.
В передрасветной мгле, туманным зимним утром,
Теряются верхушка и орел...
И лишь внизу, в окне, светло горят
В часовне, переливным перламутром,
Огни свечей — лучистый ореол.
Кругом, впотьмах, в чуть брезжащем рассвете,
Ползут немые тени, гаснут фонари...
В домах зажглись огни; дрожат и тухнут.
Зеванье слышно в утреннем привет...
Так медленны движенья... ждут зари.
И стены призрачны. Как будто скоро рухнут.
Невнятный стук дверей издалика —
И из домов выходят люди. Взор кидают
Вокруг, на небо. Крестятся. Бредут.
Сегодня будет им работа нелегка...
Сегодня, завтра, — день за днем. Не знают,
Когда избавятся от неразрывных пут.
Идут к часовне. Торопливо ставят
Свечу свою пред почерневшим ликом.
Глаза святы смотрят грустно, строго,
Как будто видят, кто душой лукавит,
Как будто вспоминают о великом
Грехе того, кто принял чин от Бога, —
Монаха, что в Святой четверг, в ночной тиши,
Вблизи от них, в уединенной келье,
Убил того, с кем смертный грех творил...
Ты, богомолец! Свет свечей туши.
Не место здесь смиренному веселью:
Он каждый камень кровью обагрил.

Всё тихо здесь. А дух былой минуты
Беззвучно плачет. Но невидим он.
А ты стоишь смиренно на коленях
И плачешься, что дни твои так круты,
Что за стеной часовни — вечный стон,
Что нищие там дрогнут на ступенях...
Не плачь! Иди! Здесь стены знают страх!
Там скрытый Ужас призрачно таится,
Где человек переступил за грань!
Ты ропщешь там в открытых всем слезах,
Где даже свет — испуганно струится!
Ты здесь не нужен. Не молись и встань!

4 декабря 1904

Поздно

Я задумался. Очнулся.
Колокольный звон!
В церковь, к свечкам, к темным ликам
Грустно манит он.

Поздно, поздно. В церкви пусто.
То последний звон.
Сердцу хочется больного,
Сердцу внятен стон.

Слишком поздно. Свечи гаснут.
Кто всегда — один,
Тот забыл, что в церкви — радость,
Он — как блудный сын.

Я хочу назад вернуться,
На колени пасть!
Боже, Боже! Дом Твой кроток, —
Надо мною — власть!

Я в тюрьме своих исканий.
Призраки плывут,
И грозят, и манят, манят,
Паутину ткут!

Слишком поздно. В темной бездне
Я ослеп и сгнил...
Будет стыдно выйти к свету —
И не хватит сил.

5 декабря 1904

Обман

Может быть, играет Дьявол
Страшную игру,
Учит вере: «Здесь побуду
И потом умру».

Шепчет смутно бледным, слабым,
Что не им — искать,
Что лишь маска жизни — правда,
И на ней — печать.

Этот шепот — в свисте ветра,
В шелесте ветвей...
Он трусливых заставляя
Дверь закрыть плотней,

Укрываться за стенами
В мертвенный покой
И забыть, что там, за дверью, —
Неизбежный бой.

Каждый слабый рано ль, поздно ль,
Иль в ином миру
Крикнет: «Горе. Я обманут!
За обман — умру».

6 декабря 1904

Звезде

Пусть стены круты, башни стройны
И ослепительны огни;
Пусть льют потоки крови войны;
Пусть переменны наши дни;

Пусть кипят, звенят, трепещут,
Грохочут гулко города;
Пусть время неумолчно плещет, —
Ты надо всем горишь, звезда!

Прости мне, свет иной основы,
Неизменяемых начал, —
Что я тебя в борьбе суровой
Так безрассудно забывал.

15 декабря 1904
Петербург

Мариночке

Я стройна и красива. Ты знаешь?
Как люблю я себя целовать!
Как люблю я, когда ты ласкаешь,
Обольщаться собой и мечтать!

И мечтать, и сплетать вереницы
Так неясно несущихся грез...
Я — царица, и я — в колеснице...
Я — в дремотности дышащих роз...

Милый, милый! Как странно красиво...
Я в свою красоту влюблена!
Я люблю тебя много, но лживо:
От себя, от себя я пьяна!

Как прекрасно и ласково тело!
Эту ласку тебе отдаю.
Не отгонишь... Целую я смело...
Как тебя... Как себя я люблю...

2 января 1905
Лидино

* * *

Я опьянялся цветами мирскими,
Воздух и блески я жадно внимал,
Жил воедино с волнами морскими,
Вместе с людьми ликовал и страдал.

О, колебания несметных случайностей!
Был я натянут послушной струной,
Отдал я дань обольщению крайностей,
Был я игрушкой... Но стал я — иной.

Я не ищу обольщений обманных.
Я задыхаюсь в тумане, в бреду!..
Я от измен, как убийцы — неожиданных,
Тихо, беззвучно, светло отойду.

Снова и снова, к далёкому, милому,
К нежно-неясному путь поведёт.
И подойду я так близко к незримому.
Перед глазами туманность падёт.

Знаю — увижу я Вечные Грани,
Знаю — пойму я Предвечный Закон.
Муку печальную прежних скитаний
Вспомню я грустно. И путь мой свершён.

13–14 января 1905
Москва

Иная красота

М. Рындиной

Быть может, истина не с нами.

Майков

Я не знаю. Я не знаю.
Но меня томит мечта:
Может быть, — от нас сокрыта —
Есть Иная Красота, —

Выше всех красот открытых.
Я ее, любя, боюсь...
Может быть, — в ней — смерть, убийство,
Но я к Ней иду, несусь!

14 января 1905

* * *

Я не знаю худшего мучения —
Как не знать мученья никогда.
Только в злейших муках — обновленье,
Лишь за мглой губительной — звезда.

Если бы всегда — одни приятности,
Если б каждый день нам нес цветы, —
Мы б не знали вовсе о превратности,
Мы б не знали сладости мечты.

Мы не поняли бы радости хотения,
Если бы всегда нам отвечали: «Да».
Я не знаю худшего мученья —
Как не знать мученья никогда.

14 января 1905

Достижение

1

На небе собираются тучи,
Зловещий смыкается круг.
Ты замер, о ветер летучий,
Мой вечный, единственный друг.

Я скован. Я замкнут. Уж поздно.
Равнина сокрылась из глаз;

И молнии вспыхнули грозно,
И факел последний погас.

Один я... Темно и бездольно.
Лишь молний прерывистый свет
Мне в душу врывается больно...
Кричу... Только громы в ответ.

Мне жутко в пустыне бездонной,
Мне страшно с нездешними встреч.
Ложусь, до конца изможденный,
И звякает щит мой о меч.

2

Я очнулся. Вдали, на востоке,
Заалела полоска огня...

.....

Солнце, Солнце, Отец мой Высокий!
О, как властно зовешь ты меня.

Солнце, Солнце, создатель могучий,
Задохнулся я в черном бреду...
Сзади, сбоку — нависшие тучи, —
Но к тебе — я иду!

3

Что это? Что это? Толпы врагов?
Люди ли, призраки ль это?
Я ль не дойду к Тебе, Бог из Богов?
Вижу движенья запрета.

Мне вы мешаете к Богу идти?
Люди иль духи, — пустите!
Вижу маяк я на дальнем пути...
Мне ль уступить не хотите?

Молча смыкаетесь? Эй, мертвецы!
Пусть ваши лица и строги —
Я не боюсь вас, немые бойцы!
Я нападаю! С дороги!

4

.....

О золотое светило!
Ты ли горишь в небесах?
Тают последние силы...

Слезы блестят на глазах.

Видишь! Ты видишь! Я — смелый,
Шел неуклонно к тебе,
Бился рукою умелой,
Отдал себя я — Судьбе.

Полчища были несметны, —
Я прорвался через них.
Бился за подвиг обетный,
Насмерть изранен... Затих...

Вечное Солнце! Взгляни же!
Я умираю от ран...
Молча спускается ниже,
К сумраку западных стран.

Мудрое Солнце! Ты право.
Слышу безмолвный ответ:
«Вольным хотениям — слава.
Павшим за волю — привет!»

.....
Взор огневого светила.
Блещет закат в небесах.
Тают последние силы...
Черные бездны — в глазах.

18–19 января 1905

Достижения

Достигнуть! Достигнуть! Дойти до конца, —
Стоять на последней ступени,
И снова стремиться, и так — без конца...
Как радостна цепь достижений!

Бессмертно прекрасен желанный венец.
В нем — счастье всех достижений.
Равно обновляют — победный венец
И трепетный венчик мучений.

В победе — желание новых торжеств,
Стихийная сила хотенья.
Но вижу иную возможность торжеств:
Есть в муке — мечта Воскресенья.

22 января 1905

Правда пробуждения

Я беден, беден! Горе мне!
Тебя ласкал я смело...
И ты была близка ко мне,
И нежно было тело...
Я сладко спал, но в этом сне
Вся правда потускнела!

Глаза открылись после сна
И снова стали зорки.
Пред ними мокрая стена
И нищета каморки,
И мерзки низкого окна
Обтрепанные шторы!

Я здесь горел! Я здесь любил!
За что же мука, Боже?
Я злую правду позабыл, —
И правда стала строже...
Я пробужденья не убил
На этом жестком ложе!

24 января 1905

* * *

И снова голос нежный,
И снова тишина,
И гладь равнины снежной
За стеклами окна.

Часы стучат так мерно,
Так ровен плеск стихов.
И счастье снова верно,
И больше нет грехов.

Я бросил их: я дома, —
Не манит путь назад.
Здесь все душе знакомо...
Я нежно, грустно рад.

Мои неясны грезы,
Я только тихо нов...
Закат рассыпал розы
По савану снегов.

8 февраля 1905

Ангелы

Близкие, нежные тени...
Знаю — вы дети зыбей...

Сонмище тихих видений...
Пойте же, пойте — скорей!

Пойте желанную песню.
Смерть и Рожденье — всегда.
Тише! Нежней! Бестелесней!
<Стужа?> Журчанье. Вода.

Песни прощаний, привета,
Ангелы светлых лучей!
Крыльями сердце согрето.
Пойте же, пойте — скорей!

29 марта 1905

Сближение

О, в душе у тебя есть безмерно-родное,
До боли знакомое мне.
Лишь на миг засветилось, и снова — иное,
Улетело, скользя, в тишине.

Лишь на миг, лишь на миг только правды хочу я!
Задержать переменность твою...
Словно что-то возможное чуя,
Я ловлю световую струю!

Здесь! И нет! Но я знаю, я знаю —
Сердце было мгновенно светло...
Я был близок к расцветшему Раю...
И мое! И твое! — И ушло!

4 апреля 1905

Вновь

Я плачу вновь. Осенний вечер.
И, может быть, — Печаль близка.
На сердце снова белый саван
Надела бледная рука.

Как тяжело, как больно, горько!
Опять пойдут навстречу дни...
Опять душа в бездонном мраке
Завидит красные огни.

И будет долго, долго слышен
Во мгле последний — скорбный плач.
Я жду, я жду. Ко мне во мраке
Идет невидимый палач.

16 апреля 1905

Отшельник

Горьки думы о земном,
О потерянном Великом.
Робко шепчут об ином
Три свечи пред тёмным ликом.

Смутно плачет о больном
Безотрадный вой метели.
Навсегда забыться сном
В тишине безмолвных келий.

За решётчатым окном
Занесённый снегом ельник.
О спасении земном
Помолюсь и я, отшельник.

29 апреля 1905

Лидино

С простора

Я не люблю вас, люди, люди,
Из серокаменных домов!
Вы не участвуете в чуде
Пророчества и вещей снов.

Но вы мне близки, люди, люди!
Немые облики теней!
Вам больно жить на жесткой груди,
На ребрах городских камней.

По ним влачась, о люди, люди!
Изранили вы ноги в кровь.
Как бледны лица, чахлы груди!
В вас узнаю себя я вновь.

Я вас покинул, люди, люди!
Но между вас идет мой след.
Я Чуду крикнул: буди! буди!
Но вы — мой пережитый бред.

2 мая 1905

Лидино

Белые башни

Грустный вечер и светлое небо.
В кольце тумана блестящий шар.
Темные воды — двойное небо...
И был я молод — и стал я стар.

Темные ели, обрывный берег
Упали в воды и вглубь вошли.
Столб серебристый поплыл на берег,
На дальний берег чужой земли.

Сердцу хочется белых башен
На черном фоне ночных дерёв...
В выси воздушных, прозрачных башен
Я буду снова безмерно нов!

Светлые башни! Хочу вас видеть
В мерцанье призрачно-белых стен.
В небо ушедшие башни видеть,
Где сердцу — воля и сладкий плен!

Белые башни! Вы — знаю — близко,
Но мне незримы, и я — один...
...Губы припали так близко, близко,
К росистым травам сырых ложбин...

3 мая 1905

Лидино

Счастье

Солнце! Солнце! Огнь палящий!
Солнце! Ярый кат небес!
Ты опустишь меч разящий,
Взрежешь облачность завес.

Но не воплем, но не плачем
Встречу огненный удар.
Что мы знаем? Что мы значим?
Я, незрячий, сед и стар.

На колени! Прочь, корона!
Упадай, порфира, с плеч!
О, губящий! Я без стога
Принимаю тяжкий меч.

Пред народом, умиленный,
Первым пал последний царь!..
Над главою убеленной
Меч взнесен. Я жду. Ударь!

12 мая 1905

Лидино

* * *

Если сердце захочет плакать,
Я заплачу — и буду рад.
Будет сладко, и будет грустно:
Знаю — близок возможный брат.

Слезы горьки, но небо чисто.
Кто-то скорбный пришел ко мне,
Скорбный, бледный, но вечно милый.
Мы виновны в одной вине.

Мы виновны в грехе рожденья,
Мы нарушили тишину,
Мы попрали молчанье Смерти,
Мы стонали в земном плену.

Если сердце захочет плакать,
Я заплачу — и буду рад.
Будут наши страдания чисты:
Тайну знаю лишь я — да брат.

13 мая 1905

Лидино

У людей

О, как мне скучно, скучно, скучно!
Как неустанна суета!
Как всё вокруг спешит докучно
И бредит сонная мечта.

Как будто кто-то, грозный, темный,
Крылами навевает жар...
В провалах мысли исступленной
Горит невидимый пожар.

Я не хочу сгорать незримо!
Незримый жар стократ страшней,
Чем тот, что мчит неугасимо
Безумства блещущих огней...

О нет, спасите! К краю кубка
Припасть устами... Пью! Мое!..
Опять измена!.. Укус, губка —
И ненавистное копьё!..

Январь 1905, Москва

15 мая 1905, Лидино

Вечером в детской

Вале Х.

О детках никто не заботится.
Мама оставила с нянькой.
Плачут, сердечки колотятся...
«Дети, не кушайте перед банькой».

Плачут бедные дети.
Утирают слезы кулачиком.
Как больно живется на свете!..
«Дети, играйте мячиком».

Скучно. Хочется чудной сказки,
Надоела старая нянька.
Просят утешения грустные глазки...
«Глядите: вот Ванька-встанька...»

16 мая 1905
Лидино

Песня

Над рекою
Голубою
Я стою...
На холме я,
Сладко млея,
Запою.

Ветер дышит,
Чуть колышет
Лепестки,
Обвеваает,
Налетает
От реки.

Песня льется,
Донесется
До людей...
Пусть вздыхают,
Пусть внимают
Тихо ей.

16 мая 1905
Лидино

Deo Ignoto

O mon Dieu, votre crainte m'a frappé;

P. Verlaine

О творец, ослепшей жизни
Погрузивший нас во мглу,
В час рожденья и на тризне
Я пою тебе хвалу.

Неизведанный губитель
Вечно трепетных сердец,
Добрый пастырь, правый мститель,
Ты — убийца, ты — отец.

Если правда станет ложью,
Бог, тебя я восхваляю
И молитвы смутной дрожью
Жажду сердца утолю.

О, поставь слепую душу
На таинственный рубеж!
Я смиренья не нарушу,
Погуби — или утешь!

Был я робок и опаслив,
Но на радостной заре
Буду светел, буду счастлив
Жертвой пасть на алтаре!

17 мая 1905

Лидино

Диск

Чело в лучах и члены гибки.
Бросаю в воздух звонкий Диск.
Кружась, летит, и блески зыбки.
В струях зефира — свист и визг.

Смотрю: взметнулись в синем небе
Два Солнца: Диск и Аполлон.
Я посвящаю юной Гебе
Размах руки и меди звон.

Взлетел. Дрожит... Сейчас сорвется.
И вот — упал к моим ногам.
Еще удар — опять взовется
Навстречу блещущим лучам.

23 мая 1905

Лидино

* * *

Ухожу. На сердце — холод млеющий,
Высохла последняя слеза.
Дверь закрылась. Злобен ветер веющий,
Смотрит ночь беззвездная в глаза.

Ухожу. Пойду немymi странами.
Знаю: на пути — не обернусь.
Жизнь зовет последними обманами...
Больше нет соблазнов: не вернусь.

23 мая 1905

Лидино

Жизнь — полководец

Marche funebre

Тяжки шаги моих солдат.
Мерно идет за рядом ряд.

Едкая пыль... «Вперед! Вперед!»
Каждый из вас убьет, умрет.

Гром барабанов. Стук костей.
Жизнь неустанна... «Марш, смелей!»

Пройдены версты. Смерть не ждет.
Призрак возник... «Вперед, вперед!»

Верны шаги слепых солдат.
К смерти идет за рядом ряд.

24 мая 1905

Лидино

Горгона

Внимая дикий рев погони,
И я бежал в пустыню, вдаль,
Взглянуть в глаза моей Горгоне,
Бежал скрестить со сталью сталь.

И в час, когда меня с врагиной
Сомкнуло бранное кольцо, —
Я вдруг увидел над пустыней
Ее стеклянное лицо.

Когда, гремя, с небес сводили
Огонь мечи и шла гроза —
Меня топтали в вихрях пыли
Смерчам подобные глаза.

Сожженный молнией и страхом,
Я встал, слепец полуседой,
Но кто хоть раз был смешан с прахом,
Не сложит песни золотой.

24–25 мая 1905

Лидино

Друзьям

Друзья! В тот час, когда, усталый,
Я вам скажу, что нет Мечты,
Залейте кровью, ярко-алой,
Мои позорные черты.

И в этом будет правда — знайте.
Свой приговор изрек я сам.
Мой труп проклятый растерзайте
И на съеденье бросьте псам!

И ныне я, завету верен,
В того, кто снял с чела венок,
Кто перед Жизнью — лицемерен, —
Вонжу отравленный клинок!

29 мая 1905

Лидино

Ликующие

Затянут тиной темный пруд.
Смотрю в него. Лицо так бледно.
А за стеной уже несут
Светильник свой. Поют победно.

Боюсь их пенья. Там, за мглой,
Предстанет ужас пробуждеи...
В ответ на радость под землей
Чуть шепчут песни погребенья...

Уйдите, ах, уйдите прочь!
Я слышу смерть, вам нет надежды.
О, как ужасно смотрит ночь
На эти брачные одежды.

Скорее, плачьте. Зной сокрыл
Провал. С улыбкой пенью внемлет
И дуновеньем темных крыл
Огонь светильника колеблет.

7 июля 1905
Лидино

Пилат

М.

Заслышав голос прорицанья,
Я Сына Божия казнил.
Хвалите Бога за избранье!
Меня покой не соблазнил.

О, вынул тот жестокий жребий,
Кто над Царем взнесет удар!
Но разве не был в дальнем небе
На землю сброшенный Икар?

Омыты руки пред толпою,
Но перед Небом, я — судья, —
Кровавых пятен с них не смою! —
Я ими свят. Несись, ладья!

Тому, кто верен Вечной Воле,
Дорогой торной не идти.
Отныне я — единый в поле,
На непроложенном пути.

Стучался я у тайной двери.
За ней — спасенье или смерть.
И мне в неколебимой вере
Предстала вскрывшаяся твердь.

И ныне знаю: в час желанный —
За миг мученья — вознесусь.
Последней Правдой осиянный,
Меня обнимет Иисус!

15–16 июля 1905
Лидино

* * *

Только вечером нежное
Мне понятно и близко...
Говорит Неизбежное

В блеске Лунного Диска.

В ленте, медленно тающей,
Озаренных туманов
Словно блеск замирающий
Голубых океанов...

Только вечером нежное
Сердцу тяжкому близко...
Как всегда Неизбежное —
Тайне Лунного Диска...

10 сентября 1905
Москва

* * *

Ал. Брюсову

Меня роднят с тобою дни мечтаний,
Дни первых радостей пред жертвенным огнем...
И были мы во власти обаяний,
И сон ночной опять переживали днем.

Ты отступил от жертвоприношений,
Богам неведомым. Ушел в страну отцов,
Вершить дела домашних устроений,
Заботы будущих и прежних мертвецов.

Я вышел в жизнь. Быть может, мой удар —
Защитник от Судьбы — и робок, и не меток.
Но жизнь благодарю за то, что я — не стар
И не герой в театре марионеток.

12 сентября 1905
Москва

* * *

Навсегда разорванные цепи
Мне милей согласного звена.
Я, навек сокрытый в темном склепе,
Не ищу ни двери, ни окна.

Я в беззвучной темноте пещеры
Должен в землю ход глубокий рыть.
И, изведав счастье новой веры,
Никому объятий не раскрыть.

25 октября 1905
Лидино

* * *

Мы все изнываем от жизненной боли.
И нет исцеленья. Нам больно, нам больно.
Я тысячи раз умирал против воли —
И тысячи раз воскресал подневольно.

Как будто бы взор, неестественно меткий,
Нас издали знаком мучений отметил.
Я долго махал призывающей веткой,
Кричал над морями — никто не ответил.

Прошли корабли, не меняя дороги,
Боясь наскочить на утес придорожный,
Там, за морем где-то, — рождаются боги,
А мы — на скале, позабытой, безбожной.

19–20 декабря 1905
Москва

Гриффу

Привет тебе из тихой дали,
Где ветер гнет верхи дерёв,
Где голубые тени пали
На золотую гладь снегов.

Привет тебе, мой брат далекий,
Борящийся средь тяжких стен!
Я с Тишиной голубоокой
Замкнулся в добровольный плен.

Как хорошо, где солнце светит
И острый луч слепит глаза!..
Вам пушек рев на зов ответит,
А мне — лесные голоса.

Будь счастлив там, где все не правы,
Где кровью вскормлены мечты
И жертва дьявольской забавы —
Герои, дети и шуты...

23 декабря 1905
Лидино

Спящей

Спи. Покой твой, сон невесты
Соблазняет черный клир.
Но магические жесты
Охранят твой ясный мир.

Спи, усни. Еще устанешь,
Упадешь в пыли дорог,
В тайну пропастей заглянешь,
Выпьешь чашу. Жребий строг.

Спи, пока не соберутся
Страхи, дьяволы и тьмы...
Над тобой еще сомкнутся
Вихри воющей зимы...

Спи. Я бодрствую, бессонный..
Близок час, но не настал.
Тихо всё и усыпленно
В переходах темных зал.

Но когда изнеможенье
Окует мне веки сном —
Пробуждайся! Пей мученье
В чаше с дьявольским вином.

27–28 декабря 1905
Лидино

Забывтый

В кольце безумствующих гадин
Стою — потерянный и голый.
Навеки сердца клад украден.
Я слышу хохот их веселый.

Закрыв лицо в жестокой муке —
И нет молитв, и нет закланий.
На обессиленные руки
Кладут позорные печати.

Глумясь над знаком избавленья,
Мне в рот суют вина и хлеба, —
И вижу отблеск наважденья
В огнях разорванного неба.

28 декабря 1905
Лидино

* * *

Мы мерзостью постыдно-рьяной
Так сладостно оскорблены,
И сердце ищет мути пьяной
Для беспощадной глубины.

Но горе нам! Когда из бездны
На нас потоком хлынет кровь,
Когда предстанет Лик Железный —
Кто примет смертную любовь?

Кто, смелый, первый прямо взглянет
Желанной Гостье в острый взор,
Кто, содрогнувшись, не отпрянет,
Меняя муку на позор?

Никто. И мы опять закружим
По затемняющим кругам,
Отдавши тело зноям, стужам,
Губам, объятьям и костям...

19 февраля 1906
Москва

Диалог

Дьявол, Вечный Изменник,
Меня возводил на башни.
Говорил: «Мой Высокий Пленник,
Позабудем наш спор вчерашний.

Я не прав был. Прошу прощенья.
Мила мне твоя дорога.
Во мне говорило мщенье —
Странная злость на Бога.

Мне дорог твой гнев вчерашний
И верность святому обету...
Обнявшись, бросимся с башни
Навстречу вечернему свету».

Умолк Небесный Изгнанник,
А я в ответ улыбаюсь.
«Я отныне твой вечный данник,
Во всем Тебе покоряюсь.

Сегодня я — вольный Изменник,
Мне незачем падать с башни.
Я — твой добровольный пленник.
Отвергнут мой Бог — вчерашний».

15 мая 1906
Лидино

* * *

Мой робкий брат, пришедший темной ночью,

По вялым травам, через чащу веток, —
Прижмись ко мне, приникни ближе, ближе!..
Удар не ждет, безжалостен и меток.

Мы сонные погибнем тайной ночью.
Убийца наш слезами захлебнется.
Приблизятся далекие зарницы.
Легко, легко, а кровь из сердца льется.

16 октября 1906
Москва

Зимой

День морозно-золотистый
Сети тонкие расставил,
А в дали, пурпурно-мглистой,
Кто-то медь ковал и плавил.

Кто-то золотом сусальным
Облепил кресты и крыши.
Тихий ветер дымам дальним
Приказал завиться выше...

К сизым кольцам взоры вскинем!
Мир печалью светлой болен...
Стынет в небе, ярко-синем,
Строй прозрачных колоколен.

4–7 декабря 1906
Москва

Афине

Тебе, богине светлоокой,
Мой стих нетвердый отдаю.
Тебе, богине светлоокой,
Вверяю утлую ладью.

Тебя, рожденную без крови,
Молю о ясной тишине!
Напеву робких славословий
Внемли, склонив чело ко мне.

И я, в благочестивом страхе.
Боясь, надеясь и любя,
Рожденный в сумраке и прахе,
Подъемлю очи на тебя.

.....

<Конец 1906 — начало 1907>

Ночью

Марине

На щеках — румянец воспаленный.
На челе твоём — холодный пот.
Совершает медленный обход
Смерть — твой повелитель непреклонный.

Но придет — и бледными губами
Не успеешь мне шепнуть: прости!..
Всё равно. Нам больше не идти
Утренними, влажными лугами.

Всё равно. Теперь ты мне чужая,
Ждет тебя разрытая земля...
«Он один», — деревья шевеля,
Стонет ветер... Стонет, убегая.

<Конец 1906 — начало 1907>

В снегах

О белых пчел беззвучные рои,
С небес низвергнутые в день солнцеворота,
Покрыли вы фатой поля мои,
На лес набросили прозрачные тенёта.

Вы пронеслись — и мы в санях, вдвоем,
Огнем горят венцы, и блещет лед залива,
Сверкает сталь подков под солнечным дождем
И рыжего коня разметанная грива.

Когда ж настанет час счастливых мук,
Когда любовь к сердцам приникнет жгучим страхом,
Усталый конь почует волю вдруг
И к стойлам ринется неудержимым махом.

И в небе кровью выступит закат,
Нас в замке на крыльце гофмаршал встретит старый,
И загремят ряды железных лат
И белых рыцарей призывные фанфары.

<Конец 1906 — начало 1907>

Парки

О, неподвижны вы, недремлющие сестры.
Лишь, развиваясь, нить туманится, как дым...
А мы вознесены на кряж томлений острый
И вот, — скользя в крови, любви обряд вершим...

На миг мы преданы размеренному стуку,
И ритм сердец в движенья верно влит, —
Но на последний вздох Тоска наложит руку,
И холод Вечности тела оледенит.

22 февраля 1907
Москва

Горе

Горе мое, златоносным потоком разлейся,
Червонные волны вспень...

Парусом черным на мачте дрожащей развейся,
Распластай на палубе тень!

Я, неподвижный, тебе неизменно покорный,
Приплыву к ее берегам,

Ей ничего не скажу, только парус мой черный
Положу к холодным ногам...

Горе мое, златоносным потоком разлейся,
Червонные волны вспень!

4–5 марта 1907
Москва

* * *

Люблю говорить слова,
Не совсем подходящие.
Оплети меня, синева,
Нитями, тонко звенящими!

Из всех цепей и неволь
Вырывают строки неверные,
Где каждое слово — пароль
Проникнуть в тайны вечерние.

Мучительны ваши слова,
Словно к кресту пригвожденные.
Мне вечером шепчет трава
Речи ласково-сонные.

Очищают от всех неволь

Рифмы однообразные.
Утихает ветхая боль
Под напевы грустно-бесстрастные.

Вольно поет синева
Песни, неясно звенящие.
Рождают тайну слова —
Не совсем подходящие.

30 апреля — 22 мая 1907
Лидино

Одинокая

Съежился, скорчился мир мой
В жизни простой и безбурной.
Я отгорожена ширмой,
Не золотой, не лазурной.

Сеть паутинно-немая
К самому сердцу прильнула.
Жизни иголка слепая
Тонко и больно кольнула.

День бесконечно струится,
Вечер — закатом окрашен.
Вечеру дай поклониться!
Лик его ласково-страшен.

Запахом листьев и почек
Сердце пьянеет — не ноет.
Вечером белый платочек
Голову плотно покроет.

Медленно съежился мир мой.
Вечер язвительно-розов.
Что ж? Я за ширмой! За ширмой!..
Где-то свистки паровозов.

25 июня 1907
Лидино

На прогулке

Злые слова навернулись, как слезы.
Лицо мне хлестнула упругая ветка.
Ты улыбнулась обидно и едко,
Оскорбила спокойно, и тонко, и метко.
Злые слова навернулись, как слезы.
Я молча раздвинул густые кусты,

Молча прошла несклоненная ты.
Уронила мои полевые цветы...
Злые слова навернулись, как слезы.

8–9 июля 1907
Лидино

* * *

Гремите в литавры и трубы, веселые люди!
Напрягайтесь, медные струны!

Словно кровавые луны
Над лесом оливково-черным
Вспарили —
Так всплыли
В избытке позорном
Из пурпура ярые груди.

Напрягайтесь, медные струны,
Гремите в арфах!

Сосцы широко размалеваны,
Она в узорчатых шарфах.
Пляшет.
Гремите, медные струны,
Веселей, музыканты!

Взметались одежды, развязаны банты,
Красные полосы ткани струятся и рдеют...
Пляшет.
Медью окованный
Пояс на бедрах тяжелыми лапами машет.
Быстрее, быстрее, — и пляшет, и пляшет...
Вскинуты руки, бледнеют, немеют.
Стиснула зубы — и липкая кровь
Сочится на бледных губах,
Медленно каплет на груди...
Обильней, обильней...
Черными крыльями страх
Задувает святильни.

Напрягайтесь, медные струны!
Пойте, гремите, — пляшет любовь!
Бейте в кимвалы, в литавры, веселые люди!

<1906–1907?>

* * *

О, горько жить, не ведая волнений,
На берегах медлительной реки!

Пустыня злая! Сон без сновидений!
Безвыходность печали и тоски!
И лишь порой мелькают мимо тени,
Согбенные проходят старики,
И девушки, смиренные, как лани,
И юноши с обломками мечей,
И матери, слабея от рыданий,
Вотще зовут покинутых детей —
И — падают, без сил, без восклицаний,
Среди густых прибрежных камышей.

<1906–1907?>

Дома

От скуки скромно вывожу крючочки
По гладкой, белой, по пустой бумаге:
Круги, штрихи, потом черчу зигзаги,
Потом идут рифмованные строчки...

Пишу стихи. Они слегка унылы.
Едва кольнув, слова покорно меркнут,
И, может быть, уже навек отвергнут
Жестокий взгляд, когда-то сердцу милый?

А если снова, под густой вуалью,
Она придет и в двери постучится,
Как сладко будет спящим притвориться
И мирных дней не уязвить печалью!

Она у двери постоит немного,
Нетерпеливо прозвенит браслетом,
Потом уйдет. И что сказать об этом?
Продлятся дни, безбольно и нестрого!

Стихи, давно забытые, — исправлю,
Все дни часами равными размерю,
И никакой надежде не поверю,
И никакого бога не прославлю.

16–17 января 1908
Москва

Мышь

Маленькая, тихонькая мышь.
Серенький, веселенький зверок!
Глазками давно уже следишь,
В сердце не готов ли уголок.

Здравствуй, терпеливая моя,
Здравствуй, неизменная любовь!
Зубок изостренные края
Радостному сердцу приготовь.

В сердце поселяйся наконец,
Тихонький, послушливый зверок!
Сердцу истомленному венец —
Бархатный, горяченький комок.

8–10 февраля 1908
Москва

Весенний рассказ

Не знаю, ночь ли их свела,
Любовь ли резвая приспела,
Она простую песню спела —
И страсть увенчана была.

Благословенны — в ночи темной
Внезапный взгляд, намек, мольба,
Любви притворная борьба
И сучьев шорох вероломный!

Благословенны — стыд, и страсть,
И вскрик, ничем не заглушенный,
И неизбежной, непреклонной
Истомы роковая власть!..

Всё так же было ночью этой.
Свершились ласки — и опять
Со лба спадающую прядь
Он отстранил рукой вздетой.

Еще спокойней и верней
Она оборки оправляла, —
И двигал ветер опахало
Зеленолистное над ней.

А там, вверху, свой лист широкий
Крутил посеребренный клен
Да — злобой поздней уязвлен —
Склонялся месяц кривобокий.

25–27–29 февраля 1908
Москва

Прощание

Итак, прощай. Холодный лег туман.
Горит луна. Ты, как всегда, прекрасна.
В осенний вечер кто не Дон-Жуан? —
Шучу с тобой небрежно и опасно.

Итак, прощай. Ты хмуришься напрасно:
Волен шутить, в чьем сердце столько ран.
И в бурю весел храбрый капитан.
И только трупы шутят неопасно.

Страстей и чувств нестрогий господин,
Я всё забыл. Прости: всё шуткой стало,
Мне только мил в кольце твоём рубин...

Горит туман отливами опала,
Стоит луна, как желтый георгин.
Прощай, прощай!.. Ты что-то мне сказала?

4–7 августа 1908
Гиреево

Песня

«Опрозраченный месяц повис на ветвях,
Опустив потухающий взор.
Проступает заря в небесах,
Запевает свирель среди гор.
Опечаленный рыцарь летит на коне,
Огибает высокий утес
И рыдает о грустной весне
Над букетом серебряных роз.
Под стремительный топот копыт
Он роняет из рук повод, —
И летит, и летит, и летит,
И кому-то кричит: навсегда!
И туманится замок вдали,
И чуть слышно доспехи звенят...
О, прощальный, взывающий взгляд!
О, предутренний холод земли!»

Ты прослушала песню мою,
Но печалью себя не тревожь:
Не о рыцаре песню пою,
Рыцарь — только священная ложь,
Лишь молитва моя о любви, о судьбе,
Чтобы в сердце сошла благодать,
Оттого что нет слов рассказать о тебе,
Оттого что нет сил промолчать.

1910

Розы

Ах, царевна, как прекрасны
Эти милые, ночные
Чудеса!
Поднеси фонарь — и тотчас
Колыхнется тень на башне,
Промелькнет твой бант крылатый
И исчезнет.
Ах, царевна, как мгновенна
Тень твоя!
Не запомнишь, не уловишь
Быстрых черт:
Может быть, ты улыбнулась,
Может быть, ты засмеялась,
Может быть, поцеловала
Руку детскую свою?
Сколько тайн, простых и нежных,
Совершается, царевна,
Вкруг тебя?
И зачем, когда мелькала
Эта тень, —
Ты прижала прямо к сердцу
Восемь темных, черных роз?
И куда исчезли розы,
И зачем опять, как прежде,
Потянулись вереницей
Эти милые, простые,
Благовонные, как розы, —
Чудеса?

<1910–1911?>

Театр

Месть

Мне нравится высокий кавалер
И черный плащ его. Надвинута на брови
Большая шляпа. В синей полутьме
Не разглядеть лица. Оно, конечно, строго,
Щетинятся колючие усы
Над тонкими, надменными губами.
Приблизимся: он не заметит нас,
Он не торопится дотронуться до шпаги...
Теперь коли. Он падает. Еще!
Сейчас появится толпа, солдаты, стража,
Проснется герцог, забормочет шут,
От факелов падет на небо желтый отсвет...
Скорей роняй перчатку. Так. Теперь

Пора вступать оркестру. Трубы начинают,
Мы убегаем.....
Опять из публики не было видно, как ты уронил перчатку!

<1910–1911?>

Романс

День серый, ласковый, мне сердца не томи:
Хлестни дождем, ударь по стеклам градом,
По ветру дождь развей и распыли,
Низринься с крыш алмазным водопадом.

Нет не томи меня: заветный сумрак свой
Побереги для юных и влюбленных,
Не мучь души холодной и пустой,
Не возмущай мечтаний усыпленных!

Уже в глаза мои беззвездный глянул мир,
Уж я не тот, каким я был когда-то,
Но ты пришел — и сердце, словно встарь,
Волнением обманчивым объято.

Кошачьей поступью крадется к сердцу страсть,
И я боюсь улыбкой нежной встретить
Ее земную, сладостную власть, —
Боюсь тебя счастливым днем отметить!

<1910–1912?>

В немецком городке

Е. А. Маршевой

1. Весна

Весело чирик поет
В маленькой ивовой клетке.
Снова весна настает,
Бойко судачат соседки:

«Нет, не уйдешь от судьбы:
Всё дорожает картофель!..»
Вон — трубочист из трубы
Кажет курносый свой профиль...

К шляпе приделав султан,
В память былого, от скуки,
Учит старик Иоганн
Деток военной науке.

Плещется флаг голубой,
Кто-то свистит на кларнете...
Боже мой, Боже ты мой, —
Сколько веселья на свете!

Январь 1914

2. Серенада

Счастливая примета:
Направо лунный глаз.
О милая Нанета!
Приди послушать нас!

Сиренью томно вея,
Туманит нас весна.
О, выгляни скорее
Из узкого окна!

Пускай полоска света
На камни упадет
И милая Нанета
По лесенке сойдет.

Пусть каждому приколет
Желтофиоль на грудь
И каждому позволит
Вздохнуть о чем-нибудь.

Январь 1914

* * *

«Вот в этом палаццо жила Дездемона...»
Все это неправда, но стыдно смеяться.
Смотри, как стоят за колонной колонна
Вот в этом палаццо.

Вдали затихает вечерняя Пьяцца,
Беззвучно вращается свод небосклона,
Расшитый звездами, как шапка паяца.

Минувшее — мальчик, упавший с балкона...
Того, что настанет, не нужно касаться...
Быть может, и правда — жила Дездемона
Вот в этом палаццо?..

5 мая 1914

* * *

На мостках полусгнившей купальни
Мы стояли. Плясал поплавок.
В предрассветной прохладе ты крепче
На груди запахнула платок.

Говорить — это значило б только
Распугать непоймавшихся рыб.
Неподвижен был удочек наших
Камышовый, японский изгиб.

Но когда на поддернутой леске
Серебрясь трепетала плотва, —
И тогда, и тогда не годились
Никакие былые слова.

В заозерной березовой роще
Равномерно стучал дровосек...
Но ведь это же было прощанье?
Это мы расходились — навек?

16 мая 1914
Томилино

* * *

Подпольной жизни созерцатель
И Божьей милостью поэт, —
Еще помедлю в этом мире
На много долгих зим и лет.

Неуловимо, неприметно,
Таясь и уходя во тьму,
Все страхи, страсти и соблазны
На плечи слабые приму.

Стиху простому, рифме скудной
Я вверю тайный трепет тот,
Что подымает шерстку мыши
И сердце маленькое жжет.

27 мая 1914

Сон

Всё было сине. Роща вечерела.
Клубилось небо. Черная земля
Болотами дышала. Стая уток
Неслась вдали. Две женщины седые
Мне преградили путь. В руках костлявых
Они держали по лопате. Обе
По имени меня назвали тихо

И стали рыть. Я сделал шаг вперед
И обессилел, точно много верст
Уже прошел по кочкам и трясинам.
Так я стоял, а женщины всё рыли,
Всё рыли яму. Хлюпала вода,
Холодная, стеклянная, как небо, —
А женщины копали и шептались.
Тут понял я, что дело плохо. Смелость
Притворную в лице изображая
И приподняв учтиво шляпу: «Сестры, —
Сказал я им. — Что роете? Могилу?» —
Старухи покачали головами.
«Нет, просто яму». — А потом мы долго
О чем-то спорили. Душистый ветер
Тянул из рощи. Темная тревога
Меня томила. Страх неодолимый
Туманил сердце, — а старухи рыли,
Всё рыли яму. Так тянулось долго.
Изнеможение мощно, как удав,
Меня сжимало. Вечер надвигался.
И вдруг одна старуха положила
Свою лопату и рукой махнула
Куда-то вдаль, за рощу, — и оттуда,
Из-за стволов, раздался вой и визг,
И дикие ответили ей вопли,
Как будто толпы демонов кричали.
Качнулись ветви, сердце вдруг упало,
А демоны злорадствовали, выли —
И смолкнули, затихнув постепенно...
И голосом отчаянья и веры
Я закричал: «Сюда, ко мне, на помощь,
Вы, силы светлые! Я здесь!» И вот,
Оттуда ж, из-за рощи, мне в ответ,
Как глупому актеру, что играет
Перед пустым театром, — раздались
Бессильные, глухие голоса
И жидкие аплодисменты... Боже!..
.....

11 сентября 1914
Москва

Из мышиных стихов

У людей война. Но к нам в подполье
Не дойдет ее кровавый шум.
В нашем круге — вечно богомолье,
В нашем мире — тихое раздолье
Благодатных и смиренных дум.

Я с последней мышью полевою

Вечно брат. Чужда для нас война, —
Но Господь да будет над тобою,
Снежная, суровая страна!

За Россию в день великой битвы
К небу возношу неслышный стих:
Может быть, мышинные молитвы
Господу любезнее других...

Франция! Среди твоей природы
Свищет меч, лозу твою губя.
Колыбель возлюбленной свободы!
Тот немышь, кто не любил тебя!

День и ночь под звон машинной стали,
Бельгия, какмышь, трудилась ты, —
И тебя, подруга, растерзали
Швабские усатые коты...

Ах, у вас война! Взметает порох
Яростный и смертоносный газ,
А в подпольных, потаенных норах
Горький трепет, богомольный шорох
И свеча, зажженная за вас.

17 сентября 1914
Москва

* * *

Аглае

На этих прочтенных страницах
Рассказано было
О феях, принцессах и птицах
Так нежно, так мило...

Но мы ведь не феи, Аглая?
К чему же нам сказки
Дочитывать нужно зевая
До самой развязки?

К чему нам огромные томы?
Ведь в книгах поэтов
Ни нашей любви не найдем мы,
Ни наших портретов?..

19 сентября 1914

Бювар

В бюваре из розовой кожи
Вот локон, вот письма Леилы.
«Придешь ли?» — «Бессовестный!» — «Милый!» —
«Меня разлюбил ты? За что же?»

Счастливые письма направо,
Налево — укоры, упрёки...
Я прежде любил эти строки,
Но совесть — котёнок лукавый.

Чешу за ушком у неё я,
Она благодарно мурлычет,
Теней залетейских не кличет
И учит не верить в былое.

5 февраля 1915

Моисей

Спасая свой народ от смерти неминучей,
В скалу жезлом ударил Моисей —
И жаждущий склонился иудей
К струе студеной и певучей.

Велик пророк! Властительной руки
Он не простер над далью синеватой,
Да не потек послушный соглядатай
Исследовать горячие пески.
Он не молил небес о туче грозовой,
И родников он не искал в пустыне,
Но силой дерзости, сей властью роковой,
Иссек струю из каменной твердыни...
Не так же ль и поэт мечтой самодержавной
Преобразует мир перед толпой —
Но в должный миг ревнивым Еговой
Карается за подвиг богоравный?
Волшебный вождь, бессильный и венчанный, —
Ведя людей, он знает наперед,
Что сам он никогда не добредет
До рубежа страны обетованной.

1909 — 30 мая 1915

S. Pario

И всё смотрю на дальние селенья,
На домики, бегущие к реке...
Не выразить на бедном языке
Души моей тяжелого волненья.
Как хорошо! Как чисты и прекрасны

Вон тех людей свободные труды,
Как зелены их мирные сады,
Как сладок их удел однообразный.
Вот селянин, коричневый от зною,
Свистя бичом, везет в повозке мать...
Да как же я могу не пожелать
Его осла, впряженного с зарею,
Его земли, его оливы стройной,
Его жены, и дома, и детей,
И наконец, на склоне долгих дней,
Кончины честной и спокойной?

Ей, Господи! За что же мне Ты дал
Мой ум раба, лукавый и мятежный,
И мой язык, извилистый и нежный,
И в сердце яд, и в помысле кинжал?
Кто скажет мне, зачем на утре дней
Изведал я кипенье винной пены,
Минутных жен минутные измены
И льстивое предательство друзей?
Зачем, как труп, в огнях игорных зал
Над золотом я чахнул боязливо
И в смене карт забвенья ласке лживой
Скудеющую душу доверял?
Зачем...

Но вот пахнул морской туманный запах,
И два священника в широкополых шляпах
Проходят мимо. Звон. Вечерня началась.
И в гору медленно они бредут, крестясь.

Июнь 1911 — декабрь 1915

* * *

На новом, радостном пути,
Поляк, не унижай еврея!
Ты был, как он, ты стал сильнее —
Свое минувшее в нем чти.

<1915>

На седьмом этаже

Подражание Брюсову

Падучие звезды бесследно
Сгорали, как звезды ракет,
А я, исцелованный, бледный.
Сидел у тебя на балконе.
В небесном предутреннем склоне
Мерцал полупризрачный свет.

Внизу запоздалым напевом
Гудел громыхающий трам...
Юпитер склонялся налево, —
И были мучительно грубы
Твои исхищенные губы
Моим безучастным губам.

Потом я ушел. По асфальту
Шаги, как упрек, раздались,
А в сердце бесследно сгорали
Томления страсти бессонной,
И ты мне кричала с балкона:
«Мне хочется броситься вниз!»

<1915>

* * *

Сойдя в Харонову ладью,
Ты улыбнулась — и забыла,
Всё, что живому сердцу льстило,
Что волновало жизнь твою.

Ты, темный переплыв поток,
Ступила на берег бессонный,
А я, земной, отягощенный,
Твоих путей не превозмог.

Пребудем так, еще храня
Слова истлевшего обета.
Я для тебя — отставший где-то,
Ты — горький призрак для меня.

<1915?>

* * *

У строгого хозяина в доме — служанкою трудолюбивой —
узнала многое, но мало что пойму, и не дано мне быть
многогоречивой.
Ночь коротка, и день как колесо, — размерена и тяжела
походка, и под ногой весь день поет песок, но остаюсь
покладистой и кроткой.
Доволен мой взыскательный хозяин и только изредка,
смутясь, отводит взгляд от глаз моих, напоенных
печалью, — почти полусобачьих глаз.

<1915?>

Пэон и Цезура

Трилистник смыслов

Покорствующий всем желаньям
Таинственной владеет силой:
Цезура говорит молчаньем —
Пэон не прекословит милой...

Но ласк нетерпеливо просит
Подруга — и в сознание власти
Он медленно главу возносит,
Растягивая звенья страсти.

14 января 1916

Весной

В грохоте улицы, в яростном вопле вагонов,
В скрежете конских, отточенных остро подков,
Сердце закружено, словно челнок Арионов,
Сердце недвижно, как месяц среди облаков.
Возле стены попрошайка лепечет неясно,
Гулкие льдины по трубам срываются с крыш...
Как шаровидная молния, сердце опасно —
И осторожно, и зорко, и тихо, какмышь.

<1916>

Про мышей

Вечер

Пять лет уж прошло, как живу я с мышами.
Великая дружба и братство меж нами.
Чуть вечер настанет, померкнет закат —
Проворные лапки легко зашуршат:
Приходят они, мои милые мыши,
И сердце смирется, бьется всё тише.
Шуршащей возней наполняется дом, —
И вот, собираются все впятером:
Приветливый Сырник, мой друг неизменный,
Охотник до сыра, спокойный, степенный;
Бараночник маленький, юркий шалун,
Любитель баранок и бойкий плясун;
Ученейший Книжник, поклонник науки, —
Беседуя с ним, не почувствуешь скуки:
Всё знает он: как, отчего, почему...
Я сам очень многим обязан ему.
За ними — Ветчинник, немножко угрюмый,
Всегда погруженный в мышинные думы;

На свете не мало узнал он скорбей —
Сидел в мышеловке за благо мышей.
Приходит и Свечник, поэт сладкогласный,
Всегда вдохновенный, восторженно-ясный,
Любимый мой Свечник, товарищ и друг...
Как сладок с мышами вечерний досуг!
Ведем разговор мы о разных предметах,
О людях, о том, что прочел я в газетах,
О странах чудесных, о дальних морях,
О сказках и былях, о разных делах,
О том, что халвы есть кусок на окошке,
И даже — о кознях бессовестной кошки.
Стихи свои Свечник читает нам вслух...
Порою же мыши становятся в круг,
Привычною лапкой за лапку берутся,
Под музыку ночи по комнате вьются, —
И, точно колдуя, танцуют оне,
Легко и воздушно, как будто во сне...
И длится их танец, как тихое чудо,
И мыши всё пляшут и пляшут, покуда
Зарей не окрасятся неба края, —
А видят их пляску — лишь месяц да я.

6 февраля 1917

На пасхе

Отрывок из повести

Пасха не рано была в тот год. В серебро-розовой дымке
Веяла томно весна по лесам, по полям и болотам.
Только в ложбинах лежали пласты почернелого снега.
Там, где просохло, рыжела трава прошлогодняя... Брось-ка
Искру в иссохшую траву: и взору, и сердцу отрада!
Мигом огонь полыхнет, побежит, зазмеится, завьется;
Синий, прозрачный дымок от земли подымет к небу;
В синем, прозрачном дымке замелькает серебряный месяц
Узким, холодным серпом, а немного левее — Венера
Вспыхнет и взором зеленым заглянет в самое сердце...
Траву сухую сожги, весне помогая и смерти,
Только успей затоптать огонь, а не то подберется
К самым сараям, конюшням... Беда!.. Уж и так от работы
Люд православный совсем отстал за Святую седмицу.
Всю-то неделю гулял он, водил хороводы, да песни
Пел, да с большой колокольни долдонил целыми днями...
В толстой церковной стене крутая лестница вьется.
Сорок истертых ступеней из мрака выводят на воздух.
Сорок ступеней пройди — и звони над весенним раздольем,
Радуйся вольному ветру да глохни от медного рева!
Редкий мужик не сходил позвонить на пасхальной неделе,
Разве что самый больной, да столетний Димитрий, который

Шведа под Нарвою бил. А все другие ходили.
Даже Андреич, бурмистр, и тот, несмотря на дородность,
На колокольню взобрался и, на руки плюнув трикратно,
Крепко взялся за веревки — и бум, бум, бум, — в самый
тяжелый

Колокол грянул. Но скоро устал и долой с колокольни,
Пот утирая, пошел. Казачок же господский Никитка,
Свечку подняв высоко, спускался за ним осторожно.
Даже мусью де-ла-Рош пришел с молодыми князьями:
С Павлом Андреичем да Николаем Андреичем. Сам-то
Взлезть он не мог, но князей отпустил. Расставивши ноги
В шелковых черных чулках и сняв треуголку, закинул
Голову кверху француз — и видел зеленое небо,
Синюю маковку церкви, Венеру, встающую слева, —
И непостижною грустью сжималось дряхлое сердце.
Но отзвонили князья; сойдя с колокольни, обедать
К барскому дому бегут сырыми дорожками парка;
Молча за ними бредет француз, опираясь на палку,
Пруд небольшой огибая — и видя: на острове круглом
Мраморный белый Амур свой мраморный лук напрягает,
В предвечернюю синь вонзив позлащенную стрелку...

1917

* * *

*Мы какие-то четыре звездочки, и, как их ни сложи, все выходит
хорошо.*

Нат<алья> Алексеевна Огарева — Герцену

Четыре звездочки взошли на небосвод.
Мечтателей пленяет их мерцанье.
Но тайный Рок в спокойный звездный ход
Ужасное вложил знаменованье.

Четыре звездочки! Безмолвный приговор!
С какою неразрывностью суровой
Сплетаются в свой узел, в свой узор
Созвездье Герцена — с созвездьем Огарева!

Четыре звездочки! Как под рукой Творца
Небесных звезд незыблемо движенье —
Так их вело единое служенье
От юности до смертного конца.

Четыре звездочки! В слепую ночь страстей,
В соблазны ревности судьба их заводила, —
Но никогда, до наших страшных дней,
Ни жизнь, ни смерть — ничто не разделило.

1920

Сонет

Своих цепей так не расторгнешь, нет!
От ненависти, бешенства и муки
Не дергай их. Скрести спокойно руки,
Закрой глаза и складывай ответ.

Меч воина и динами<т> науки
Под глыбой рабства погребает свет.
Но всё взрывает веры вещей бред,
И рушат всё кифары стройной звуки.

Знай: был не дик, не яростен, не груб,
Но сладостен звон ерихонских труб.
И каждый стих звучит, как предвещанье
Зари вечерней, предпоследней, той,
Когда земли верховное избранье
Поэт и жрец делят меж собой.

**8–17 июня 1921
Петербург**

* * *

В каком светящемся тумане
Восходит солнце, погляди!
О, сколько светлых волхвований
Насильно ширится в груди!

Я знаю, сердце осторожно, —
Была трудна его стезя.
Но не пророчить невозможно
И не приманивать — нельзя.

**21 июня 1921
Петербург**

Т-ой

Моим ты другом быть не хочешь,
Ты хочешь быть моим врагом.
Я видел: нож ты злобный точишь,
Когда я сплю притворным сном.

Ну что же! Замахнись и взвизгни,
Свой нож на сердце опусти ж!
Но ты меня вернула к жизни —
За то и жизнь казнишь.

Ты водишь по несчетным мукам

Постылого мне бытия,
Чтоб под его скрипучим звуком
Медлительно ж исчахнул я.

23 октября 1921
Петербург

* * *

Не люблю стихов, которые
На мои стихи похожи.
Все молитвы, все укоры я
Сам на суд представлю Божий.

Сам и казнь приму.
Вы ельника
На пути мне не стелите,
Но присевшего бездельника
С черных дрог моих гоните!

13 декабря 1921

* * *

Черные тучи проносятся мимо
Сел, нив, рощ.
Вот потемнело и пыль закрутилась, —
Гром, блеск, дождь.

Соснам и совам — потеха ночная:
Визг, вой, свист.
Ты же, светляк, свой зеленый фонарик
Спрячь, друг, в лист.

1920, Москва
18 ноября 1922, Saarow

* * *

Трудолюбивою пчелой,
Звения и рокоча, как лира,
Ты, мысль, повисла в зное мира
Над вечной розою — душой.

К ревнивой чашечке ее
С пытливой дрожью святотатца
Прильнула — вщупаться, всосаться
В таинственное бытие.

Срываешься вниз головой
В благоухающие бездны —
И вновь выходишь в мир подзвездный,

Запорошенная пылью.

И в свой причудливый киоск
Летишь назад, полухмельная,
Отягощаясь, накапливая
И людям — мед, и Богу — воск.

5 февраля 1923
Saarow

* * *

Сквозь облака фабричной гари
Грозя костлявым кулаком,
Дрожит и злится пролетарий
Пред изворотливым врагом.

Толпою стражи ненадежной
Великолепье окружая,
Упрямый, но неосторожный,
Дрожит и злится буржуа.

Должно быть, не борьбою партий
В парламентах решится спор:
На европейской ветхой карте
Все вновь перечертит раздор.

Но на растущую всечасно
Лавину небывалых бед
Невозмутимо и бесстрастно
Глядят: историк и поэт.

Людские войны и союзы,
Бывало, славили они;
Разочарованные музы
Припомнили им эти дни —

И ныне, гордые, составить
Два правила велели впредь:
Раз: победителей не славить.
Два: побежденных не жалеть.

4 октября 1922, Берлин
11 февраля 1923, Saarow

Себе

Не жди, не уповай, не верь:
Всё то же будет, что теперь.
Глаза усталые смежи,
В стихах, пожалуй, ворожи,

Но помни, что придет пора
И шею брей для топора.

23 апреля 1923
Saagow

* * *

Доволен я своей судьбой.
Все — явь, мне ничего не снится.
Лесок сосновый, молодой;
Бежит бесенок предо мной;
То хрустнет веточкой сухой,
То хлюпнет в лужице копытце.
Смолой пахивает лес,
Русак перебежал поляну.
Оглядывается мой бес.
«Не бойся, глупый, не отстану:
Вот так на дружеской ноге
Придем и к бабушке Яге.
Она наварит нам кашицы,
Подаст испить своей водицы,
Положит спать на сеновал.
И долго, долго жить мы будем,
И скоро, скоро позабудем,
Когда и кто к кому пристал
И кто кого сюда зазвал».

10 июня 1923
Saagow

Романс

В голубом Эфира поле
Ходит Веспер золотой.
Старый Дож плывет в гондоле
С Догарессой молодой.

Догаресса молодая
На супруга не глядит,
Белой грудью не вздыхая,
Ничего не говорит.

Тяжко долгое молчанье,
Но, осмелясь наконец,
Про высокое преданье
Запевает им гребец.

И под Тассову октаву
Старец сызнова живет,
И супругу он по праву

Томно за руку берет.

Но супруга молодая
В море дальнее глядит.
Не ропща и не вздыхая,
Ничего не говорит.

Охлаждаясь поневоле,
Дождь поникнул головой.
Ночь тиха. В небесном поле
Ходит Вечер золотой.

С Лидо теплый ветер дует,
И замолкшему певцу
Повелитель указывает
Возвращаться ко дворцу.

20 марта 1924
Венеция

* * *

Пока душа в порыве юном,
Ее безгрешно обнажи,
Бесстрашно вверх болтливым струнам
Ее святыя мятежи.

Будь нетерпим и ненавистен,
Провозглашая и трубя
Завоеванья новых истин, —
Они ведь новы для тебя.

Потом, когда в своем наитье
Разочаруешься слегка,
Воспой простое чаепитье,
Пыльцу на крыльях мотылька.

Твори уверенно и стройно,
Слова послушливые гни
И мир, обдуманый спокойно,
Благослови иль прокляни.

А под конец узнай, как чудно
Все вдруг по-новому понять,
Как упоительно и трудно,
Привыкши к слову, — замолчать.

22 августа 1924
Hollywood

Песня турка

Прислали мне кинжал, шнурок
И белый, белый порошок.
Как умереть? Не знаю.
Я жить хочу — и умираю.

Не надеваю я шнурка,
Не принимаю порошка,
Кинжала не вонзаю, —
От горести я умираю.

8 сентября 1924
Hollywood

Соррентинские заметки

1. Водопад

Там, над отвесною громадой,
Начав разбег на вышине,
Шуми, поток, играй и прядай.
Скача уступами ко мне.

Повисни в радугах искристых,
Ударься мощною струей
И снова в недрах каменистых
Кипенье тайное сокрой.

Лети с неудержимой силой,
Чтобы корыстная рука
Струи полезной не схватила
В долбленный кузов черпака.

16 февраля 1925
Сорренто

2. Пан

Смотря на эти скалы, гроты,
Вскипанье волн, созвездий бег,
Забыть убогие заботы
Извечно жаждет человек.

Но диким ужасом вселенной
Хохочет козлоногий бог,
И, потрясенная, мгновенно
Душа замрет. Не будь же строг,

Когда под кровлю ресторана,
Подавлена, угнетена,
От ею вызванного Пана

Бегом спасается она.

18 октября 1924

Сорренто

3. Афродита

Сирокко, ветер невеселый,
Всё вымел начисто во мне.
Теперь мне шел бы череп голый
Да горб высокий на спине.

Он сразу многое бы придал
Нам с Афродитою, двоим,
Когда, обнявшись, я и идол,
Под апельсинами стоим.

Март 1925

Сорренто

* * *

*Von alien säubr'ich diesen Ort —
Sie müssen miteinander fort.*

Goethe

Я сердцеед, шутник, игрок,
Везде слыву рубахой-парнем,
Но от меня великий прок
Амбарам, лавкам и пекарням.
Со мной встречаясь, рад не рад,
Снимает шляпу магистрат.
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Я крыс на дудочку ловлю.

За буйный нрав меня не раз
Из королевства изгоняли,
Но приходил, однако, час —
Назад с поклоном приглашали:
Один искусный крысолов
Ученых стоит ста голов.
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Он служит службу королю.

Я зверю бедному сулю
В стране волшебной новоселье,
И слушать песенку мою —
Невыразимое веселье.
Я крыс по городу веду
И сам танцую на ходу.
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Я крыс по-своему люблю.

Веду крысиный хоровод
В страну мечтаний, прямо, прямо, —
Туда, где за городом ждет
Глубоко вырытая яма...
Но с дурами в готовый ров
Не прыгнет умный крысолов:
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Еще он нужен королю.

<1926>

Двор

Маляр в окне свистал и пел
«Миньону» и «Кармен».
Апрельский луч казался бел
От выбеленных стен.

Одни внизу, на дне двора,
Латании в горшках
Сухие листья-веера
Склоняли в сор и прах.

Мне скоро двор заменит наш
Леса и города.
Мне этот меловой пейзаж
Дарован навсегда —

Как волны — бедному веслу,
Как гению — толпа,
Как нагружённому ослу —
Гористая тропа.

<1926>

Дактили

1

Был мой отец шестипалым. По ткани, натянутой туго,
Бруни его обучал мягкой кистью водить.
Там, где фиванские сфинксы друг другу в глаза загляделись,
В летнем пальтишке зимой перебежал он Неву.
А на Литву возвратясь, веселый и нищий художник,
Много он там расписал польских и русских церквей.

2

Был мой отец шестипалым. Такими родятся счастливы.
Там, где груши стоят подле зеленой межи,

Там, где Вилия в Неман лазурные воды уносит,
В бедной, бедной семье встретил он счастье свое.
В детстве я видел в комодке фату и туфельки мамы.
Мама! Молитва, любовь, верность и смерть — это ты!

3

Был мой отец шестипалым. Бывало, в сороку-ворону
Станем играть вечерком, сев на любимый диван.
Вот, на отцовской руке старательно я загибаю
Пальцы один за другим — пять. А шестой — это я.
Шестеро было детей. И вправду: он тяжелой работой
Тех пятерых прокормил — только меня не успел.

4

Был мой отец шестипалым. Как маленький лишний мизинец
Прятать он ловко умел в левой зажатой руке,
Так и в душе навсегда затаил незаметно, подспудно
Память о прошлом своем, скорбь о святом ремесле.
Ставши купцом по нужде — никогда ни намеком, ни словом
Не поминал, не роптал. Только любил помолчать.

5

Был мой отец шестипалым. В сухой и красивой ладони
Сколько он красок и черт спрятал, зажал, затаил?
Мир созерцает художник — и судит, и дерзкою волей,
Демонской волей творца — свой созидает, иной.
Он же очи смежил, муштабель и кисти оставил,
Не созидал, не судил... Трудный и сладкий удел!

6

Был мой отец шестипалым. А сын? Ни смиренного сердца,
Ни многодетной семьи, ни шестипалой руки
Не унаследовал он. Как игрок на неверную карту,
Ставит на слово, на звук — душу свою и судьбу...
Ныне, в январскую ночь, во хмелю, шестипалым размером
И шестипалой строфой сын поминает отца.

Январь 1927, Париж — 3 марта 1928

Памятник

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершенное так мало!
Но все ж я прочное звено:
Мне это счастье дано.

В России новой, но великой,

Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...

28 января 1928
Париж

Памяти кота Мурра

В забавах был так мудр и в мудрости забавен —
Друг утешительный и вдохновитель мой!
Теперь он в тех садах, за огненной рекой,
Где с воробьем Катулл и с ласточкой Державин.

О, хороши сады за огненной рекой,
Где черни подлой нет, где в благодатной лени
Вкушают вечности заслуженный покой
Поэтов и зверей возлюбленные тени!

Когда ж и я туда? Ускорить не хочу
Мой срок, положенный земному лихолетью,
Но к тем, кто выловлен таинственной сетью,
Все чаще я мечтой приверженной лечу.

(1934)

* * *

Сквозь уютное солнце апреля —
Неуютный такой холодок.
И — смерчком по дорожке песок,
И — смолкает скворец-пустомеля.

Там над северным краем земли
Черно-серая вздутая туча.
Котелки поплотней нахлобуча,
Попроворней два франта пошли.

И под шум градобойного гула —
В сердце гордом, веселом и злом:
«Это молнии нашей излом,
Это наша весна допорхнула!»

21 апреля 1937
Париж

* * *

Нет, не шотландской королевой
Ты умирала для меня:
Иного, памятного дня,

Иного, близкого напева
Ты в сердце оживила след.
Он промелькнул, его уж нет.
Но за минутное господство
Над озаренною душой,
За умиление, за сходство —
Будь счастлива! Господь с тобой.

20 июня 1937
Париж

Из черновиков

* * *

Плащ золотой одуванчиков
На лугу, на лугу изумрудном!
Ты напомнил старому рыцарю
О подвиге тайном и трудном.

Плащ голубой, незабудковый,
Обрученный предутренним зорям!
Нашептал ты принцессе покинутой
О милом, живущем за морем!

.....

28 мая 1907
Лидино

* * *

Проси у него творчества и любви.
Гоголь

Когда истерпится земля
Влачить их мертвенные гимны,
Господь надвинет на меня
С пустого неба — облак дымный.

И мертвый Ангел снизойдет,
Об их тела свой меч иступит.
И на последний хоровод
Пятой громовою наступит.

Когда утихнет ураган
И пламя Господа потухнет,
Он сам, как древний истукан,
На их поля лавиной рухнет.

Июль 1907
Лидино

* * *

О старый дом, тебя построил предок,
Что годы долгие сколачивал деньгу.
Ты окружен кольцом пристроек и беседок,
Сенных амбаров крыши на лугу...
Почтенный дед. Он гнул людей в дугу,
По-царски принимал угодливых соседок,
Любил почет и не прощал врагу...
Он крепко жил, но умер напоследок.

.....
Из уст своих исторгни и меня!

<1910–1911?>

* * *

Зазвени, затруби, карусель,
Закружись по широкому кругу.
Хорошо в колеснице вдвоем
Пролетать, улыбаясь друг другу.
Обвевает сквозным холодком
Полосатая ткань балдахина.
Барабанная слышится трель,
Всё быстрее бежит карусель.
«Поцелуйте меня, синьорина».

И с улыбкой царевна в ответ:
«Не хочу, не люблю, не надейся...»
— «Не полюбишь меня?» — «Никогда»
Ну — кружись в карусели и смейся.
В колеснице на спинке звезда
Намалевана красным и синим.
Мне не страшен, царевна, о нет,
Твой жестокий, веселый ответ:
Всё равно мы друг друга не минем.

И звенит, и трубит карусель,
Закрутясь по заветному кругу.
Ну, не надо об этом. Забудь —
И опять улыбнемся друг другу.
Неизменен вертящийся путь,
Колыхается ткань балдахина.

<1911>

Раскаяние

Я много лгал, запугивал детей
Порывами внезапного волнения...

Украденной личиной вдохновенья
Я обольщал любовниц и друзей.
Теперь — конец. Одно изнеможенье
Еще дрожит в пустой душе моей.
Всему конец. Как рассеченный змей,
Бессильные растягиваю звенья.
Поверженный, струей живого яда
Врагам в лицо неистово плюю.
Но я [погиб] [замолк], я больше не пою,
Лишь в сердце тлеет гордая отрада,
Что, м<ожет> б<ыть>, за голову мою
Тебе была обещана награда.

4 ноября 1911
Арбат, 49

Случайность

В душе холодной и лукавой
Не воскресить былых страстей,
[И лирный голос величавый
Уже давно не внятен ей.]

Но всё ж порой прихлынут слезы
К душе безумной и пустой.
И сердце заплетают розы,
Взращенные «ее» рукой.

Не так ли, до земли склоненный
У чужеземных алтарей,
Твердит изгнанник умиленный
Молитвы родины своей?

Но всё ж порой во дни разлуки,
Как прежде, властвует мечта,
И я целую ваши руки,
[Как целовал «ее» уста.]

П. С<ухоти>ну

Стыд неучтивому гостю, рукой отстранившему чашу.
Вдвое стыднее, поэт, прозой ответить на стих.
Слушай же, Вакха любимец! Боюсь, прогневал ты Флору,
Дерзкою волей певца в мед обративши «Полынь».

1914

Поэту-пролетарию

Байрону, Пушкину вслед, родословьем своим ты гордишься;
Грубый отбросив терпуг, персты на струны кладешь;
Учителями твоими — Шульговский, Брюсов и Белый...
[Вижу, что верным путем ты неуклонно идешь.]

.....
Вижу, осталось тебе стать чудотворцем — и всё.

<1914>

Утро

[Как мячик,] скачет по двору
[Вертлявый] воробей.
Всё ты, мечта привычная,
Поешь в душе моей.

.....
Ах, жить, о смерти думая,
Уютно и легко.

16 мая <1915>

* * *

С грохотом летели мимо тихих станций
Поезда, наполненные толпами людей,
И мелькали смутно лица, ружья, ранцы,
Жестяные чайники, попоны лошадей.

<1915>

* * *

Помн<ю>, Лила, наши речи вкрадчив<ые>,
Погасить не смели мы огня,
И, лицо от света отворачивая,
Ты стыдливо нежила меня.

Помню, Лила, эти ласки длитель<ные>
(Жгучий дар девической руки),
Слишком томные и утомительные,
Помню кровь, стучавшую в виски.

О, любовь, как полусон обманчивая!
У запретной пропасти, дрожа,
Мы бродили, ласки не заканчивая,
К<а>к <волчки?> по острию ножа.

С той поры, любовь и жизнь растрчивая,
[В трепете вечерней полутьмы]
Скольким мы шептали речи вкрадчивые,

Скольким клятвам изменили мы.

И когда, за горло цепко схватывая,
Злая страсть безумила меня,
В тело мне впивались зубы матовые.

<1915>

* * *

У черных скал, в порочном полусне,
Смотрела ты в морскую мглу, Темира.
Твоя любовь, как царская порфира,
В те вечера давила плечи мне.

Горячий воздух от песков Алжира
Струей тягучей стлался по волне,
И были мы пресыщены вполне
Разнузданным великолепьем мира.

<1915>

Отчаянье

Мне нож подает и торопит:
«Возьми же — и грудь раздвой!»
А жадное сердце всё копит
Земные богатства свои.

Когда же глухое биенье
Порою задержит слегка —
Отчетливей слышу паденье
Червонца на дно сундука.

Вскочу ли я с ложа, усталый,
Ужасным разбуженный сном, —
Оно, надрываясь, в подвалы
Ссыпает мешок за мешком.

Когда же, прервав вереницу
Давно затянувшихся дней,
Впрягите в мою колесницу
Двенадцать отборных коней.

31 июля 1916

Santa Lucia

Здравствуй, песенка с волн Адриатики!
Вот, сошлись послушать тебя

Из двух лазаретов солдатики,
Да татарин с мешком, да я.

Хорошо, что нет слов у песенки:
Всем поет она об одном.
В каждое сердце по тайной лесенке
Пробирается маленький гном.

Март — 13 ноября 1916

* * *

Полно рыдать об умершей Елене,
Радость опять осенила меня.
Снова я с вами, нестрашные тени
Венецианского дня!

1916

* * *

Тащился по снегу тюремный фургон,
И тот, кто был крепко в него заключен,

Смотрел сквозь решетку на вольных людей,
На пар, клокотавший из конских ноздрей...

[И слышал он женский призывчивый смех]

15 февраля 1917

* * *

В этом глупом Schweizerhofe
Приготовившись к отъезду,
Хорошо пить черный кофе
С рюмкой скверного ликера!

В Schweizerhof'e глупом этом
[Так огромен вид на море...
Толстый немец за буфетом,
А в саду большие пальмы.]

18 февраля 1917

На грибном рынке

Бьется ветер в моей пелеринке...
Нет, не скрыть нам, что мы влюблены:
Долго, долго стоим, склонены
Над мимозами в тесной корзинке.

Нет, не скрыть нам, что мы влюблены!
Это ясно из нашей заминки
Над мимозами в тесной корзинке —
Под фисташковым небом весны.

Это ясно из нашей заминки,
Из того, что надежды и сны
Под фисташковым небом весны
Расцвели, как сводные картинки...

Из того, что надежды и сны
На таком прозаическом рынке
Расцвели, как сводные картинки, —
Всем понятно, что мы влюблены!

18–19 февраля 1917

* * *

О будущем своем ребенке
Всю зиму промечтала ты
И молча шила распашонки
С утра — до ранней темноты.

Как было радостно и чисто,
Две жизни в сердце затая,
Наперстком сглаживать батиста
Слегка неровные края...

И так же скромно и безвестно
Одна по Пресне ты прошла,
Когда весною гробик тесный
Сама на кладбище снесла.

18 октября 1917

Буриме

Для второго изд<ания> «Сч<астливого> домика»

И вот он снова — неумолчный шорох.
Открыла шкаф — разбросанная вата,
Изъеденных материй пестрый ворох...
Всё перерыто, скомкано, измято.

Но, милый друг, — и нынче ты простила
Моих мышей за вечные убытки.
Заботливо, спокойно, просто, мило
Вновь прибрала нехитрые пожитки.

И что сердиться? Сладко знать, что где-то
Шуршит под лапкой быстрою бумага, —
И вспомнить всё, что было нами спето,
И веровать, что жизнь, к<a>к смерть, есть благо.

24 ноября 1917

Ворон

Я выследил его от скуки
И подстрелил в лесу глухом...
Он хрипло каркал, бил крылом
И не хотел даваться в руки.

Потом, шипя змеей, широко
Свой жесткий клюв он разевал.
Но я тоски не прочитал
В зрачках с предсмертной поволокой.

Не муку и не сожаленье,
Не злобу тщетную, не страх, —
Увидел я в его глазах
Неумолимое презренье.

Лет недожитого излишка
Он не жалел, проживши век,
И явно думал: человек,
Ты глупый, но и злой мальчишка.

[Для дикой и пустой мечты] злой тщеты,
А скольким я таким, к<a>к ты,
Клевал глаза в Карпатах.

17 декабря 1917

* * *

Ты о любви мне смятенно лепечешь
Лепетом первой, девической страсти...
Что же ответить на эти
Тщетные детские клятвы?

Смене порывов своих уступая,
Ты и со мной перестала считаться:
То к поцелуям неволишь,
То припадаешь и плачешь.

Бедная девочка! Если б ты знала,
Что передумал я, глядя на эти
Слишком румяные губы,
Слишком соленые слезы —

Бедные, милые клеточки жизни!..
Что мне до них, если я... Но смолкаю:
Пусть не в испуге, а в гневе
Ты от меня отшатнешься.

25 февраля — 19 декабря 1917

Буриме

Огни да блески на снегу.
Исчерканный сверкает лед.
За ней, за резвою, бегу,
Ее коньков следя полет.

И даже маска не упала.
Исчезла, к<a>к воспоминанье,
Костюмированного бала
Неуловимое созданье.

Теперь давно уже весна,
Мой пыл угас, каток растаял,
Покрылась шишками сосна...
Но этот сон меня измаял.

<Конец 1917>

* * *

Я родился в Москве. Я дыма
Над польской кровлей не видал,
И ладанки с землей родимой
Мне мой отец не завещал.

Но памятны мне утра в детстве,
Когда меня учила мать
Про дальний край скорбей и бедствий
Мечтать, молиться — и молчать.

Не зная тайного их смысла,
Я слепо веровал в слова:
«Дитя! Всех рек синее — Висла,
Всех стран прекраснее — Литва».

1917

* * *

Пять лет уже прошло, как я живу с мышами.
Приязнь великая наладилась меж нами.
Да что и ссориться? Я этим не грешу:

Они себе шуршат, а я себе пишу.
То пошумят в шкапу, то за диваном... Ладно!
Я, значит, не один — и это мне отрадно.
[А всё, что говорят худое про мышей, —
По чести — клевета, не доверяйте ей.
Нередко слышу я, что мыши, дескать, воры...
Учитесь презирать такие разговоры.
Тот, у кого всё есть, не станет воровать,
А у кого нужда — ну как тому не дать?]
И часто вечером, в покойные часы
Тружусь я у стола, а глядь — уже носы
[Из щелей повиснули]

1917

* * *

Хорошие стихи меня томят,
Плохие же так милы почему-то:
Они души не жалят, не язвят,
В них теплота домашнего уюта.
Вот — истинно приятный лимонад.
[Они легки, как шелковый халат.]
Для гениев всего одна минута
Есть у меня. Зато бездарность... — о,
Я вечер целый трачу на нее.

<1916–1917>

* * *

Я знаю: рук не покладает
В работе мастер гробовой,
А небо все-таки сияет
Над вечною моей Москвой.

И там, где смерть клюкою черной
Стучится в нищие дворы,
Сегодня шумно и задорно
Салазки катятся с горы.

Бегут с корзиной ребятишки,
Вот стали. Бурый снег [летит] скрипит: —
И белый голубь [из-под] крышки
В лазурь морозную летит.

Вот — закружился над Плющихой —
Над снежным полотном реки,
А вслед ему как звонко, лихо
Несутся клики и свистки.

Мальчишки шапками махают,

Алеют лица, к<a>к морковь.
Так божества не замечают
За них пролившуюся кровь.

<1917–1918>

* * *

Я гостей не зову и не жду —
Но высокие свечи зажег
И в окошко смотрю на восток,
Поджидая большую звезду

Я высокие свечи зажег,
На солому поставил еду,
И кутью, и питье на меду, —
И хмелею, и пью, одинок.

На солому поставив еду,
Коротаю я свой вечерок,
Отбывая положенный срок
В этом ясном и тихом аду.

6 января 1918

* * *

За шторами — седого дня мерцанье
Зажжен огонь. Рокочет самовар.
Как долго внятно ты, ночное бормотанье
Безжалостных и неотвязных мар!

Я сел к столу. По потолку ширяет
Большим крылом свечи пугливый свет.
И страшно мне, как лишь во сне бывает.
[Вот зеркало. В нем пусто Нет меня.]

9 января 1917

Современнику

Мы были когда-то равны
В толпе шумящих племен.
На тяжкий подвиг, державный,
Был каждый из нас обречен.

Сжимал ты в руке единой,
[Хоть мал,] хоть и глух, и слеп,
Как державу в лапе орлиной,
Миллионы малых судеб.

А мне отречения нет.

27 февраля (12 марта) 1918

Призраки

Слышу и вижу вас
В вагонах трамвая, в театрах, конторах
И дома, в мой вдохновенный час,
При сдвинутых шторах.
Вы замешались в толпу, вы снуете у фонарей,
Там, где газетчик вопит о новых бедах России.

22 марта 1918

Голубок

Дверцу клетки ты раскрыла.
Белый голубок
Улетел, в лицо мне бросив
Быстрый ветерок...

Полно! Разве только этот
Скудный дан мне срок?
Разве, друг мой, ты не вспомнишь
Эти восемь строк?

16–17 апреля 1918

* * *

Пейте горе полным стаканчиком!
Под кладбище (всю) землю размерьте!..
Надо быть китайским болванчиком,
Чтоб теперь говорить — не о смерти.

Там, на севере, созрела смородина,
Там июльские блещут грозы...
Ах, от глупого слова «родина»
На глаза навернулись слезы.

<1917–1918>

* * *

Судьей меня Господь не ставил,
И не сужу я никого.
Но сердце мне Он переплавил
В горниле гнева своего.

<1917–1918?>

* * *

Редея, леса червленеют
В осеннем текучем огне.
Тенета паук расставляет
На слабо пригретой стене.
Вот — яблока две половинки:
Тебе, Персефона, и мне.

Прощай же. До встречи весенней
Блаженно запомнит она
Твою застигийскую поступь,
Дыханье воздушнее сна,
И сока пахучую сладость,
И легкую горечь зерна.

<1918–1919>

* * *

Жестокий век! Палач и вор
Достигли славы легендарной.
А там, на площади базарной,
Среди бесчувственных сердец
Кликушей кликает певец.

Дитя со злобой теребит
Сосцы кормилицы голодной.
Мертвец десятый день смердит,
Пока его на страшный суд (к червям на суд)
Под грязной тряпкой не снесут.

<1918–1919>

* * *

Мы вышли к морю. Ветер к суше
Летит, гремучий и тугой,
Дыхание перехватил — и в уши
Ворвался шумною струей.

Ты смущена. Тебя пугает
Валов и звезд органный хор,
И сердце верить не дерзает
В сей потрясающий простор.

И в страхе, под пустым предлогом,
Меня ты увлекаешь прочь...
Увы, я в каждый миг пред Богом —
Как ты пред морем в эту ночь.

Апрель 1916 — 22 июня 1919

Листик

Прохожий мальчик положил
Мне листик на окно.
Как много прожилок и жил,
Как сложно сплетено!

Как семя мучится в земле,
Пока не даст росток,
Как трудно движется в стебле
Тягучий, клейкий сок.

Не так ли должен я поднять
Весь груз страстей, тревог,
И слез, и счастья — чтоб узнать
Простое слово — Бог?

6 июля 1919

* * *

В городе ночью
Тишина слагается
Из собачьего лая,
Запаха мокрых листьев
И далекого лязга товарных вагонов.
Поздно. Моя дочурка спит,
Положив головку на скатерть
Возле остывшего самовара.
Бедная девочка! У нее нет матери.
Пора бы взять ее на руки
И отнести в постель,
Но я не двигаюсь,
Даже не курю,
Чтобы не испортить тишину, —
А еще потому,
Что я стихотворец.
Это значит, что в сущности
У меня нет ни самовара, ни дочери,
Есть только большое недоумение,
Которое называется: «мир».
И мир отнимает у меня всё время.

7 сентября 1919

* * *

Высокий, молодой, сильный,

Он сидел в моем кабинете,
В котором я каждое утро
Сам вытираю пыль,
И громким голосом,
Хотя я слышу отлично,
Говорил о новой культуре,
Которую он с друзьями
Несет взамен старой.
Он мне очень понравился,
Особенно потому, что попросил займы
Четвертый том Гете,
Чтобы ознакомиться с «Фаустом».
Во время нашей беседы
Я укололся перочинным ножом
И, провожая гостя в переднюю,
Высосал голубую капельку крови,
Проступившую на пальце.

7 сентября 1919

Стансы

Во дни громадных потрясений
Душе ясней, сквозь кровь и боль,
Не оцененная дотоль
Вся мудрость малых поучений.

«Доволен малым будь!» Аминь!
Быть может, правды нет мудрее,
Чем та, что, вот, сижу в тепле я
И дым над трубкой тих и синь.

Глупец глумленьем и плевком
Ответит на мое признание,
Но высший суд и оправданье —
Весы души, во мне самом.

Да! малое, что здесь, во мне,
И взрывчатей, и драгоценней,
Чем всё величье потрясений
В моей пылающей стране...

И шепчет гордо и невинно
Мне про стихи мои мечта,
Что полновесна и чиста
Их «золотая середина»!

25 ноября — 4 декабря 1919

* * *

Душа поет, поет, поет,
В душе такой расцвет,
Какому, верно, в этот год
И оправдания нет.

В церквах — гроба, по всей стране
И мор, и меч, и глад, —
Но словно солнце есть во мне:
Так я чему-то рад.

Должно быть, это мой позор,
Но что же, если вот —
Душа, всему наперекор,
Поет, поет, поет?

5 декабря 1919

* * *

В семнадцать лет, когда до слез, до слез
Восторгами душа заболела,
Когда мечта венком незримых роз
От всех меня так чудно отличала, —

[Что было мне прекраснее всего?]

..... МОИХ
Пыланье звезд, и рокот соловьиный,
И повторенный голосом Марины
Твой стих, Бальмонт.

20 декабря 1919

* * *

Я помню в детстве душный летний вечер.
Тугой и теплый ветер колыхал
Гирлянды зелени увядшей. Пламя плошек,
Струя горячий, едкий запах сала,
Взвизгивало языками. Тени флагов,
Гигантские, шныряли по стенам.
На дне двора, покрытого асфальтом,
Гармоника урчала. Ребятишки
Играли в коронацию. В воротах
Аксинья, вечно пьяная старуха,
С кухарками ругалась. Петька-слесарь
Подзуживал, и наконец она
Вскочила, юбки вскинула и голый
Всем показала зад.

А между тем вдали
Вдруг пронеслось и замерло протяжно:
Ура! ура! Ва! ва-ва-а! Должно быть,

Там, по Тверской, промчался царь с царицей
На паре вороных коней.

<1919>

* * *

Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна —
Справа запад, темно-красный,
Слева близкая луна.

Той звезде — удел поэтов:
Слишком рано заблистать —
И меж двух враждебных светов
Замирать, сиять, мерцать!

25 апреля 1920

* * *

В беседе хладной, повседневной
Сойтись нам нынче суждено.
Как было б горько и смешно
Теперь назвать тебя царевной!
Увы! Стареем, добрый друг,
Уж мир не тот, и мы другие,
И невозможно вспомнить вслух
Про ночи звездной Лигурии...

А между тем в каморке тесной,
Быть может, в этот час ночной
Читает юноша безвестный
Стихи, внушенные тобой.

13 июня 1920

* * *

Апрельский дождик слегка накрапывал,
Но мы с тобой сквозь дырявый зонт
Увидели небо такое синее,
Какое видно только душе.

И зашатались от счастья и тяжести,
Как может (смеет) шататься один (разве) Атлант,
И то, что для встречных было безрифменно,
Огромной рифмой (с)вязало нас.

О друг [неверный], терзатель безжалостный!
Ведь мы же клялись: навек, навсегда.
Зачем же после с такой жестокостью

Меня ты бросил здесь одного?

24 июня 1920

* * *

Иду, вдыхая глубоко
Болот Петровых испаренья,
И мне от голода легко
И весело от вдохновенья.

[Иду, как ходит ветерок
По облетающему саду.]
Прекрасно — утопать и петь,

<1921>

* * *

Я сон потерял, а живу как во сне.
Всё музыка дальняя слышится мне.

И арфы рокочут, и скрипки поют —
От музыки волосы дыбом встают.

[Но кто-то.....рукой,
И звук обрывается с болью такой,]

.....
Как будто бы в тире стрелок удалой
Сбивает фигурки одну за другой.

И падают звуки, а сердце горит,
А мир под ногами в осколки летит.

И скоро в последнем, беззвучном бреду
Последним осколком я сам упаду.

<1921>

* * *

Косоглазый и желтолицый,
С холщовым тюком на спине,
Я по улицам вашей столицы
День-деньской брожу в полусне.

Насмехайтесь и сквернословьте,
Не узнаете вы о том,
Как дракон на шелковой кофте
Лижет сердце мое огнем.

<1921?>

* * *

Мечта моя! Из Вифлеемской дали
Мне донеси дыханье тех минут,
Когда еще и пастухи не знали,
Какую весть им ангелы несут.

Всё было там убого, скудно, просто:
Ночь; душный хлев; тяжелый храп быка.
В углу осел, замученный коростой,
Чесал о ясли впалые бока,

А в яслях... Нет, мечта моя, довольно:
Не искушай кощунственный язык!
Подумаю — и стыдно мне, и больно:
О чем, о чем он говорить привык!

Не мне сказать...

Январь 1920, ноябрь 1922

* * *

В этих отрывках нас два героя,
Незнакомых между собой.
Но общее что-то такое
Есть между ним и мной.

И — простите, читатель, заранее:
Когда мы встречаемся в песий час,
Всё кажется — для компании
Третьего не хватает — вас.

10 декабря 1922
Saagow

* * *

Он не спит, он только забывает:
Вот какой несчастный человек.
Даже и усталость не смыкает
Этих воспаленных век.

Никогда ничто ему не снится:
На глаза всё тот же лезет мир,
Нестерпимо скучный, как больница,
Как пиджак, заношенный до дыр.

26 декабря 1922
Saagow

* * *

Пыль. Грохот. Зной. По рыхлому асфальту,
Сквозь запахи гнилого мяса, масла
Прогорклого и овощей лежалых,
Она идет, платочком утирая
Запекшиеся губы. Распахнулась
На животе накидка — и живот
Под сводом неба выгнулся таким же
Высоким круглым сводом. Там, во тьме,
В прозрачно-мутной, первозданной влаге,
Морщинистый, сомкнувший плотно веки,
Скрестивший руки, ноги подвернувший,
Предвечным сном покоится младенец —
Вниз головой.

Последние часы
Чрез пуповину, вьющуюся тонким
Канатиком, досасывает он
Из матери живые соки. В ней же
Всё запрокинулось, всё обратилось внутрь —
И снятся ей столетий миллионы,
И слышится умолкших волн прибой:
Она идет не площадью стесненной,
Она идет в иной стране, в былой.
И призраки гигантских пальм, истлевших
Давным-давно глубоко под землей,
И души птиц, в былой лазури певших,
Опять, опять шумят над головой.

1914–1922

* * *

Старик и девочка-горбунья
Под липами, в осенний дождь.
Поет убогая певунья
Про тишину германских рощ.

Валы шарманки завывают;
Кругом прохожие снуют...
Неправда! Рощи не бывают,
И соловьи в них не поют!

Молчи, берлинский призрак горький,
Дитя язвительной мечты!
Под этою дождливой зорькой
Обречена исчезнуть ты.

Шарманочка! Погромче взвизгни!
С грядущим веком говорю,
Провозглашая волчьей жизни
Золотожелчную зарю.

Еще бездельники и дети
Былую славят красоту, —
Я приучаю спину к плети
И каждый день полы мету.

Но есть высокое веселье,
Идя по улице сырой,
Как бы новоселье
Суровой праздновать душой.

<1922>

* * *

Помню куртки из пахучей кожи
И цинготный запах изо ртов...
А, ей-богу, были мы похожи
На хороших, честных моряков.

Голодали, мерзли — а боролись.
И к чему ж ты повернул назад?
То ли бы мы пробрались на полюс,
То ли бы пошли погреться в ад.

Ну, и съели б одного, другого:
Кто бы это видел сквозь туман?
А теперь, как вспомнишь, — злое слово
Хочется сказать: «Эх, капитан!»

Повернули — да осволочились.
Нанялись работать на купца.
Даже и не очень откормились —
Только так, поприбыли с лица.

Выползли на берег, точно крабы.
Разве так пристало моряку?
Потрошим вот, как на кухне бабы,
Глупую, вонючую треску.

А купец-то нами помыкает
(Плох сурок, коли попал в капкан),
И тебя не больно уважает,
И на нас плюет. Эх, капитан!

Самому тебе одно осталось:
Греть бока да разводить котят.
Поглядишь — такая, право, жалось.
И к чему ж ты повернул назад?

28–29 января 1923
Saagrow

* * *

Раскинул под собой перину,
Как упоительную сень.
Сейчас легонько отодвину
Свою дневную дребедень.

Еще играет дождик мелкий
По запотелому стеклу.
Автомобильной свиристелкой
Прочмокали в пустую мглу.

Пора и мне в мои скитанья.
Дорога мутная легка —
Сквозь каменные очертанья
В лунеющие облака.

1 марта 1923
Saagow

* * *

Я родился в Москве. Я дыма
Над польской кровлей не видал,
И ладанки с землей родимой
Мне мой отец не завещал.

России — пасынок, а Польше —
Не знаю сам, кто Польше я.
Но: восемь томиков, не больше, —
И в них вся родина моя.

Вам — под ярмо ль подставить выю
Иль жить в изгнании, в тоске.
А я с собой свою Россию
В дорожном уношу мешке.

Вам нужен прах отчизны грубый,
А я где б ни был — шепчут мне
Арапские святыя губы
О небывалой стороне.

25 апреля 1923
Saagow

В кафе

Мясисто губы выдаются
С его щетинистой щеки,
И черной проволокой вьются

Волос крутые завитки.

Он — не простой знаток кофеен,
Не сноб, не сутенер, — о, нет:
Он славой некою оваян,
Он провозвестник, он поэт.

Лизнув отвиснувшие губы
И вынув лаковый блокнот,
Рифмует: кубы, клубы, трубы,
Дреднот, вперед, переворот.

А сам сквозь дым английской трубки
Глядит, злорадно щуря взор,
Как бойко вскидывает юбки
Голодных женщин голый хор.

Ему противна до страданий
Арийских глаз голубизна,
Арийских башен и преданий
Готическая вышина,

Сердец крылатая тревога,
Колоколов субботный звон...
Их упоительного Бога
Заочно презирует он.

И, возвратясь из ресторана
И выбросив измятый счет,
Он осторожно из кармана
Какой-то сверток достает.

28 февраля, 25 августа 1923
Saagow

НЭП

Если б маленький домишко,
Да вокруг него садишко,
Да в погожий бы денек
Попивать бы там чаек —

Да с супругой Акулиной
Да с дочуркой Октябриной
Д'на крылечке бы стоять —
Своих курочек считать,

Да у каждой бы на лапке
Лоскуток из красной тряпки —
Вот он, братцы, я б сказал, —
«Нацональный идеал»!

<1923>

* * *

«Проходят дни, и каждый сердце ранит,
И на душе — печали злая тень.
Верь, близок день, когда меня не станет:
Томительный, осенний, тусклый день».

Ты мне прочел когда-то эти строки,
Сказав: кончай, пиши романс такой,
Чтоб были в нем и вздохи и намеки
Во вкусе госпожи Ростопчиной.

Я не сумел тогда заняться ими,
Хоть и писал о гибнущей весне.
Теперь они мне кажутся плохими,
И вообще не до романсов мне.

Я многие решил недоумения,
Из тех, что так нас мучили порой.
И мир теперь мое ласкает зренье
Не , но честной наготой.

<Конец 1923 — начало 1924>
Мариенбад

27 мая 1836

Оставил дрожки у заставы,
Побрел пешком.
Ну вот, смотри теперь: дубравы
Стоят кругом.

Недавно ведь мечтал: туда бы,
В свои поля!
Теперь несносны рощи, бабы
И вся земля.

Уж и возвышенным, и низким
По горло сыт,
И только к теням застигийским
Душа летит.

Уж и мечта, и жизнь — обуза
Не по плечам.
Умолкни, Парка! Полно, Муза!
Довольно вам!

26 марта 1924

Рим

* * *

Как совладать с судьбою-дурой?
Заладила свое — хоть плачь.
Сосредоточенный и хмурый,
Смычком орудует скрипач.

А скрипочка поет и свищет
Своим приятным голоском.
И сам Господь с нее не взыщет
Ей всё на свете нипочем.

4 апреля 1924

Рим

* * *

Великая вокруг меня пустыня,
И я — великий в той пустыне постник.
Взойдет ли день — я шторы опускаю,
Чтоб солнечные бесы на стенах
Кинематограф свой не учиняли.
Настанет ночь — поддельным, слабым светом
Я разгоняю мрак и в круге лампы
Сгибаю спину и скриплю пером, —
А звезды без меня своей дорогой
Пуškai идут.

Когда шумит мятеж,
Голодный объедается до рвоты,
А сытого (в подвале) рвет от страха
Вином и желчью, — я засов тяжелый
Кладу на дверь, чтоб ветер революций
Не разметал моих листов заветных.
И если (редко) женщина приходит
Шуршать одеждой и сиять очами —
Что ж? я порой готов полюбоваться
Прельстительным и нежным микрокосмом...

<1924–1925>

* * *

Кто счастлив честною женой,
К блуднице в дверь не постучится.
Кто прав последней правотой,
За справедливостью пустой
Тому неместно волочиться.

<1925–1926>

* * *

Нет ничего прекрасней и привольней,
Чем навсегда с возлюбленной расстаться
И выйти из вокзала одному.
По-новому тогда перед тобою
Дворцы венецианские предстанут.
Помедли на ступенях, а потом
Сядь в гондолу. К Риальто подплывая,
Вдохни свободно запах рыбы, масла
Прогорклого и овощей лежалых
И вспомни без раскаянья, что поезд
Уж Мэстре, вероятно, миновал.
Потом зайди в лавчонку banco lotto,
Поставь на семь, четырнадцать и сорок,
Пройдись по Мерчерии, пообедай
С бутылкою «вальполичелла». В девять
Переоденься и явись на Пьяцце
И под финал волшебной увертюры
«Тангейзера» — подумай: «Уж теперь
Она проехала Понтеббу». Как привольно!
На сердце и свежо и горьковато.

<1925–1926>

* * *

Как больно мне от вашей малости,
От шаткости, от безмятежности.
Я проклиная вас — от жалости,
Я ненавижу вас — от нежности.

О, если б вы сумели вырасти
Из вашей гнилости и вялости,
Из болотной сырости,
Из...

<1925–1926>

* * *

Сквозь дикий грохот катастроф
Твой чистый голос, милый зов
Душа слышала когда-то...

Нет, не понять, не разгадать:
Проклятье или благодать, —
Но петь и гибнуть нам дано,
И песня с гибелью — одно.
Когда и лучшие мгновенья
Мы в жертву звукам отдаем —
Что ж? Погибаем мы от пенья

Или от гибели поем?

А нам простого счастья нет.
Тому, что с песней рождено,
Погибнуть в песне суждено...

<1926–1927>

Мы

Не мудростью умышленных речей
Камням повелевал певец Орфей.

Что прелесть мудрости камням земным?
Он мудрой прелестью был сладок им.

Не поучал Орфей, но чаровал —
И камень дикий на дыбы вставал

И шел — блаженно лечь у белых ног.
Из груди мшистой рвался первый вздох.

.....
.....

Когда взрыдали тигры и слоны
О [прелестях] Орфеевой жены —

Из каменной и из звериной тьмы
Тогда впервые вылупились — мы.

<Январь — 10 декабря 1927>
Париж

Утро

То не прохладный дымок подмосковных осенних туманов,
То не на грядку роняет листочки свои георгин:
Сыплются мне на колени, хрустя, лепестки круассанов,
Зеленоватую муть над асфальтом пускает бензин.

[Всё это присказки только. О сказках помалкивать надо.
Знаем о чем помолчать.] Понапрасну меня не учи.
Славлю я утренний кофе на светлом моем перекрестке,
Пыль под метлою гарсона и солнца косые лучи.

<1930-е гг.>

* * *

В последний раз зову Тебя: явись
На пиршество ночного вдохновенья.
В последний раз: восхить меня в ту высь,
Откуда открывается паденье.

В последний раз! Нет в жизни ничего
Святее и ужаснее прощанья.
Оно есть агнец сердца моего,
Влекомый на закланье.

В нем прошлое возлюблено опять
С уже нечеловеческою силой.
Так пред расстрелом сын объемлет мать
Над общей их могилой.

13 февраля 1934
Париж

* * *

Не ямбом ли четырехстопным,
Заветным ямбом, допотопным?
О чем, как не о нем самом —
О благодатном ямбе том?

С высот надзвездной Музики
К нам ангелами занесен,
Он крепче всех твердынь России,
Славнее всех ее знамен.

Из памяти изгрызли годы,
За что и кто в Хотине пал,
Но первый звук Хотинской оды
Нам первым криком жизни стал.

В тот день на холмы снеговые
Камена русская вошла
И дивный голос свой впервые
Далеким сестрам подала.

С тех пор в разнообразье строгом,
Как оный славный «Водопад»,
По четырем его порогам
Стихи российские кипят.

И чем сильней спадают с кручи,
Тем пенистей водоворот,
Тем сокровенней лад певучий
И выше светлых брызгов взлет —

Тех брызгов, где, как сон, повисла,
Сияя счастьем высоты,

Играя переливом смысла, —
Живая радуга мечты.

.....
Таинственна его природа,
В нем спит спондей, поет пэон,
Ему один закон — свобода.
В его свободе есть закон...

<1938>

Шуточные стихотворения

На даче

Хорошо бы собаку купить.

Ив. Бунин

Целый день твержу без смысла
Неотвязные слова.
В струйном воздухе повисла
Пропыленная листва.

Ах, как скучно жить на даче,
Возле озера гулять!
Все бывшие неудачи
Вспоминаются опять.

Там клубится пыль за стадом,
А вон там, у входа в сад,
Три девицы сели рядом
И подсолнухи лущат.

Отчего же, в самом деле,
Вянет никлая листва?
Отчего так надоели
Неотвязные слова?

Оттого, что слишком ярки
Банты из атласных лент,
Оттого, что бродит в парке
С книгой Бунина студент.

<Январь 1913>

Шурочке

По приятному случаю дня ее рождения

Подражание Петрарку

Ах, Шурочка! Амурчикова мама
Уж тридцать лет завидует, дитя,
Тебе во всем. Но сносишь ты шутя
То, что для всех иных прелестниц — драма.

Коль щастлив твой избранник!.. И хотя
Уж минул век Фисбеи и Пирама,
Всё мирнава блаженства панорама
Слепит мой взор, пленяя и цветя.

Се вас пою! Являйте нам примеры
Изящества, достойнава Харит,
Взаимных ласк и неизменной веры...

Так! Клевета дней ваших не мрачит,
Нет Зависти, бежали прочь Химеры —
И песнию венчает вас пиит.

1914

* * *

Бедный Бараночник болен: хвостик, бывало проворный,
Скромно поджав под себя и зубки оскаливши, дышит.
Чтобы его <ободрить> и выразить другу вниманье,
Мы раздобыли баранку. Но что же? Едва шевельнувшись,
Лапкой ее отстранил — и снова забылся дремотой...
Боже мой! Если уж даже баранка мышиною сердца
Больше не радует — значит, все наши заботы бессильны,
Значит, лишь Ты, Вседержитель, его исцелишь и на радость
В мирный наш круг возвратишь. А подарок до времени может
Возле него полежать. Очнется — увидит. Уж то-то
Станет баранку свою катать по всему он подполью!
То-то возней громыхливой соседям наделает шуму!

16 декабря 1914

Кишмиш

Кишмиш, кишмиш! Жемчужина Востока!
Перед тобой ничто — рахат-лукум,
Как много грез, как много смутных дум
Рождаешь ты... Ты сладостен, как око

У отрока, что ищет наобум
Убежища от зноя — у потока.
Кишмиш! Кишмиш! Поклоннику Пророка
С тобой не страшен яростный самум.

Главу покрыв попоною верблюда,

Чеканное в песок он ставит блюдо,
И ест, и ест, пока шумят над ним
Летучие пески пустыни знойной, —
И, съев всё блюдо, мудрый и спокойный,
Он снова вдаль бредет путем своим.

5 октября 1916

Разговор человека с мышкой, которая ест его книги

Мой милый Книжник. Ты совсем
Опять изгрыз два тома... Ловок!
Не стыдно ль пользоваться тем,
Что не люблю я мышеловок?

Хоть бы с меня пример ты брал:
Я день-деньской читаю книжки,
Но разве кто-нибудь видал,
Что я грызу их, как коврижки?

Из книг мы знаем, как живут
Индейцы, негры, эскимосы.
В журналах люди задают
Друг другу умные вопросы:

Где путь в Америку лежит,
Как ближе: морем или сушей?..
Ну, словом, — вот тебе бисквит,
А книг, пожалуйста, не кушай.

12, 27 ноября 1916

* * *

Ей-богу, мне не до стихов,
Не до экспромтов — уж подавно.
Однако ж было б очень славно,
Когда бы эдак в семь часов,
Иль в восемь, или даже в девять
(Мы заняты ужасно все ведь) —
Зашли Вы Ньюру повидать.
Она устала и тоскует,
Из здравницы вернувшись вспять,
Затем что здравница... пустует.
«Продуктов нет» — так рапортует
Хор нянек праздных... А пенять
Лишь на судьбу рекомендуют.

<1920>

* * *

Не только в древности неслышные слова
Природа темная певцам вещала славным:
И ныне с Оцупом беседует, как с равным,
На доме Зингера пустая голова.

10 июля 1921

Памятник

Exegi monumentum.

Павлович! С посошком, бродячею каликой
Пройди от финских скал вплоть до донских станиц,
Читай мои стихи по всей Руси великой, —
И столько мне пришлют яиц,
Что если гору их на площади Урицкой
Поможет мне сложить поклонников толпа —
То, выглянув в окно, уж не найдет Белицкий
Александрийского столпа.

Апрель 1921

* * *

Право же, только гексаметр сему изобилью приличен.
Только в гексаметре можно воспеть красоту простокваши,
Слоем сметаны покрытой. Сметана же чуть розовата,
Персям купальщицы юной подобна по виду, а вкусом —
С чем бы сравнилась она?... Борис, удалясь от супруги,
Вспомни лобзания дев, босоногих, искусных в плясанье,
Также в науке любви. Языком розоватым и тонким
Зубы твои размыкает прелестная... Вкус поцелуя,
Сладостный, — вдруг обретает тончайшую некую свежесть
С легкой и томной кислинкой. Таков же и вкус простокваши.

1921

Пути и перепутья

Без мыла нынче трудно жить
Литературным ветеранам —
Решился Брюсов проложить
Свой путь *ad gloriam per anum*.

<1920–1921?>

* * *

Люблю граненые стаканы

(Их любит каждый глупый сноб)
И ламп зеленые тюльпаны,
Бросающие света сноп.

Люблю чернильницы. Не мало
Они вмещают черноты.
В них потаенно задремало
Осуществление мечты.

Мне книги слаще поцелуя,
Милей принцессовой руки,
Когда меж ними нахожу я
Малютки Бермана стишки.

А счета! Я смотрю не морщась
На их кольчужные ряды,
Когда под пальцами конторщиц
Они бегут туды-сюды.

Но лучше всех вещей — кубышка.
Напоминает мне порой
Ее прорезанная крышка
Уста Полонской дорогой.

Издатель! Друг! С лицом веселым
Мне чек скорее подмахни
И пресс-папье своим тяжелым
Автограф милый промокни.

<1921–1922>

* * *

Люблю я старой толстой «Сафо»
Бледно-голубенький дымок,
Подобный дыму пироскафа,
Когда с изяществом жирафа
Взбив на челе свой черный кок,
Издатель Беренштейн Игнатий,
Любимец муз и Кузмина,
Мне говорит: «Прошу вас, нате», —
У запотевшего окна, —
А сам глистит не хуже, право,
Чем пасынок глистящий мой,
И распускает хвост, как пава,
Остря уныло и гнусаво,
Как Шершеиевич молодой —
Сей бурный вождь имажинистов,
Любимый бард кокаинистов,
Блистательный, как частный пристав
Благих, умчавшихся времен,
Мелькнувших, как счастливый сон, —

Времен, когда в Москве старинной
Я жил безгрешно и невинно,
Писал не много, важно, чинно,
И толстой «Сафо» не курил,
И с Беренштейном не дружил.

<1921–1922>

Аполлиназм

«На Лая лаем лай! На Лая лаем лаял...
То пес, то лютый пес! Пospel, посмел!» То спел
Нам Демодок, медок в устах тая. И таял,
И Маем Майи маял. Маем Майи млел.

Ты, Демодок, медок (медовый ток) замедли!
Медовый ток лия — подли, помедли лить!
Сей страстный, сладный бред душе, душе не вред ли?
Душе, вдыхая вздох, — паря, не воспарить.

Сочинение

Ни#769;ничек глаза таращит
На вокзальные часы,
Очень беспокоясь на счет
Женственной своей красоты.

Ждет с любовным треволнением,
Что приеду я назад,
И взирает с нетерпением
В супротивный циферблат.

Завивает русы косы
И помадой щеки трет.
Но у ей глаза раскосы,
И всегда она урод.

<1925>

Предупреждение врагу

Будут ли ясно сиять, небеса
Иль вихорь подыметесь дикий —
В среду, как только четыре часа
Пробьет на святом Доминике, —

Бодро вступлю я в подъезд «Родника»,
Две пули запрятавши в дуле;

Мимо Коварского, в дверь Вишняка
Войду — и усядусь на стуле.

Если обещанных франков пятьсот
Тотчас из стола он не вынет,
Первая пуля — злодею в живот,
Меня же вторая не минет.

2 мая 1925

Париж

* * *

Париж обитая, низок был бы я, кабы
В послании к другу не знал числить силлабы.

Учтивости добрый сим давая пример,
Ответствую тебе я на здешний манер:

Зван я в пяток к сестрице откушати каши,
Но зов твой, Бахраше, сестриной каши краше.

И се, бабу мою взяв, одев и умыв,
С него купно явлюсь, друже, на твой призыв.

Январь 1927

Париж

* * *

Трепетность его хорея изумительна.

В. Сирин

«Алек, чтобы в стройном темпе
Мог воспеть я образ твой,
Непременно принеси мне
Ты название мази той,
От которой то, что ноготь
Человеческий неймет,
Волчий клык и орлий коготь
С эпидермы не сдерет,
То, чего Психея трогать
Белым пальцем не рискнет,
Словом — деготь, деготь, деготь
Наконец со лба сойдет, —
Ибо длится проволочка,
Жизнь не жизнь, в душе мертво,
Весь я стал как меду бочка
С ложкой дегтя твоего».

Январь 1928

* * *

Хвостова внук, о друг мой дорогой,
Как муха на рогах, поэзию ты пашешь:
Ты в вечности уже стоишь одной ногой, —
Тремя другими — в воздухе ты машешь.

<Конец 1920-х гг.>

* * *

Георгию Раевскому

Я с Музою не игрывал уж год,
С колодою рука дружнее, чем с лирой,
Но для тебя — куда ни шло! Идет:
Тринадцать строк без козырей! Контрируй!
В атаку! В пики! Ну-ка, погляди:
Пять взяток есть, осталось только восемь,
Уж только семь! С отвагою в груди
Трефового туза на бубну сносим.
Он нам не нужен. Счастья символ сей
Некстати нам. А впрочем — что таиться?
Порою сердце хочет вновь забиться...
А потому — отходим всех червей,
Пока не стали сами — снесь червей.

<Конец 1920-х гг.>

Куплеты

Un vrai Viandox stimule et r#233;conforte...
Какие звуки! Да! Так вот зачем
На север шла латинская когорта
И в галльском стане реял надо всем,
Верцингеторикс, твой крылатый шлем!
Un vrai Viandox stimule et r#233;conforte.

Un vrai Viandox stimule et r#233;conforte!
Все истины вместились в сей одной.
Когда, кипя в чугунном чане черта,
Я из себя пушу бульон мясной,
Черт будет ей оправдан предо мной:
Un vrai Viandox stimule et r#233;conforte.

Un vrai Viandox stimule et r#233;conforte.
Он всё дает: здоровый цвет лица,
И прыть в стихах, и прыть иного сорта.
Лелея в Мише мужа и певца,
Вари Viandox, Раиса, без конца.
Un vrai Viandox stimule et r#233;conforte.

<1930-е гг.>

Блоха и горlinkка

Басня

На пуп откупщика усевшись горделиво,
Блоха сказала горlinkке: «Гляди:
Могу скакнуть отсюдова красиво
До самых груди».
Но горlinkка в ответ: «Сие твое есть дело».
И — в облака взлетела.

Так Гений смертного в талантах превосходит,
Но сам о том речей отнюдь не водит.

<1930-е гг.>

* * *

О други! Два часа подряд
Склоняю слово: Бенсерад —
И огорчаюсь. Я не рад
Тому, что я не Бенсерад.

Подумайте! У Бенсерада
Был дом — конечно, не громада,
Но дом, и верно — не без сада.
В хозяйстве было всё, что надо.
И потому, когда прохлада
С небес лилась на стогны града, —
Тотчас же звучная рулада
Со струн срывалась Бенсерада.

Мечты летели к Бенсераду,
И рифмовал он без насаду,
Легко, приятно. Три дня кряду —
И, кончив вовремя тираду,
Скакал в Версаль, как раз к параду,
И сам король за то в награду
Сиял как солнце — Бенсераду.

Как хорошо быть Бенсерадом!
Не одурманен славы чадом,
Пусть не был он родным ей чадом, —
А всё ж потомство с гордым взглядом
К нему два века ходит на дом
И в лавках продает номадам
Открытки с честным Бенсерадом.

Закончим же о Бенсераде:

Когда теней в безмолвном стаде,
В глухой тоске, в сердечном гладе,
Пойду бродить — в своей тетради
Кто обо мне хоть шутки ради
Черкнет, как я — о Бенсераде?

1935

Жалоба Амура

Амур в слезах поэту раз предстал
И так ему сказал:
«Мой горестен удел: чуть сердца два взогрею —
Уж уступаю место Гименею!»

1935

Приношение Р. и М. Гординым

Друзья мои! Ведь вы слышали
О бедном магарадже том,
Который благотворным сном
Не мог забыться лет едва ли
Не десять? Всё он испытал:
Менял наложниц, принимал
Неисчислимыя лекарства,
Язык заглатывал, скликал
Ученых, йогов, заклинал
Богов — и Фельзена читал.⁵
Не помогало. И — полцарства
За полчаса простого сна
Он обещал. «Да! вот цена
Богатства, власти, силы, славы!
Как всё ничтожно, Боже правый!» —
Так думал я, но глас лукавый
Шептал мне: «Стоит свеч игра!
Дерзай, пришла твоя пора!»
И я чрез водные пустыни
В страну индийских чар и грез
Статьи о Пушкине повез —
Те самые, которых ныне
Такой же точно экземпляр
Вам приношу в смиренный дар.

Меж тем несчастливый властитель
Уж разуверился во всем,
Когда моих творений том

⁵ Именно для чтения этого автора изучал он русский язык. (прим. автора).

Был принесен в его обитель.
На книгу еле он взглянул,
Но всё ж лениво разогнул
И стал читать — и вдруг зевнул,
И вдруг, за десять лет впервые,
Он на подушки пуховые
Склонил венчанную главу,
Не кончив первую главу.
Придворными из залы тронной
В свою постель перенесен,
На пятый день проснулся он,
Румяный, свежий, благосклонный,
Но отказался наотрез
Со мною разделить корону:
Она, мол, вышний дар небес.
Что делать? Я к нему не лез,
Как звездочет к царю Додону,
Хорош в венце, хорош и без...
Вдвоем на троне было б тесно...
Не счесть алмазов, как известно, —
Далекой Индии чудес.
Мне дали три мешка — и вскоре
Пустился я в обратный путь.
Качало сильно в Красном море.
Решив от качки отдохнуть,
Остановился я в Марселе
Дня на два в небольшом отеле.⁶
Был вечер. В номере своем
Я лег, волнуемый мечтами
О будущем. Я видел дом
Блистательный — и сад кругом
С неимоверными цветами,
Где вскоре, вскоре буду с вами...
Нет, лучше сократить рассказ
Ужасный для меня, для вас,
Для человечества, быть может!
Раскаянье мне сердце гложет!
Какой-то бес меня толкнул.
В полубеспамятстве мечтанья
Свою я книгу развернул —
Источник счастья и страданья.
Прочтя страницу, я заснул!
Так скорпион своим же ядом
Себя язвит в кольце огня.
Очнувшись в ярком свете дня,
Сокровищ не нашел я рядом:
Мешки украли!.....

1937

⁶ Я не решался еще продавать свои драгоценности и был стеснен в средствах (*прим. автора*).

